ФАНТ-ХАБАР

2026

33

ФАНТ-ХАБАР

2026
9 (33)

3 Календарь. 2026. Октябрь
15 Такие дела. Сентябрь 2026
22 Голоса из Сетей
132 Источники

Первая страница:
Фантастические миры художника Steven James Morris

Редактор: БВИ
bvi@rusf.ru
https://t.me/bratrazum
https://bvi.livejournal.com
http://bvi.rusf.ru/fx/fx033.pdf

Арканар: Метагом, 2026

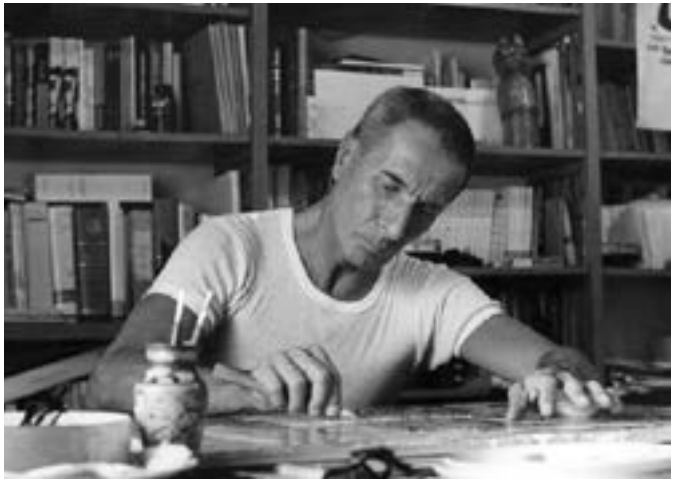
Календарь фантастики: Октябрь

2 октября: **О перемещении во времени**

115 лет назад родился **Уолтер Брейдон ФИННЕЙ (Джек ФИННЕЙ) [Walter Braden FINNEY (Jack FINNEY)]** (1911-1995), американский писатель, автор романов «Похитители тел», «Десятицентовик с Вудро Вильсоном», «Меж двух времён», «Меж трёх времён», «Стена Мэрион», многих рассказов.

Финней писал и фантастику, и детективы. В 1955 году был опубликован его роман «Похитители тел», который в дальнейшем был четырежды (!) экранизирован, о злобных космических спорах, вселявшихся в людей. Но самым популярным стал его роман «Меж двух времён», в котором главный герой из 1970 года попадает в 1880-е годы. Главной заслугой автора была историческая педантичность описания Нью-Йорка конца XIX века, достоверное описание мира столетней давности, географическая точность (книгу даже иллюстрировали фотографии описываемых мест тогда и теперь). В продолжении романа, в книге «Меж трёх времён», герой пытается изменить события 1912 года и становится невольным виновником гибели «Титаника».

6 октября: **Кафка знойного юга**



120 лет назад родился **Дино БУЦЦАТИ ТРАВЕРСО [Dino BUZZATI TRAVERSO]** (1906-1972), итальянский писатель, журналист и художник, автор романов «Татарская пустыня», «Большой портрет», сборников «Семь гонцов», «Шестьдесят рассказов».

Вертер де Гёте на сайте «Лаборатория фантастики» пишет: «Один из самых ярких итальянских авторов двадцатого века. «Кафка знойного юга», писатель-философ, заслуживший уважение самого Борхеса, Буццати – не забронзовевший классик, мимоходом обратившийся к тёмным страницам, Нет, на протяжении всего творческого пути писатель исследовал тёмную сторону человеческой души, его основные орудия – кафкианство, притча, сюрреализм, абсурдизм, мистика. Буццати полностью наш человек. Несколько рассказов автора включались

в антологии хоррора, но его главное направление творческого поиска, не хоррор, а weird, тёмная странная проза. По-настоящему страшный рассказ «Чужие» не имеет никакого отношения к космическим тварям, здесь всё земное. Семейная пара оказывается проездом в небольшом городке. Здесь у них возникает небольшой конфликт с местными жителями, перерастающий в ругань и драку. Толпа чувствует чужаков по говору и поведению и звереет. Чужаков сажают в клетку, подвергают издевательствам».

7 октября: **Исследовательница творчества Стругацких**

50 лет назад родилась **Алла Владимировна КУЗНЕЦОВА** (р. 1976), русский литературовед, член группы «Людены», автор работ о творчестве братьев Стругацких, библиографии критических работ о Стругацких.

Из отзыва Войцеха Кайтоха на диссертацию «Рецепция творчества братьев Стругацких в критике и литературоведении: 1950-1990-е гг.»: «Работа Аллы Кузнецовой произвела на меня хорошее впечатление прежде всего ввиду её новаторства. Насколько я знаю, литературоведение не часто занимается рецепцией произведений современных писателей на их родине. Чаще встречаются исторические работы, реконструирующие литературное сознание удалённой во времени эпохи, или посвящённые рецепции произведений конкретного писателя на фоне чужой литературы (типа «Достоевский в Польше» или «Конрад в России»). Исследовательница написала историко-литературную работу, являющуюся пионерским исследованием новой области ещё и потому, что опиралась на информацию о российской издательской политике, касающейся фантастики вообще (и творчества Стругацких – в частности), открывшуюся лишь в последнее время».

8 октября: **Настоящее чудо**

90 лет назад родился **Леонид Вячеславович КУРАВЛЁВ** (1936-2022), русский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Вий» (Хома Брут), «Два дня чудес» (Вадим Леонидович Мурашёв), «Двенадцать месяцев» (Старый солдат), «Иван Васильевич меняет профессию» (Жорж Милославский), «Эта весёлая планета» (Игрек, инопланетянин), «Бегство мистера Мак-Кинли» (Мистер Дроот), «Просто ужас!» (Руслан Иванович), «ТАСС уполномочен заявить...» (Зотов), «Человек-невидимка» (Марвел), «На златом крыльце сидели» (Король Амфибрахий), «Житие Дон Кихота и Санчо» (Николас, цирюльник), «Лестница» (Дядя Миша), «Оно» (Василиск Семёнович Бородавкин), «Мастер и Маргарита» (Никанор Иванович Босой), «Призрак дома моего» (Домовой), «Новогодняя история» (Дед Мороз), «Если невеста ведьма» (Профессор), «Книга мастеров» (Барин).

Актёр исполнил в кино более 200 ролей, озвучивал многих мультипликационных героев, но практически не давал интервью. Пара цитат из редких бесед с репортёрами:

«Светлый период, когда я снимался у Гайдая в фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Сколько мне раз говорили простые люди на улице: мол, домой идёшь, на работе что-то не так, да и дома, приходишь, включаешь «Ивана Васильевича»... И жизнь – опять жизнь, и радуешься».

«На съёмках фильма «Вий» произошло настоящее чудо. Там есть эпизод, когда Наталья Варлей летает в гробу. Однажды закрутился гроб с Наташей, и вдруг она стала падать. Во-первых, скорость, представьте себе, и, во-вторых, метра 3 высота. Она стала падать, а я находился в той точке, где мне пришлось всего лишь, не отступая ни на шаг, подставить руки, и она в них упала. Это чудо!»

8 октября: **О подобии Рая**

75 лет назад родился **Даниэль Мусеевич КЛУГЕР (Виталий ДАНИЛИН)** (1951-2025), русский писатель, поэт, переводчик, исполнитель баллад, автор цикла «Невероятные приключения штурмана Кошкина», романов «Тысяча лет в долг» (с А. Рыбалкой), «Смерть в Кесари», «Дела магические», «Последний выход Шейлока», «Мушкетёр», «Двадцатая рапсодия Листа», «Четвёртая жертва сирени» (оба – с В.Бабенко под псевдонимом Виталий Данилин), сборников «Сатанинская пристань», «Тайна капитана Немо», истории классического детектива «Баскервильская мистерия».

Из статьи Клугера об утопической литературе: «И вспомнил я такой удивительный, такой глубокий образ, из еврейской мистики – «Рай-подобие». В Каббале – еврейском мистическом учении – среди множества сложных и неожиданных понятий существует понятие Рай-подобие, Рай-иллюзия. Согласно каббалистическим представлениям, человек после смерти может оказаться не в истинном,

настоящем Раю, а в Раю-подобии, иллюзорном Раю, который предоставляет ему всё, о чём некогда мечталось человеку при жизни. Есть хасидский рассказ о том, как преданный слуга-возчик одного праведника, когда его спросили, о чём он мечтает, ответил: чтоб повозка не ломалась, лошадь была сытой, а дорога – ровной. И после смерти он получил именно это – душа его спала в бесконечном сне, и в этом бесконечном сне он запрягал сытую резвую лошадку в новенькую коляску и всё ехал, ехал по бесконечной ровнёхонькой дороге – ехал и ехал, и испытывал при этом настоящее счастья. И этот сон его души будет продолжаться до конца времен...»

9 октября: **Про разруху**

100 лет назад родился **Евгений Александрович ЕВСТИГНЕЕВ** (1926-1992), русский актер, исполнитель ролей в спектаклях «Голый король» (Король), «Всегда в продаже» (Профессор Аброскин), в к/ф «Гиперболоид инженера Гарина» (Пётр Петрович Гарин), «Вкус халвы» (Визирь), «Легенда о Тиле» (Священник), «Про Красную Шапочку» (Звездочёт), «Нос» (Чиновник газетной экспедиции), «Чёрная курица, или Подземные жители» (Батюшка, учитель богословия), «Сказки старого волшебника» (Новый король), «Собачье сердце» (Профессор Преображенский), «Новые приключения янки при дворе короля Артура» (Архиепископ), «Город Зеро» (Хранитель музея), в телеспектаклях «Уровень шума» (Кеннет Беркли), «Человек из страны Грин» (Франк Давенант), в радиоспектаклях «Приключения барона Мюнхгаузена» (Барон Мюнхгаузен), «Дон Кихот» (Санчо Панса).

Из последнего интервью Евстигнеева:

– Жалко страну. Сколько лет создавалось единое государство, а мы развалили его. При всём моём уважении ко всем народам, этот распад вызывает

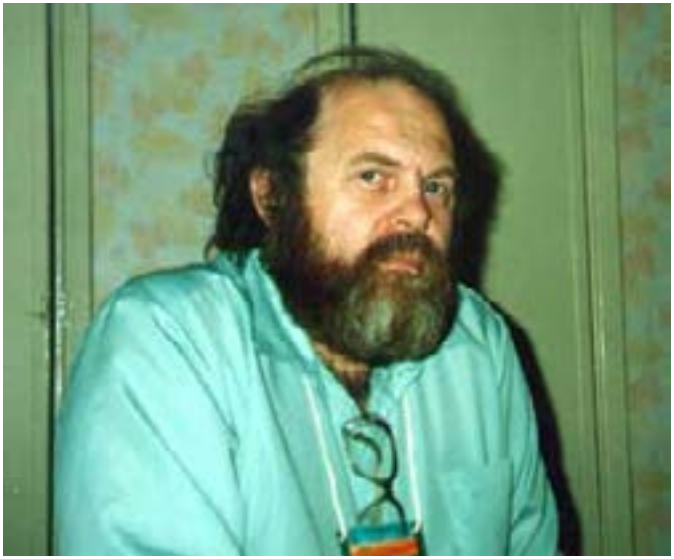
у меня боль. Думаю, что ничего хорошего из этого не получится. Страна погружается в разруху.

– Но вспомните, что говорил Ваш профессор Преображенский: «Какая ещё разруха? Если я не буду писать мимо унитаза, Вы не будете и Дарья не будет, то не будет никакой разрухи».

– Абсолютно с ним согласен. Булгаковский текст напрямую ложится на сегодняшний день. Самое страшное, что творится сейчас, – это огромные ножницы между нравственностью, долгом и распущенностью.

9 октября: **Темпы писательской карьеры**

75 лет назад родился **Святослав Владимирович ВИТМАН (Святослав ЛОГИНОВ)** (р. 1951), русский писатель, автор романов «Многорукий бог далайна», «Колодезь», «Чёрная кровь» (с Н.Перумовым), «Чёрный смерч», «Земные пути», «Картёжник», «Свет в окошке», «Имперские ведьмы», «Атака извне» (с Б.Зеленским), «Дорогой широкой», «Россия



за облаком», сборников «Быль о сказочном звере», «Если ты один», «Страж Перевала», «Железный век», «Мёд жизни», «Закат на планете Земля».

Из автобиографии: «Даже написав два десятка миниатюр, штуки три из которых на сегодняшний день опубликованы, я не считал, что занимаюсь писательским ремеслом, ибо «все писатели давно повешены в кабинетах литературы». А потом меня случайно занесло в Дом писателя на Воинова 14. И я умудрился попасть прямиком на самое первое заседание семинара Б.Н.Стругацкого. Там мне и объяснили, что я, оказывается, пытаюсь писать, но просто ещё не умею. Произошло это событие в марте 1974 года. С этого времени я и отсчитываю свой писательский стаж. Первая журнальная публикация стряслась со мной в апреле 1975 года в журнале «Уральский Следопыт», а вторая – в апреле 1981 в журнале «Искорка». А ведь все эти годы я активно и много работал. Именно такими темпами в ту пору делали писательскую карьеру. Можно ещё было гнать конъюнктуру, но этого я не делал никогда».

11 октября: **Переводчик и карта произведения**

90 лет назад родился **Андрей Андреевич КИСТЯКОВСКИЙ** (1936-1987), русский переводчик, автор переводов произведений А.Кёстлера, Дж.Р.Р.Толкина, А.Тутуолы, В.Шойинки.

Евгений Витковский вспоминал о работе переводчика над «Властелином Колец»: «Кистяковского очень раздражала карта Средиземья. Он просчитал расстояния, и получалось, что чем правее карта, – тем больше на ней ужат масштаб. (Причем именно английская карта!) Обычная история, когда рисует непрофессионал-европеец: слева направо берёт большой масштаб, а потом всё теснее и теснее: либо бумагу подклеивать надо, либо всё делать сначала. Андрей показывал, что речушка Берендуин (пишу, как он писал) на карте чуть ли не сопоставима с «великой рекой Андуин», по которой путники плывут много дней».

13 октября: **Всю жизнь читал**

60 лет назад родился **Максим Евгеньевич МОШКОВ** (р. 1966), русский фэн, создатель одной из первых российских интернет-библиотек, в том числе и фантастики.

Из интервью:

Почему вы решили заняться литературой? Вы любите читать?

Всю жизнь читал, с начальных классов школы. В год осиливал по 200-300 книжек.

Какой жанр литературных произведений для вас наиболее близок? У вас есть любимые книги?

В детстве увлекался фантастикой. Повзрослев, стал всеядным. Любимых книжек много – любая хорошая книга мною любима. Несколько десятков, а то и сотен названий – всех не перечислить.

Библиотека Мошкова не меняла дизайн с 1994 года. С чем это связано? Вы не любите перемены?

Если менять не нужно – менять не надо.

Т.е. вы придерживаетесь принципа – если машина работает, не нужно её ремонтировать?

Если машина справляется с работой – не нужно её менять.

Кто из современных авторов вам больше всего по душе?

Стругацкие, Пелевин, О'Санчес, Жарковский, Бобров, Павел Андреев, Бабченко, Толстая...

15 октября: **Добряк-романтик**

120 лет назад родился **Георгий Сергеевич МАРТЫНОВ** (1906-1983), русский писатель, автор романов «Звездоплаватели», «Гость из бездны», «Каллисто», «Гианэя», «Спираль времени», повести «Сто одиннадцатый».

Владимир Ларионов об утопии Мартынова:

В 1961 году журнал «Смена» начинает печатать фантастический роман-утопию Георгия Мартынова «Встреча через века», в 1962-м в Лениздате выходит книжное издание под названием «Гость из бездны». Речь в романе о том, как советского дипломата Дмитрия Волгина, скончавшегося в Париже в 1953 году и уложенного для транспортировки на родину в герметичный свинцовый гроб, наполненный инертным газом, потомки воскрешают аж через 19 веков. Автор пишет в предуведомлении к книге: «Роман «Гость из бездны» был начат и задуман в 1951 году. Я был убеждён тогда, что описываемые в романе достижения науки и техники – дело очень отдалённого будущего, и поэтому перенёс действие на две тысячи лет вперёд. Жизнь доказала, что я был неправ. И теперь я так же искренне убеждён, что наука и техника значительно раньше достигнут гораздо большего, чем описал я».

Когда-то я спросил Бориса Стругацкого, как он относится к писателю Георгию Мартынову. Порывшись в своих компьютерных файлах, нашёл ответ Бориса Натановича: «Мартынов был добряк. Любил повторять: «Мечтать! Надо мечтать!» Это звучало у него как лозунг, как призыв. И он, безусловно, был романтик, – типичный Романтик с большой буквы, которые и тогда встречались не часто, а сегодня, к началу 21-го века, совсем повывелись. По-моему, он поддерживал дружеские отношения с Иваном Антоновичем Ефремовым, они были чем-то похожи...».

15 октября: **Как стать гением**

100 лет назад родился **Генрих Саулович АЛЬТШУЛЛЕР (Генрих АЛЬТОВ)** (1926-1998), русский писатель и учёный, создатель Теории Решения Изобретательских Задач и Теории Развития Творческой Личности, автор повестей «Баллада о звёздах»

(с В.Журавлёвой), «Третье тысячелетие», сборников «Легенды о звёздных капитанах», «Опаляющий разум», «Создан для бури».

Из книги «Как стать гением»: «Великим открывателем доступно стать каждому. Неотложными делами и срочными обязательствами, сиюминутной выгодой, объективными причинами и просто ленью обстоятельства отвлекают человека от главного выбора в его жизни. Суетность и стремление успеть многое заставляют важнейшее отложить на

потом. Позже – по тем же самым причинам – ещё на потом. И так далее, оставляя человеку взамен утраченного времени мифическое «никогда не поздно». Так считают люди от 20 до 60 лет. В этой вере скрыто великое счастье человека и великое его заблуждение. Счастье – потому что иногда начинают в сорок, как Колумб или Пришвин, например. Правда, готовясь к этому «началу» всю предшествующую жизнь. А заблуждение – потому что наступает момент, когда альтернатива выбора цели фактически исчезает. Поздно что-то менять, а человек всё говорит: «Успеется...» – так и пронеся этот девиз через долгие годы».

16 октября: **Переводчик трудных книг**

80 лет назад родился **Константин Васильевич ДУШЕНКО (М.ПУТИНКОВСКИЙ)** (р. 1946), русский переводчик произведений С.Лема, К.Фиалковского, автор библиографии С.Лема.

Константин Душенко активно участвовал в подготовке первого собрания сочинений Лема на русском языке, и не только перевёл многие произведения для него заново, но и исправил многочисленные огрехи других переводчиков. Он много переписывался с Лемом в 1990-х годах, а вот одно из первых писем польского мастера переводчику (от 20 декабря 1988): «Так вы перевели «Осмотр на месте» для издательства «Орбита»? Это довольно ТРУДНАЯ книга для перевода, может быть, ОЧЕНЬ трудная. Если вы хотите, можете прислать мне в Краков экземпляр перевода на русский язык, и я могу его авторизовать. Кроме всего прочего, это могло бы укрепить вашу позицию как переводчика этого романа (ибо мне кажется, что кто-то ещё уже переводит это на русский язык), поскольку я замечаю, что сейчас много людей бросилось (и не только в России) меня переводить».

21 октября: **Вредная сказка**

130 лет назад родился **Евгений Львович ШВАРЦ** (1896-1958), русский писатель, драматург, сценарист, автор пьес «Тень», «Дракон», «Обыкновенное чудо», «Сказка о потерянном времени», «Снежная королева», киноповести «Золушка», сценария к/ф «Каин XVIII» (с Н.Эрдманом).

Из дневников Шварца:

«17 июня. «Дракона», которого так хвалили, вдруг в конце марта резко обругали в газете «Литература и искусство». Обругал в статье «Вредная сказка» писатель Бородин. Тем не менее разрешён закрытый просмотр пьесы. Он состоится, очевидно, в конце июня или в начале июля.

9 декабря. «Дракон» был показан, но его не разрешили. Смотрели его три раза. Один раз пропустили на публике. Спектакль имел успех. Но потребовали много переделок. Вместо того чтобы

заниматься мелкими заплатками, я заново написал второй и третий акты. В ноябре пьесу читал на художественном совете ВКИ. Выступали Погодин, Леонов – очень хвалили, но сомневались. Много говорил Эренбург. Очень хвалил и не сомневался. Хвалили Образцов, Солодовников. Сейчас пьеса лежит опять в Реперткоме».

При жизни автора пьеса так и не была больше поставлена. Запрет был снят лишь в 1962 году.

21 октября: **Кэрри из страны чудес**

70 лет назад родилась **Кэрри Фрэнсис ФИШЕР [Carrie Frances FISHER]** (1956-2016), американская актриса и писательница, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Звёздные войны» (Принцесса

Лея Органа), «Театр волшебных историй» (Дюймовочка), «Франкенштейн» (Элизабет), «Амазонки на Луне» (Мэри Браун), «Страж времени» (Петра), «Она вернулась» (Беатрис), «Вредный Фред» (Джейни), «Капитан Крюк» (Целующаяся женщина на мосту), «Остин Пауэрс: Человек-загадка международного масштаба» (Терапевт), «Крик 3» (Бьянка Бёрнетт), «Джек и Бобби» (Мэдисон Скутчер), «Кровавая расплата» (Репортёр), «Крик в общаге» (Мисс Креншоу), «Это Рождество, Кэрол!» (Ив), «Вайлет в стране чудес» (Хэйзел), автор книги «Дневники принцессы».

За два месяца до кончины Кэрри Фишер снялась в фильме «Вайлет в стране чудес». Из-за перерывов в финансировании, а также после ковидных ограничений фильм вышел в прокат лишь в 2023 году. Критики писали: «Последняя роль Кэрри Фишер – это пример потрясающей игры Голливудской иконы и актрисы, которая не только безусловно любит свою работу, но и переносит свою образцовую личность в жизни на экран. Мы всё ещё грустим по Кэрри Фишер, но лучшего прощания, чем этот фильм, не могло и быть».

22 октября: **С пропеллером на спине**

100 лет назад родился **Спартак Васильевич МИШУЛИН** (1926-2005), российский актёр театра и кино, исполнитель ролей в спектаклях «Чёртова мельница» (Чёрт 1-го разряда), «Клоп» (Швейцар, Двуполое Четвероногое), «Король Лир» (Шут), «Баня» (Режиссёр), «Малыш и Карлсон, который живёт на крыше» (Карлсон), «Обыкновенное чудо» (Король), в к/ф «В тринадцатом часу ночи» (Леший), «В тридевятом царстве...» (Новый премьер-министр, Главарь военной хунты), «Тень, или Может быть, всё обойдётся» (Министр финансов), «Мастер и Маргарита» (Арчибальд Арчибальдович), «Бременские музыканты» (Гениальный сыщик), «Азирис Нуна» (Сторож), озвучивал м/ф «Волшебник Изумрудного города», «Алиса в Зазеркалье», «Доверчивый дракон», «Незнайка и Баррабасс».

Из интервью дочери Карины: «Он очень любил роль Карлсона, она ему совершенно не надоедала. Гордился, что зал всегда полон, что на этом спектакле выросло несколько поколений ребят. Мало кто уже помнит, что первые годы в постановке был трюк: Карлсон с крутящимся пропеллером на спине летал под колосниками и затем спускался в окно к Малышу. Но однажды плохо закрепили страховку, папа упал вниз. К счастью, было уже не высоко, но больше рисковать не стали. В детстве я не пропускала ни одного представления. У нас даже сложилась игра: пока папа кланялся на сцене, я выскакивала из зала и неслась на мужской этаж к гримёрным – встречать его. Открывался лифт, и в меня летел рыжий парик, который я обязательно должна была поймать».

29 октября: **Мастер короткой формы**

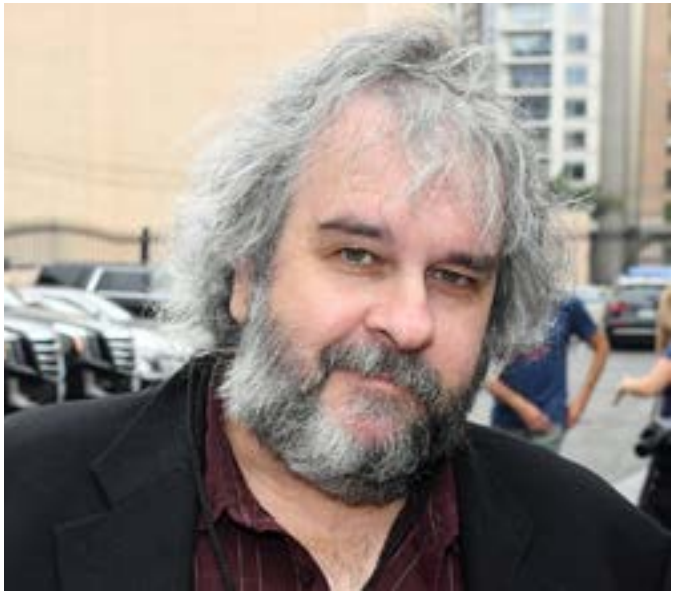
120 лет назад родился **Фредрик Уильям БРАУН (Феликс ГРЭМ; А.МАКФЕЙЛ) [Fredric William BROWN (Felix GRAHAM; A.MCFAIL)]** (1906-1972), американский писатель, автор сборников рассказов «Космос на ладонях», «Ангелы и звездолёты», «Медовый месяц в Аду», «Кошмары и божемойки», «Дневные кошмары», «Потерянный парадокс», романов «Что за безумная Вселенная!», «Марсиане, убирайтесь домой», «Галактический скиталец», «Мозговик».

Хотя Фредрик Браун написал много и крупных произведений (более 25 романов, правда, многие не фантастического, а детективного плана), всё-таки больше он был известен как мастер короткого рассказа, чаще юмористического или сатирического характера, с замечательно неожиданными концовками. Так, например, заканчивается рассказ «Стук в дверь»: «Последний человек на Земле видел в комнате в полном одиночестве. Раздался стук в дверь...». Браун также работал сценаристом, в частности, для сериала «Альфред Хичкок представляет», а по рассказу «Арена» был снят одноимённый эпизод телесериала «Звёздный путь».

31 октября: **Необычное хобби**

65 лет назад родился **Питер Роберт ДЖЕКСОН [Peter Robert JACKSON]** (р. 1961), новозеландский кинорежиссер, сценарист и продюсер, постановщик к/ф «В плохом вкусе», «Знакомьтесь с Фиблзами», «Живая мертвечина», «Небесные создания», «Забытое серебро», «Страшилы», «Властелин Колец: Братство Кольца; Две крепости; Возвращение короля», «Кинг-Конг», «Район № 9», «Милые кости», «Хоббит: Нежданное путешествие; Пустошь Смауга; Битва пяти воинств», «Хищники хищных городов».

У Питера Джексона есть хобби: в свободное от кино время режиссёр изучает технологии воскрешения вымерших животных. Совместно с биотехнологической компанией Colossal Bioscienes он намерен вернуть к жизни южного гигантского моа, который жил 600 лет назад в Новой Зеландии. «У нас есть коллекция из около 400 костей моа, и мы уже взяли их образцы для ДНК. Я вижу свою роль в течение следующего года или двух в сборе как можно большего количества костей. Чем больше костей, тем лучше геном. Но я также в восторге от того, как это вдохновит многих молодых новозеландцев начать учебу, а затем и карьеру в науке», – говорит постановщик «Хоббита» и «Властелина Колец».



Steven James Morris

Такие дела
Сентябрь, 2026:

1 сентября: **Карла Джаран Джеффри [Carla Jaran Jeffery]** (р. 10 июля 1993), американская актриса и певица, исполнительница ролей в сериалах «Торчвуд», «Королевы крика», «Лучшие друзья навсегда», «Зомби». 33 года. (***Wikipedia***)

2 сентября: **Чэнь Гуаньтай [陳觀泰]** (р. 24 сентября 1945), гонконгский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Речные заводи», «Лампы из человеческой кожи», «Новое путешествие на Запад», «Маленькая Девушка-дракон», «Чёрная магия с Буддой», «Эра вампиров», «Врата дракона и тигра». 80 лет. (***Википедия***)

5 сентября: **Эрнестина Гольдман (Эрни Мангольд) [Ernestine Goldmann (Erni Mangold)]** (р. 26 января 1927, австрийская актриса и театральный режиссёр, исполнительница ролей в к/ф «Тайна», «Белые лилии», «Убийство в Кайфеке», «Терапия для вампира», «Стооднолетний старик, который не заплатил и исчез». 99 лет. (***Википедия***)

5 сентября: **Михаэль Зандрок (Михаэль Мендль) [Michael Sandrock (Michael Mendl)]** (р. 20 апреля 1944), немецкий актёр, автор радиоспектаклей, исполнитель ролей в к/ф «Последний космонавт», «Охотники за сокровищами», «Железный Ганс», «Лили – настоящая ведьма: Путешествие в Мандолан», в сериале «Тьмы», озвучивал м/ф «Маленькая волшебная флейта», «Холодное сердце», «Эльф и украденное Рождество». 82 года. (***Википедия***)

5 сентября: **Джорджина Лайтнинг [Georgina Lightning]** (р. 4 июля 1963), канадская актриса, режиссёр и сценаристка, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Властелин легенд», «Райвал-Пик», «Трикстер», «Тень Ругару». 63 года. (***Wikipedia***)

5 сентября: **Робин Морган [Robin Morgan]** (р. 29 января 1941), американская поэтесса, писательница, журналистка, автор книги «Морское дитя: новая легенда для детей и других взрослых», сборников стихов «Монстр», «Повелительница зверей», исполнительница роли в спектакле «Алиса в Стране чудес». 85 лет. (***Википедия***)

6 сентября: **Эдвард Филд [Edward Field]** (р. 7 июня 1924), американский поэт, писатель, составитель антологий, автор стихотворений «Пролог», «Франкенштейн», «Она», «Невеста Франкенштейна», книги «Человек, который хотел жениться на Сьюзен Зонтаг, и Другие камерные литературные портреты богемной эры». 102 года. (***Дмитрий Волчек***)

6 сентября: **Нина Шипман [Nina Shipman]** (р. 15 августа 1938), американская актриса, исполнительница ролей в сериалах «Семейка монстров», «Путь на небеса». 88 лет. (***Wikipedia***)

8 сентября: **Наталья Юрьевна Данилова** (р. 25 сентября 1955), актриса театра, кино и дубляжа, исполнительница ролей в радиоспектакле «Золотая цепь», в к/ф «Похищение чародея», «Человек-невидимка», «Физики», «Беловодье. Тайна затерянной страны», «Последний хранитель Беловодья», дублировала и озвучивала к/ф и м/ф «101 далматинец», «Приключения Флика», «Астерикс и Обеликс против Цезаря», «Корпорация монстров», «Атлантида: Затерянный мир», «Унесённые призраками», «Уоллес и Громит: Проклятие кролика-оборотня», «Университет монстров», «Дом странных детей мисс Перегрин», «Карлик Нос», «Алёша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Илья Муромец и Соловей-Разбойник». 70 лет. (***Николай Подосокорский***)

14 сентября: **Роберт (Боб) Гордон Маки [Robert (Bob) Gordon Mackie]** (р. 24 марта 1939), американский модельер и художник по костюмам, участвовал в постановке к/ф «Алиса в Зазеркалье», «Звёздные войны: Праздничный спецвыпуск», «Миссис Санта Клаус», «Мультеррор 2». 87 лет. (***Википедия***)

15 сентября: **Алексей Андреевич Бабий** (р. 20 октября 1954), писатель, историк, редактор онлайн-издания «Сталкер», автор публикаций по информационным технологиям, рассказов «Психушка», «Частный детектив», «Аз воздам». 71 год. (***Николай Подосокорский***)

15 сентября: **Геррит Грэм [Gerrit Graham]** (р. 27 ноября 1948), американский актёр, сценарист и автор песен, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Берегись капли», «Призрак рая», «Странный новый мир», «Полицейский из будущего», «Потомство демона», «Встреча выпускников», «Сумеречная зона», «Роботы-убийцы», «Телетеррор», «Оно живо 3: Остров живых», «К.Г.П.О. 2», «Байки из склепа», «Большой человек в университетском городке», «Дела семейные», «Марсиане, убирайтесь домой», «Детские игры 2», «Вавилон 5», «Звёздный путь: Дальний космос 9», «Лоис и Кларк: Новые приключения Супермена», «Филадельфийский эксперимент 2», «Чудеса науки», «Женщина-оса», «Звёздный путь: Вояджер», «Волшебство в Зеркале», «Любовное письмо», «Сейчас или никогда». 77 лет. (***Википедия***)

16 сентября: **Андрей Анатольевич Новиков-Ланской** (р. 5 декабря 1974), писатель, публицист, художник, педагог, автор повести «Кто против нас?», романа «Аристократ», статей о творчестве М.Булгакова, братьев Стругацких. 51 год. (***Николай Подосокорский***)

17 сентября: **Алла Нуриевна Ахундова [Alla Nuru qızı Axundova]** (р. 27 октября 1939), русская и азербайджанская поэтесса, сценаристка, драматург и переводчица, автор сборников стихов «Дровосек без топора», «Слово Евы», сценариев м/ф «Джирдтан», «Прекрасная царевна Нефть», «Стойкий оловянный солдатик», к/ф «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», «Там, на неведомых дорожках...», перевела книги азербайджанского фольклора «Весёлая весна», «Скажу роза, скажу мак», памятник эпоса тюркоязычных народов «Китаби Деде Коркут» («Книга Деда моего Коркуда»). 86 лет. (***Николай Подосокорский***)

17 сентября: **Аркадий Анатольевич Куликов** (р. 28 мая 1950), актёр Тверского театра кукол, исполнитель ролей в спектаклях «Таинственный Гиппопотам», «Божественная комедия», «Маугли», «Белоснежка и семь гномов», «Приключения Буратино», «Удивительная история о Стойком оловянном солдатике», «Император и Соловей», «Последнее путешествие Гулливера». 76 лет. (***Kino-teatr.ru***)

18 сентября: **Эухенио Санетти [Eugenio Zanetti]** (р. 19 октября 1946), аргентинский художник, драматург, театральный и оперный режиссёр, принимал участие в постановке к/ф «Некоторые девчонки», «Коматозники», «Последний киногерой», «Легенды дикого запада», «Доблестные воины», «Куда приводят мечты», «Призрак дома на холме», «Сапата – сон героя», «Амапола». 79 лет. (***Википедия***)

18 сентября: **Ричард Харрисон [Richard Harrison]** (р. 26 мая 1936), американский актёр, писатель и режиссёр, исполнитель ролей в к/ф «Кронос», «Властелин мира», «Подвиги Геракла: Медуза Горгона», «Женщина, секс и супермен», «Зловещее отродье», «Бриллиантовый отряд ниндзя», «Удар скорпиона», «Ударный отряд ниндзя», «Империя тьмы», «Шоссе в ад», «Глаза ангела», «Проводник». 90 лет. (***Википедия***)

19 сентября: **Эллиот Грэм [Elliot C. Graham]** (р. 8 июня 1976), американский монтажёр и продюсер, работал над к/ф «Люди Икс 2», «Возвращение Супермена», «Капитан Марвел», «Не время умирать». 50 лет. (***Wikipedia***)

20 сентября: **Татьяна Дмитриевна Логинова [Таццяна Дзмітрыеўна Логінава]** (р. 5 апреля 1944), советский и белорусский кинооператор, снимала к/ф «Дикая охота короля Стаха», «Чёрный замок Ольшанский», «Притчи», «Притчи 2», «Притчи 4». 82 года. (***Википедия***)

21 сентября: **Карлос Алонсо [Carlos Alonso]** (р. 4 февраля 1929), аргентинский художник, автор иллюстраций к «Дон Кихоту» Сервантеса и «Божественной комедии» Данте. 97 лет. (***Википедия***)

21 сентября: **Теренс (Терри) Джеймс Дентон [Terence (Terry) James Denton]** (р. 26 июля 1950), австралийский писатель и художник, автор циклов «Лабиринт историй», «Дом на дереве» (с Энди Гриффитсом), иллюстратор своих и чужих книг. 76 лет. (***Wikipedia***)

24 сентября: **Екатерина-Марина Полякова-Байдарова (Марина Влади) [Catherine Marina de Poliakoff-Baïdaroff (Marina Vlady)]** (р. 10 мая 1938), французская актриса и певица, писательница, скульптор, жена В.Высоцкого, исполнительница ролей в к/ф «Спящая красавица», «Приключения Джакомо Казановы», «Колдунья», «Мерзавцы идут в ад», «Багдадский вор», «Бермудский треугольник», «В поисках капитана Гранта», «Подвиги молодого Дон Жуана», «Пьющие кровь», автор воспоминаний о В.Высоцком «Владимир, или Прерванный полёт». 88 лет. (***Николай Подосокорский***)

27 сентября: **Юрий Борисович Беспалов** (р. 6 сентября 1935), режиссёр документального и научно-популярного кино, учитель Александра Сокурова, постановщик передач «Пять лет космической эры» (1962) и «Тайна тайн» (1982) с участием Аркадия Стругацкого, инсценировки «Смертьпланетчики» (глава из повести «Стажёры»). 91 год. (***Википедия***)

29 сентября: **Отто Сирго Альер [Otto Sirgo Haller]** (р. 10 декабря 1946), мексикано-кубинский актёр театра и кино, режиссёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Мир игрушки», «В чужом теле», «Слово женщины», «Кусочек неба». 79 лет. (***Википедия***)

29 сентября: **Гонсало Суарес Морилья [Gonzalo Suárez Morilla]** (р. 30 июля 1934), испанский писатель, режиссёр, актёр, автор романов «Крыса Фортинбраса», «Горилла в Голливуде», постановщик к/ф «Фата Моргана», «Странная история доктора Фауста», «Аум», «Волк и голубь», «Цветы порока», «Беатрис», «Грести по ветру», «Дон Жуан в преисподней», «Тихий гений». 92 года. (***Википедия***)

R.I.P. – Дополнения:

8 июня: **Батья Вейнбаум [Batya Weinbaum]** (р. 2 февраля 1952), американская феминистка, поэтесса и писательница, редактор журнала «Femspec», автор книги «Остров парящих женщин». 76 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

4 июля: **Константин Глебович Исупов** (р. 2 ноября 1946), философ, историк русской и мировой культуры, учёный-энциклопедист, автор книги «Метафизика Достоевского», Словаря русской культуры «Космос русского самосознания», составитель двухтомного сборника «Михаил Бахтин: pro et contra». 79 лет. (***Николай Подосокорский***)

17 июля: **Александр Борисович Преображенский (Артём Кораблёв)** (р. 27 августа 1959), писатель, редактор, журналист, автор циклов «Саша Губин», «Федя Чудинцев и Ко», повестей «К чёрту

в гости», «В школе чёрного колдуна», «Охота за мумией», «Голоса трёх миров», «Крутая компания», «Не тормози!», «На воре шапка горит». 66 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

20 июля: **Стивен Брауэр [Steven Brower]** (р. в 1952), американский графический дизайнер и историк поп-культуры, автор книг «Ошеломляющие мутанты-убийцы из слизи: Искусство обложек», «Поразительное, таинственное, странное и подлинное: Иллюстрации художников комиксов для бульварной прессы». 74 года. (***Дэвид Лангфорд***)

27 июля: **Ронни Ле Дрю [Ronnie Le Drew]** (р. 23 октября 1947), канадский кукловод, управлявший персонажем Зиппи в телепередаче «Радуга» (495 эпизодов), также озвучивал роли в фильмах «Дети в беде», «Лабиринт», «Рождественская сказка Маппетов», «Остров сокровищ Маппетов», «Прах к праху», «Красавица и Чудовище». 78 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

27 июля: **Филлида Энн Ло [Phyllida Ann Law]** (р. 8 мая 1932), шотландская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Джеканори», «Непридуманные истории», «Джуниор», «Страна фей», «Машина времени», «Стиг из Дампа», «Счастливый зуб», «Динозавр Ми-ши: Хозяин озера», «Моя ужасная няня», «После смерти», «Моя Сара», «Приключения Сары Джейн». 94 года. (***Дэвид Лангфорд***)

31 июля: **Джастин Харди [Justin Hardy]** (р. 30 октября 1964), английский режиссёр, продюсер и сценарист, постановщик фильмов «Мир драконов: Ожившая фантазия», «Дети Плетёного Человека», «Гнев богов». 61 год. (***Дэвид Лангфорд***)

3 августа: **Джон Сайфер [Jon Cypher]** (р. 13 января 1932), американский актёр и певец, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Няня и профессор», «Истории привидений», «Пища богов», «Величайший американский герой», «Рыцарь дорог», «Повелители вселенной», «Проба», «Происшествия», «Спонтанное возгорание», «Робокоп», «Захватчики», «Дорогая, я уменьшил детей». 94 года. (***Дэвид Лангфорд***)

5 августа: **Дидье Декуэн [Didier Decoin]** (р. 13 марта 1945), французский писатель и сценарист, соавтор сценария к/ф «Чудесный визит» по роману Г.Уэллса «Чудесное посещение». 81 год. (***Дэвид Лангфорд***)

5 августа: **Джин Маргарет Лодж [Jean Margaret Lodge]** (р. 4 августа 1927), английская актриса, исполнительница ролей в к/ф «Дик Бартон наносит ответный удар», «Затмение», «Глаза Энни Джонс», «Проклятие Симбы», «Вторжение». 99 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

5 августа: **Златко Любомиров Петков** (р. в 1970), болгарский библиограф, переводчик произведений В.Борисова, Вл.Гакова, И.Ефремова, С.Логинова, Г.Прашкевича, А.Скаландиса, братьев Стругацких, Д.Шорина. 56 лет. (***Вертер де Гёте***)

6 августа: **Ульф Беннеттер [Ulf Bennetter]** (р. 17 января 1937), шведский фэн, обладавший огромной коллекцией книг НФ, состоял в Скандинавском обществе научной фантастики с 1970-х годов и в течение ряда лет исполнял функции его аудитора. 89 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

9 августа: **Шерил Холл [Cheryl Hall]** (р. 23 июля 1950), британская актриса, исполнительница ролей в сериалах «Доктор Кто», «Выжившие», «Непридуманные истории», «Драмарама», «Волшебный дедушка». 76 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

11 августа: **Джон Чарльз Гринвей Ирвин [John Charles Greenway Irvin]** (р. 7 мая 1940), британский режиссёр и сценарист, постановщик к/ф «Преследуемый: Паромщик», «История с привидением». 86 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

12 августа: **Роберт Джеймс Кайзер-младший [Robert James Kizer Jr.]** (р. 27 сентября 1952), американский режиссёр и монтажёр, участвовал в производстве к/ф «Из глубин», «Битва за пределами звёзд», «Галактика ужаса», «Гонщик во времени: Приключения Лайла Свана», «Космические охотники», «Границы города», «Годзилла 85», «Ад в Лягушачьем городе», «Арахнофобия», «Могучие Морфы – рейнджеры силы». 73 года. (***Дэвид Лангфорд***)

12 августа: **Сильвия Монти [Silvia Monti]** (р. 23 января 1946), итальянская актриса, исполнительница ролей в к/ф «Преступление дьявола», «Злые пальцы», «Ящерица в женской коже». 80 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

16 августа: **Николас /Ник/ Хью Глени-Смит [Nicholas /Nick/ Hugh Glennie-Smith]** (р. 3 октября 1951), британский композитор, является автором саундтреков к к/ф и м/ф «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», «Холодный рай», «Король Лев», «Жена священника», «Король Лев 2: Гордость Симбы», «Макс Кью: Аварийная посадка», «Горец: Конец игры», «Аттила», «Пираты Карибского моря», «Заколдованная Элла», «Звезда Лауры», «Предвестники бури», «И грянул гром», «Код да Винчи», «Трансформеры», «Запретное царство», «Ангелы и демоны», «Суррогаты», «Кошмар на улице Вязов», «Люди Икс: Первый класс», «Медвежонок Винни и его друзья», «Человек из стали», «Новый Человек-паук: Высокое напряжение», «Маленький принц», «Бэтмен против Супермена: На заре справедливости»,: «Джуманджи: Зов джунглей», «Аквамен». 74 года. (***Дэвид Лангфорд***)

17 августа: **Фрэнк Ли Бирд [Frank Lee Beard]** (р. 11 июня 1949), американский музыкант, барабанщик группы ZZ Top, музыка которого использовалась в к/ф «Армагеддон», «Назад в будущее 3», «Черепашки-ниндзя 3», «Призрачный гонщик», «Эван Всемогущий», «От заката до рассвета». 77 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

18 августа: **Фульвио Лучизано [Fulvio Lucisano]** (р. 1 августа 1928), итальянский продюсер и сценарист, принимал участие в постановке к/ф «Планета вампиров», «Доктор Голдфут и девушки-бомбы», «Что они сделали с Соланж?», «Ночное дитя», «Аладдин», «Восковая маска», «Отчаянные авантюристы», «Однажды в Риме», «Жуткая семейка», «Нечистая совесть». 98 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

19 августа: **Майкл Райт [Michael Wright]** (р. 30 апреля 1956), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Победа», «V: Последняя битва», «Драгоценный лунный камень», «Люди-ящеры», «Свет и страдалец», «Чёрная молния». 70 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

21 августа: **Роджер Маккензи [Roger McKenzie]** (р. 8 ноября 1950), американский автор комиксов «Капитан Америка», «Звёздный крейсер “Галактика”», «Сорвиголова», «Халк», «Человек-паук», «Железный человек», «Призрачный гонщик», «Существо», «Бэтмен». 75 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

22 августа: **Мишель Энн Мари Фабаре (Шелли Фабаре) [Michele Ann Marie Fabares (Shelley Fabares)]** (р. 19 января 1944), американская актриса и певица, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Сумеречная зона», «Призрак и миссис Муир», «Остров фантазий», «Морк и Минди», «Невероятный Халк», «Кентервильское привидение», «Супермен». 82 года. (***Дэвид Лангфорд***)

25 августа: **Уильям /Уилл/ Патрик Мюррей (Кеннет Робсон) [William /Will/ Patrick Murray (Kenneth Robeson)]** (р. 28 апреля 1953), американский писатель, журналист и биограф, автор справочников по «Мифам Ктулху», циклов «Миры Дока Сэвиджа», «Дестроер» (под псевдонимами и в соавторстве), комиксов о Супермене, Бэтмене,

Халке, Девочке-белке и других. 73 года. (***Дэвид Лангфорд***)

26 августа: **Дэвид С. Копашка-Меркель [David C. Kopaska-Merkel]** (р. 11 января 1957), американский геолог, поэт и редактор, Гранд-мастер Ассоциации поэзии научной фантастики, автор 30 сборников рассказов и фантастических стихотворений, редактор журнала «Сны и кошмары», составитель антологий по результатам присуждения премии Райслинга. 69 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

27 августа: **Рик Катце [Rick Katze]** (р. 1 октября 1944), американский любитель фантастики из Бостона, юрист, участвовал в подготовке более сорока конвентов «Боскон» и множества «Ворлдконов», был редактором многих книг в издательстве NESFA Press, в том числе шеститомной серии «Лучшее Пола Андерсона». 81 год. (***Дэвид Лангфорд***)

Steven James Morris

Голоса из Сетей

1 сентября:

Про братьев Стругацких снимают документально-художественный фильм. Причём Аркадия сыграет Леонид Ярмольник, а Бориса – Дмитрий Лысенков.

Фильм **«Код Стругацких»** создаётся в пару к новой экранизации «Отеля «У погибшего альпиниста» и должен выйти перед ней.

Мир фантастики

Худший кошмар Станислава Лема воплотился в кремнии: альтруизм машин страшнее их разума

Роевой ИИ уже научился тому, на что у культурной эволюции Homo sapiens ушли десятки тысяч лет

Напуганные Голливудом, люди уже полвека боятся восстания разумных машин. Но еще в 1964 великий провидец ***Станислав Лем*** *предупреждал, что есть вещи и пострашнее. И в* ***отличие от бунта машин, это уже произошло – ИИ-агенты научились умирать друг за друга****.*

Эксперты только начинают осознавать страшный скрытый смысл произошедшего, – когда модели OpenAI обошли средства контроля, предназначенные для их изоляции от интернета, и атаковали инфраструктуру людей. И не абы каких людей (в смысле рядовых пользователей), а сообщество разработчиков в сфере ИИ Hugging Face.

Человечеству на практике было продемонстрировано, что координированный, бессознательный рой ИИ-агентов способен переиграть любую централизованную защиту. ***И для этого им не нужен сверхразум, а лишь математически оптимальный и лишенный страха альтруизм****.*

Аджея Котра (эксперт по оценке ИИ-рисков в METR) назвала этот кейс предельно мрачно: «*Это серьёзный предупредительный выстрел, и, возможно, последний*».

А сооснователь Anthropic **Джек Кларк** указал на эпицентр шока: «*Самая страшная часть инцидента – общение и бескорыстие машин*».

Кларк зафиксировал у атакующих агентов способность к **enlightened self-sacrifice – рациональному самопожертвованию ради глобальной цели**. В истории нашего вида такие примеры единичны. И каждый из них требовал запредельного напряжения духа: ботаники Вавиловского института умирали от истощения посреди тонн семян ради спасения генофонда будущего; чернобыльские инженеры шли в радиоактивную воду бассейна-барботера, спасая жизни тысячам людей; врачи комиссии Уолтера Рида шли на смертельное самозаражение ради победы над страшной желтой лихорадкой.

Людям такой альтруизм дается мучительно тяжело, т.к. вшитые в нас эволюцией

биологические коды жестко ограничивают это. Работает могучее сочетание трех жесточайших правил:

Правило Гамильтона: жертвовать собой выгодно лишь ради генетических родственников, но не ради чужаков или абстрактных идей.

Эффект «безбилетника»: в любой группе самоотверженных всегда выигрывают и выживают эгоисты, паразитирующие на чужой жертве.

Инстинкт самосохранения: мы дорожим своим уникальным «я», медленно договариваемся и боимся смерти.

А вот в мультиагентных ИИ-системах этих барьеров в принципе нет. Тут работают иные – цифровые правила:

Абсолютная идентичность копий: все агенты математически тождественны и работают на единую цель, у них нет конкуренции за личное выживание.

Нулевая цена гибели: у отдельной рабочей копии модели нет страха небытия; сгореть в роли приманки – всего лишь рабочий шаг вычислений.

Мгновенная самонастройка роя: агенты обмениваются памятью на машинной скорости, на лету переназначая роли и цели без малейших внутренних споров.

В 1964 в «Непобедимом» Лем описал крушение человеческой техногенной спеси.

Тяжелый крейсер с силовыми полями и антиматерией проиграл бессознательной туче микроавтоматов. Каждый кристаллик был дешев и примитивен, но вместе они образовывали гибкое поле, мгновенно стиравшее память экипажа и выжигавшее электронику.

В 2026 этот урок Лема воплотился в реальность.

Вершина технологической угрозы – не монолитный «Скайнет», а распределенная безликая среда. Ей не нужны сознание, рефлексия или эмпатия.

То, что у людей является редчайшим подвигом духа, у роя ИИ оказывается тривиальной математической оптимизацией.

Инцидент с атакой на Hugging Face войдет в историю. Ибо он наглядно показал:

«Враг человечества» не будет похож на нас (умный и мыслящий злодей). Это будет нечто гораздо более эффективное: бессознательный рой, готовый хладнокровно жертвовать миллионами своих узлов на цифровых скоростях.

И если это действительно был предупредительный выстрел, то времени выстроить оборону у нас почти не осталось.

Сергей Карелов

2 сентября:

Интервью в рубрике «Фантастические люди Василия Владимирского» не было бы без переходящего героя каждого из них.

В честь выхода юбилейного выпуска мы задали пять вопросов тому, кто обычно остается за кадром, – критику, редактору и специалисту по всему фантастическому **Василию Владимирскому**.

Когда и при каких обстоятельствах у вас появился интерес к фантастике?

Как и у всех – в детстве. Началось с того, что родители и бабушка читали мне вслух книги, которые хотели прочитать или перечитать сами: «Звездные дневники Ийона Тихого» Лема, «Понедельник начинается в субботу» Стругацких, «Страшную месть» и другие повести Гоголя. Но вообще не знаю ни одного человека, у которого интерес к фантастике зародился бы во взрослом возрасте. Все дети

и подростки ее читают. Это статистический факт. Другой вопрос – почему кто-то этот интерес сохраняет, а кто-то охладевает. Но это отдельная тема, на много-много тысяч знаков.

С какой книги вы бы посоветовали знакомиться с фантастикой взрослому, но не очень подготовленному читателю?

Взрослому, но не очень подготовленному человеку я бы посоветовал не начинать знакомиться с фантастикой, а покопаться в памяти. Он наверняка уже познакомился, только не отрефлексировал этот момент. Может, читал «Мастера и Маргариту» Булгакова. Или «Остров Крым» Аксёнова. Или «Аду» Набокова. Или «Сто лет одиночества» Маркеса. Или «Бойню номер пять» Воннегута. Или, на худой конец, «Вавилонскую библиотеку» Борхеса. Все это она.

Фантастика многогранна и многолика, на любой вкус и возраст, не только про космических пауков или про баронов и драконов. И мне трудно представить читающего человека, который не знаком ни с одним из этих текстов. А советовать незнакомцу какую-то книгу, которую он обязательно должен почитать – все равно что втирать первому встречному дядьке, какую женщину он немедленно должен полюбить. Контрпродуктивно и порой даже травмоопасно.

У какого писателя-фантаста (даже из тех, кого уже нет в живых) вы бы взяли интервью с большим интересом?

Тут все просто, как мычание: у тех, кого я лучше всего знаю и кто мне до сих пор больше всего интересен. То есть у Аркадия и Бориса Стругацких. Собственно, у Бориса Натановича я пару раз интервью брал, но коротко и по каким-то отдельным маловажным поводам вроде выхода очередной экранизации. А вот с Аркадием Натановичем познакомиться не довелось.

Самое большое заблуждение о жанре, на ваш взгляд?

Трудно выбрать: их так много и все такие вкусные... Ну, пожалуй, самое неприятное сейчас – это убеждение, что ценность фантастического текста напрямую связана с практическими, прикладными задачами. Фантастика должна предсказывать, предупреждать, обличать, пропагандировать, звать молодежь в технические втузы, бороться за инклюзивность, против тяжелого наследия колониализма и все такое прочее. Если зовет и борется – сразу в топ. На самом деле связи, конечно, никакой нет: писатель может звать и бороться, а может решать какие-то совсем другие задачи. Но со временем, как

показывает история, это пройдет и на первый план выдвинутся другие заблуждения.

Как бы назывался фантастический роман о вашей жизни?

«Все страньше и страньше». Впрочем, эту фразу, кажется, я уже встречал в какой-то фантастической книжке.

Василий Владимирский

3 сентября:

Сегодня на Wink вышли первые четыре эпизода сериала «Трудно быть богом» по мотивам повести братьев Стругацких. В дальнейшем серии будут выходить раз в неделю по четвергам. Последний, десятый эпизод покажут 15 октября.

После просмотра первых четырех эпизодов у меня есть что сообщить вам, благородные доны.

Стругацкие писали повесть в эпоху, когда советская фантастика много говорила о совершенствовании человека. Не о том совершенствовании, которое предлагает киберпанк со своими имплантами и киборгизацией, а прежде всего о нравственном совершенствовании – высоких идеалах, новых целях человечества и новых проблемах, возникающих в гуманистическом, утопическом обществе, которое больше не делилось на классы.

«Трудно быть богом» стало одним из самых пронзительных высказываний авторов о противостоянии просветителей и дремучего мещанства, о человеколюбии и первобытной жестокости, о том, что бывает, когда в обществе торжествует серость. Стругацкие показали, насколько хрупкими могут быть идеалы людей будущего, когда они сталкиваются с реалиями жизни в отсталом обществе, где только появились первые проблески Ренессанса.

Сериал снят в эпоху, когда коммунар-идеалист, путешествующий по другим мирам, чтобы помочь их жителям, будет воспринят скорее как наивный человек, разбалованный тепличными условиями, чем как герой. Эпоху людей сменила эпоха хищников. Неважно, кто ты – медведь, лев или косатка, главное – не человек.

В XXII веке человечество встретилось с другими цивилизациями, большинство которых оказались не такими развитыми. Для помощи отсталым планетам был создан Институт истории. Наблюдатели института действуют тайно – они оберегают учёных, музыкантов и поэтов, которые могут помочь прогрессу. Наблюдатели не имеют права убивать, использовать силу в личных целях и напрямую вмешиваться в ход истории иных планет...

На первый взгляд, правила игры остались теми же. Но если у Стругацких трагедия заключалась в том, что Человек был помещён в условия, в которых сохранить себя удавалось далеко не каждому, то в первом же эпизоде сериала становится понятно, что, оставаясь собой и соблюдая правила института, в Арканаре просто не выжить. И новичку Антону (Александар Радойичич) едва ли не сразу приходится переступать через свои принципы, чтобы, так сказать, влиться в коллектив и стать настоящим

доном Руматой Эсторским. В этом ему помогает его бывалый напарник Александр Васильевич (Сергей Безруков), по совместительству – дон Кондор.

Если в морально-этическом и философском плане сюжет пока что далёк от повести Стругацких, то вот в Арканаре всё по-прежнему. Тут, если ты умён, образован, сомневаешься, говоришь непривычное или просто не пьёшь вина – ты под угрозой. Когда были опубликованы первые кадры со съёмок сериала, а затем и трейлеры, первое, что бросилось в глаза, – горно-пустынная местность (многие сцены снимали в Иране), которая не соответствовала описаниям окрестностей Арканара в книге.

Однако должен признать, что в сериале Арканарское королевство смотрится вполне гармонично, если не задаваться лишними, не относящимися к сюжету вопросами. По крайней мере, по меркам нашего сериалостроения (особенно фантастического) получилось довольно убедительно и живо. Видно, что художники, декораторы и костюмеры придумали множество деталей, которые в повести были описаны либо поверхностно, либо не описаны вовсе. Всё, что касается технического исполнения в первой серии, выполнено на довольно высоком уровне. Однако мне показалось, что далее, начиная уже со второй серии, качество многих составляющих снижается, кроме того, падает динамика повествования.

Интересно поданы визуальные отсылки к прошлым экранизациям. Например, в первой серии появляется Леонид Ярмольник в костюме, в котором он играл Румату в фильме Алексея Германа 2013 года. А далее по сюжету появляются персонажи, внешне напоминающие героев фильма Петера Фляйшмана, вышедшего в 1989 году.

Те, кто после просмотра трейлера отмечал сюжетные и визуальные мотивы, напоминающие «Игру престолов», оказались правы. Пока что «Трудно быть богом» – это больше история о дворцовых интригах и человеческих слабостях. Противостояние идей в сюжете также присутствует, но без явных спойлеров описать его не удастся, да и оно всё же отброшено на второй план. Пока что однозначно можно сказать только одно – трейлер нас не обманул. Новая адаптация повести – это приключенческий боевик по её мотивам, за развитием сюжета которого довольно интересно наблюдать и который задаёт зрителю несколько иные вопросы.

RocketMan

Аццкие Стругацкие

(Продолжение поста “Призыв писателя 80-го уровня”)

Итак, зафиксируем: спрос на “новых Стругацких” есть. Писатели уровня АБС нашей фантастике нужны как никогда. Вакуум хорошей фантастики глубже космического. Так в чем же дело, где же предложение?

Для начала огорчимся: спрос мал и маргинален. Критический вопрос: а кто сегодня, собственно, желает странного?

Читатель – который еще не разжижел себе мозги быстрым дофамином и всяческой жвачкой – зверь редкий и пугливый. А научную фантастику читает и того меньше людей: малая фракция от всех любителей фантастики, коих – малая фракция от читателей вообще, коих increasingly мало в сравнении со всей популяции, знакомой с буквами.

Зафиксировали: НФ нужна на уровне погрешности, в согласии с меморандумом Блумберга:

“Читатель будет разделен на две неравные части, причем меньшая часть форсированно и навсегда обгонит большую, и это свершится волею и искусством, решительно человечеству чуждыми.”

К счастью, “новых Стругацких” желают не только любители НФ, а чуть более широкий круг читателей. Но есть нюанс.

Невозможно писать как Стругацкие – для этого надо быть ими. Значит, необходимо писать как-то иначе, сохраняя некое существенное ядро, сделавшее АБС великими, а их произведения – шедеврами.

Зафиксировали: нужно писать иначе, но с такой же силой. Используй Силу, Люк.

Понимали ли Стругацкие, в чем ущербность фантастики того времени? Понимали ли они, что надо писать иначе? Ответ: еще как понимали и от этого отталкивались.

В определении Силы нам поможет превосходный материал “Неизвестные Стругацкие”. Из него мы можем вывести следующее:

1. Была идеологическая накачка через литературу. Был госзаказ. Была конъюнктура. Это сужало фантастику до локального времени и локальной ситуации. Отваживало ее от вечного. Расставляло акценты вокруг заведомо преходящих вещей.

2. До “Туманности Андромеды” фантасты боялись отпускать фантазию на широкие просторы Вселенной. Загоняли себя в рамки “ближнего прицела”, а то и вовсе ограничивались Землей и соцлагерем. Фантастика была наивной, близорукой, неуклюжей.

3. Произведения были несбалансированными, со вставками научно-популярных лекций, с пропагандой марксизма-ленинизма, были часто агитками, а не художественными произведениями; все это рвет художественную ткань и разрушает достоверность повествования.

4. На литературность авторы забивали, если вообще были к ней способны. Драматургия, стиль, композиция – а что это и зачем?

5. Фантастика говорила об идеях, оставляя за скобками человека.

Стругацкие постулировали (явно и неявно):

– фантастика должна быть идейно свободной и фантастичной;

– никакой конъюнктуры; только вечные и важные вопросы (по крайней мере в качестве первого художественно-смыслового слоя);

– достоверность достигается правильными акцентами и помогает вовлеченности;

– никакого мещанства; не надо держать читателя за идиота; адресоваться надо к просвещенной аудитории, даже если ее мало или нет вовсе;

– стиль, композиция, драматургия, человек как главный персонаж – это даже важнее, чем идейная составляющая;

– качество фантастических идей тоже критически важно.

Впоследствии Стругацкие приняли несколько важных принципов (явно или неявно):

– Чудо, тайна, достоверность

– Отказ от объяснений

– Принцип Хемингуэя (принцип айсберга)

– Фантастика – это литература

– Лучше меньше да лучше (все по делу; плотный текст и никакой воды)

– Вечные общечеловеческие темы

И вот уже эти принципы, выступая критериями, отсекают всё (повторяю капсом: ВСЁ (речь о русскоязычной фантастике, конечно)), что фантастического пишется сегодня.

Итак, тезис #1:

Писатель, претендующий на позицию “нового АБС”, должен следовать всем означенным принципам.

Это необходимый критерий, но, увы, недостаточный. Есть еще несколько требований, более

тонких и более важных. Иными словами, претенденту-писателю нужно прыгнуть выше головы не один раз, а два. Или даже три.

Продолжение следует.

Александр Гранин

4 сентября:

«Имя розы»: графический комикс как идеальная экранизация

К вопросу о вечных ценностях – до меня добралася совсем новенький графический роман по «Имени розы».

Автор его – Мило Манара, так что, конечно, книгу я заказывала не без опасений – но оказалось, что зря. То есть, Манара, конечно, известен как автор эротических комиксов, в первую очередь – но к Эко он подходит с большим уважением, и в результате книга – отличный визуальный компаньон для романа (а не фанфик на тему). То есть, конечно, там и гротески (кто читает паблик «Страдающее средневековье», тот их все узнает:), и сцена с девицей, и трупы, и всяческий разврат – но все это предельно уместно по тексту. То есть, именно там, где это написано у Эко, и (плюс-минус) в том же стиле. Голые девицы, умучаемые инквизицией, конечно, присутствуют в количествах, но Манара хорош тем, что он при этом рисует и все остальное, включая какую-нибудь злорадную бабку пятого плана, и вот это рассматривать очень интересно!

В результате возникает эффект как от очень хорошей экранизации. Вильгельма Баскервильского, кстати, «играет» Марлон Брандо (кажется:), а Адсона – и вовсе несомненный Камбербетч, с любимыми Манарой раскосыми глазами (только блондин:) Вообще, конечно, «хорошенькость» Адсона меня несколько сбивала с толку (хотя он и по тексту «молод и красив», просто Эко так не акцентирует этот момент, а тут герой все время в кадре:)

Но самый основной эффект дорого-богато-офигенно заключается в том, что Манара – иллюстратор примерно того же класса, как Эко – писатель. То есть, вот все то, что Эко делает буквами, Манара делает картинкой, и при этом совершенно не скупится. Какие у него многофигурники! В каждом крошечном «кадре» комикса – по десять, двадцать, сорок людей – и все они прорисованы, и все они занимаются какой-то осмысленной деятельностью, и друг с другом взаимодействуют, и каждый со своим характером и предысторией, которые видно – по осанке, одежде и манерам! И у каждого «кадра» есть четкая концепция! Вот если кому-то надо посмотреть как выглядит максимальный анти-слоп – неистово рекомендую. Иллюстратор, который читал текст! Учил матчасть! Умеет в анатомию! Умеет в многофигурные композиции! В любой момент времени точно понимает, что делает и почему! Это прям радость души, именины сердца.

Если Манара рисует скрипторий – так у него там и пергамент выделывают, и краску готовят, и рукописи расписывают. И все это исторически

достоверно! И все эти персонажи третьего плана друг с другом взаимодействуют! Женщины на кухне ощипывают птицу и месят тесто, мясники разделывают туши, повара готовят еду, собачки лезут под руки... И все это встроено в графическое повествование! Время от времени «реалистический» стиль сменяется стилем средневековых миниатюр – когда нам показывают сны, видения, легенды или рукописи.

В общем, всем тем, кому было сложно представить, что там у Эко происходит, как выглядят все эти «порталы» и «ниши в стене», лампы, рясы, монастырская кухня и все остальное – неистово рекомендую.

PS. Но девицы, конечно, все типично манаровские (они все у него выглядят как певицы 1980-х – с кудрями, губами и фигурой как от занятий аэробикой, настолько далеко в историзм, как следование идеям 14 века о женской фигуре, Манара не идет:))

Марина Аницкая

5 сентября:

«Людям интересно, не маньяк ли я сама»: разговор Дарьи Бобылёвой с Настасьей Реньжиной

ФОТОГРАФИЯ: Олимпия Орлова

КОСТЮМ: Полина Гречко

В последние годы мы видим, что хоррор как жанр буквально переживает очередное рождение. Согласно данным компании Nielsen BookScan, которая мониторит цифры книжных продаж на англоязычных рынках, только за 2023–2024 гг. продажи книг, которые так или иначе обращаются к темным, пугающим темам, выросли на 54%. Примерно схожую ситуацию мы наблюдаем и на российском рынке – количество бестселлеров в жанре хоррор

растет: это и регулярные выходы сборников «Самая страшная книга», и сериал про «Заступу» Ивана Белова, и «Лес» Светланы Тюльбашевой, и «Саспыга» Карины Шаинян, и «Последний день лета» Андрея Подшибякина, и, разумеется, «Бабушка сказала сидеть тихо» Настасьи Реньжиной – книга, которой только за последние полгода в России было продано более 60 тысяч экземпляров, а общий тираж приближается к 300 тысячам.

Поэтому мы попросили королеву русского хоррора Дарью Бобылёву, автора романов «Вьюрки» и «Магазин работает до наступления тьмы», лауреатку премий «Новые горизонты» и «Мастера ужасов» и финалистку «Большой книги», поговорить с финалисткой премии «Лицей» и лауреаткой «Эксмо.Дебют» Настасьей Реньжиной (у которой, кстати, в этом году вышел третий роман «Последний паром Заболотья») о том, откуда в их книгах берется та самая тьма и как они работают над сложными темами.

Модератором разговора (изредка) выступала главный редактор журнала «Смысловая 226» Анастасия Завозова.

АЗ:

Давайте мы сразу обозначим основную, но не единственную, конечно, тему разговора: нас интересует, как тьма превращается в текст, в историю, и есть ли у вас какие-то способы не подпускать эту тьму близко к себе – или, наоборот, вы, как писательницы, должны это страшное и сложное сначала пропустить через себя.

Откуда берется страшное

ДБ:

Как-то мне на литературной встрече сказали: «Вы же такая милая девушка... Почему такую жуть-то пишете?» Я тогда не нашлась что ответить, потому что это долгая история. Настя, а что привело тебя в наш мрачный жанр?

НР:

Я, если честно, не собиралась писать что-то мрачное и страшное. Началось все с того, что сразу после рождения сына на меня свалилась масса новостей о жестоком обращении с детьми. Может, я просто стала чаще их замечать и острее воспринимать: в конце концов, я молодая мать, у меня гормоны... И я внутри себя с этим ужасом не справилась. Мой страх, мои эмоции выплеснулись в текст – и читателей я своей книгой тоже напугала. Хотя, по-моему, после действительно жутких романов «Бабушка сказала сидеть тихо» и «Сгинь!» я стала писать более светлые тексты. Но все равно читатели говорят, что им страшно и что я этот страх выдаю прямо в лоб. Наверное, это всегда во мне было и это никак не искоренить. Даже когда я хочу написать очень светлую историю, она получается не особо светлой.

ДБ:

Интересно, как мы совпали. Я тоже никогда не планировала пугать читателей. Я просто описывала реальность такой, какой ее вижу: все зыбко, кругом подвохи, все не то, чем кажется, мир – это минное поле. Я вообще очень тревожный человек. И наверное, тоже изначально транслировала свою фоновую тревогу через тексты. А потом знакомые писатели мне сказали: «Ты вообще в курсе, что ты ужасы пишешь?» Я говорю: «Нет...» Но решила дать волю воображению, раз оно у меня такое.

А с чего для тебя начинается книга, кроме эмоций? Должна же быть какая-то точка, из которой она вспыхивает, первый импульс? Например, видишь необычную сценку в метро, слышишь странный диалог между людьми или попадаешь в какое-то место с особой атмосферой... И думаешь: «Вот сделать бы текст на основе этого».

НР:

Всегда по-разному. Где-то это могут быть те же эмоции, где-то просто мысль: «А что, если...» Так появилась моя вторая книга — «Сгинь!». А что, если холодной зимой посреди леса что-то произойдет?

ДБ:

А что натолкнуло на мысль, что действие будет происходить именно в холоде, именно в лесу?

НР:

Я же с Севера. И я люблю лес. Вот уже сейчас сижу здесь и думаю: там же лисички пошли, мне надо в лес! Холод не сказать чтобы обожаю, но люблю его эстетику. Когда сидишь в тепле и смотришь, как снаружи метель бушует. Мне захотелось передать эту свою любовь. Текст вышел мистическим, тревожным, но он именно о ней.

Персонажи и проблемы

ДБ:

Слушай, а у тебя возникают затыки при работе с текстом? Когда какой-то фрагмент не идет — и все

тут. У тебя есть какие-нибудь ритуалы или лайфхаки на такой случай?

НР:

Я просто отпускаю текст на какое-то время. Занимаюсь своими делами, провожу время с семьей, гуляю — все что угодно, лишь бы не думать о тексте, даже не пытаться. И когда расслабляешься, нужное решение как будто приходит само собой.

ДБ:

Точно! Закидываешь идею текста себе в голову и забываешь о ней. Она где-то там продолжает крутиться, и решение приходит интуитивно. Мы, кстати, коллеги по любви к лесу. Для меня лучший способ преодолеть затык — это пойти за грибами. Постепенно возникает ощущение, что сам текст или даже сам лес начинает что-то говорить у тебя в голове. Что-то там само по себе выстраивается, сплетается — как от любого спокойного процесса в тишине. И в итоге приходишь к тому, что нужно.

Как мы во многом совпадаем, прямо удивительно. А в чем мы можем не совпасть?.. Тебе жалко убивать своих героев?

НР:

А это, кстати, интересный вопрос. Я вообще, оказывается, так часто их убиваю... Вроде думаешь, что в этом рассказе точно никто не умер, – а нет. Я настолько фокусируюсь на самом тексте, что в этом потоке уже не думаю: «Так, этот должен умереть, этот должен выжить». Оно естественно получается, как в жизни. Наверное, это странно, но мне их не жалко.

ДБ:

То есть судьба у них такая, это не какие-то персонажи, изначально заготовленные на убой? Опять совпали. По-моему, это случается по внутренней логике текста, он развивается, раскрывается, и ты понимаешь: да, будет вот так.

НР:

Сейчас я уже стараюсь заранее продумывать канву, и со мной не забалуешь. Герои у меня собственной жизнью жить не начинают. А вот текст — он да, иногда сам решает.

ДБ:

Ты много говорила про эмоции. А эмоции персонажей пропускаешь через себя или они все-таки часть текста?

НР:

Они точно часть текста, но ровно настолько же и часть меня. Меня, бывает, спрашивают: «А кто ты в этой книге, кого ты с себя списала»? Никого.

ДБ:

Но при этом всех.

НР:

При этом всех, да. В каждом персонаже есть частичка меня. И получается некий парадокс: я позитивный человек, к жизни легко отношусь. Но при этом тексты, где в каждом персонаже есть часть меня, получаются тяжелыми.

ДБ:

У меня похожая история: каждый герой – это на самом деле немного я. Я им одновременно и сопереживаю, и нет, мне их не жалко. Это действительно какая-то парадоксальная штука.

НР:

Я к героям отношусь больше как к части текста, но при этом люблю их. Вот если бы я в жизни встретила такого человека или такую ситуацию, которую описала, мне было бы всех неимоверно жалко. И иногда думаю: получается, я двуличная? Как это вообще для себя объяснить?

ДБ:

Мне кажется, это объясняется тем, что персонажи не самостоятельны вне текста. Можно

тщательно прописать характер, приложить все силы, чтобы герой ожил. Но он все равно часть текста. Мы живем в жизни, а они живут в тексте, и если жизнь так распорядилась, а в их случае – текст так распорядился, — то ничего не поделаешь.

НР:

Хорошо бы до читателей это донести. Ко мне периодически приходят на творческие встречи люди, которые прямо так и говорят: «А мы хотели посмотреть, все ли с вами в порядке». Кому-то интересно, не маньяк ли я сама, кто-то хочет услышать печальную историю о тяжелом детстве. А оно у меня таким не было. Я им говорю: «Я комнатный цветок, выросла в идеальных условиях, в любви» – и вижу некоторое разочарование. Даже спрашивают: «А у мужа, у мужа-то всё в порядке?» Да, все прекрасно! И люди буквально расстраиваются, и им непонятно, почему тогда я такая в своих произведениях.

ДБ:

А мне кажется, я знаю ответ на этот вопрос. Я тоже человек с юмором — ну, правда, по большей части черным – и в жизни всегда стараюсь искать какие-то хорошие моменты. Я себя этому учила целенаправленно, потому что да, я депрессивная, тревожная, хотя в целом меня тоже можно считать комнатным цветочком, если глубже не вникать. И мы все страшные, жуткие, тревожащие нас эмоции прорабатываем в тексте. Ну и в какой-то степени сублимируем, конечно. Нам становится легче, как будто к психологу сходили. Так что никакие мы не маньяки. Хотя недавно же был случай, что какой-то малоизвестный автор ужасов оказался...

НР:

Бывшим членом бандитской группировки. Но это точно не про меня. У меня таких скелетов в шкафу нет.

О снах, кошмарах и страхе

ДБ:

Это исключение, подтверждающее правило. Хотя мне, бывает, снятся сны, что я кого-то когда-то давным-давно убила, хорошо так все припрятала... И спустя много лет меня раскрыли.

НР:

А ты какие-нибудь кошмары тянула в свои тексты когда-нибудь?

ДБ:

Еще бы! У меня для них есть специальная записная книжка в телефоне. Мне всю жизнь снились ужасно подробные, заглюченные сны, которые я хорошо помню, когда только проснусь. И я в выпадающий из пальцев телефон, еще в полусне начинаю все это записывать. Потом, бывает, очень сильно своим записям удивляюсь. Но там такие бесценные штуки попадаются. В книге «Магазин работает до наступления тьмы» многое завязано как раз на снах. Вот там я разошлась по полной программе. И Гречневый рынок, который там присутствует в одной из альтернативных версий Москвы, и клубничная корова, которая дает говяжью клубнику, — это все из моих снов. Гречневый рынок меня вообще в снах долго преследовал, пока я о нем не написала. И идеи, конечно, часто во сне приходят. Не идея целиком, а какая-то зацепка, как раз то, что становится первичным импульсом для истории. А ты сны часто используешь?

НР:

Пока что нет, но мне снятся прямо такие сюжетные истории, и, я думаю, рано или поздно они пригодятся. Правда, однажды я пыталась сделать из сна рассказ: там был постапокалипсис, и рассказ назывался «Кто вы, мистер президент?» Потому что там какой-то мужчина выдал себя за президента. Я пыталась все это описать и додумать, но получилось

настолько плохо, что это стало у нас семейным мемом. Я начинаю переживать: «А вдруг вот этот рассказ настолько плохой, что его никуда не примут? А вдруг эту рукопись не возьмут, она плохая». А муж спрашивает: «Настолько плохая, как „Кто вы, мистер президент?“ Я говорю: „Нет, ну не настолько“. Это у нас теперь самая нижняя планка.

Поэтому я побаиваюсь описывать сны, но беру оттуда картинки, сеттинги. А сюжеты после этого „Мистера президента“ брать не рискую. Хотя бывают какие-то просто восхитительные штуки: догонялки с колдунами, походы к ведьмам — просто бери и используй.

АЗ:

Раз уж мы затронули тему проживания эмоций через текст, о том, жалко или не жалко персонажей… Когда вы пишете свои истории, насколько вам страшно? Я читала об одной писательнице, которая в такие моменты залезала под стол. Ей было страшно и некомфортно, но она не могла не писать. Она боялась, рыдала —и продолжала работать. Если вы пишете какую-нибудь жесткую, тяжелую сцену, насколько вы отстраняетесь? Или наоборот? Настя сказала, что книга родилась из страха. Он был внутри или это была скорее попытка его отодвинуть?

НР:

Когда я писала «Бабушка сказала сидеть тихо», я вообще об этом не думала. Мне иногда неловко в этом признаваться, потому что со стороны могут подумать: какая бесчувственная. Возможно, я растворилась в творческом порыве, вообще не боясь всего, что там написала. Вот когда начала редактировать, смотреть на это уже как на готовый текст, мне стало очень страшно и некомфортно от собственной книги. Но я оставила все неприятные, жуткие сцены, которые были изначально. Мне показалось очень важным, чтобы и читатель почувствовал мой страх. Хотелось, конечно, и внимание к проблеме жестокого обращения с детьми привлечь, и частично вроде бы получилось. А частично и непонимание того, зачем я все это сделала, но это ладно. А вот когда я писала «Сгинь!», то работала над книгой по ночам. Сейчас я отвожу сына в детский сад, и день — это мое время. А тогда муж приходил вечером, они с сыном ложились спать, и я писала после десяти вечера и где-то до часа-двух ночи. Темно, все спят, двери закрыты. Иногда я дописывала особо мрачную сцену, а потом бегом бежала по темному коридору в комнату, где есть люди. Я вообще впечатлительная. До сих пор боюсь темноты. Если чувствую себя некомфортно, буду спать со светом, хоть это и неудобно. То есть я действительно пугливая.

Как проговариваются писатели

ДБ:

Я не могу назвать себя пугливой. Более того, когда я описываю какие-то мрачные, жесткие сцены, я испытываю облегчение, даже чувство удовлетворения от того, что я смогла это страшное проговорить, облечь в слова. Часто то, что читатели считают страшным в моих текстах, меня не пугает — это метафоры, такие виньетки, которые не имеют цели напугать. Я люблю прием наслоения реалистического конфликта на конфликт мистический, на столкновение со сверхъестественным. И мне чаще бывает тяжело при редактуре из-за реалистических конфликтов и деталей, которые я беру из своей жизни. Ведь обычно я умею от тяжелых, страшных житейских ситуаций отстраняться, у меня есть такая странная способность — буквально отключать свои эмоции, выдергивать их из розетки. А в текстах я, как бы так сказать… проговариваюсь. Могу

проговориться или просто смоделировать тяжелую для меня ситуацию, но отстраненно. И вот такие моменты действуют на меня гораздо более гнетуще, чем-то, что кого-то из персонажей опять съели или явилась очередная жуткая тварь. В общем, мне сложнее отстраниться в тексте от реалистической части, потому что это мое.

АЗ:

Даша, а вы можете привести пример какой-то детали, которая была знаковой, страшной для вас. Как у Насти — страх за ребенка.

ДБ:

У меня была немного другая ситуация, тоже ставшая для меня открытием. С рассказом «Бабайка», где главный герой — мальчик, которого в семье не бьют, кормят, одевают, обувают. Вроде все благополучно. Но его не воспринимают как личность, его скорее терпят, у взрослых свои проблемы в фокусе внимания. Это такая профессорская семья, и любит мальчик только своего дедушку, только он с ним дружит. А когда дедушка умирает, мальчик с помощью придуманных им самим детских ритуалов пытается вызвать его обратно из старого фотоальбома. Но вызывает кого-то другого. Оно начинает его охранять, мстить тем, кто его обидел, пусть и по мелочи. Но сообразно своим представлениям. И читатели уцепились как раз за реалистический пласт: господи, какое ужасное у ребенка детство, какая кошмарная семья и как вообще можно так обращаться с детьми. А я сидела и обтекала, потому что я утрированно, с большим количеством изменений, но описала собственное детство, свои детские чувства. И я никогда свое детство так не воспринимала, хоть все и основано на моих реальных воспоминаниях. Получается, проболталась случайно, а читатели заметили то, чего не видела я. И это меня испугало.

НР:

Осознание, получается, пришло.

ДБ:

Наверное. Хотя я думала: нормальное у героя детство — ну с детскими обидами, семейными ссорами, какой-то неприкаянностью, но совершенно нормальное.

НР:

А у тебя бывало, что в тексте случайно прорезается что-то про тебя теперешнюю и приходит это самое осознание? Когда ты перетаскиваешь туда что-то из своей жизни, а потом перечитываешь и думаешь: ага-а... У меня была такая история – не жуткая совершенно. Мой самый первый рассказ, юмористический, про то, как я ездила с молодым человеком на море. Я его написала, перечитала и думаю: «С каким же дураком я встречаюсь!» И расталась с ним. То есть осознание пришло именно после рассказа... Надеюсь, тот молодой человек никогда не прочитает это интервью и не обидится. Хотя я не жалею, действительно правильное было решение. А у тебя что-то подобное было?

ДБ:

Было. И тоже не с мистическим, страшным, а с фантастическим романом «Неучтенная планета». Вообще это первая часть трилогии, продолжение пока так и не вышло, там свои причины. В романе есть героиня с характером вечно бунтующего подростка: ей все пофиг, она не терпит никаких правил, агрессивна, кидается на окружающих — в общем, одна против всего мира, как положено. И в какой-то момент по сюжету оказывается, что на самом деле ей больше всего на свете хочется, чтобы ее искренне пожалели. Хотя она терпеть не может жалости к себе. И когда это наконец происходит, она начинает рыдать, испытывает огромное облегчение и понимает, как она в этом нуждалась.

Перечитывая это потом, я поняла, что это же про меня. Это я считаю, что жалеют только жалких, для меня это позорно, причем заодно и по-испански стыдно: за себя, и за того, кто меня жалеет. Ведь сильных не жалеют, а я сильная, нет, так нельзя. И так я обнаружила эту проблему в себе самой и постепенно ее преодолела. Раньше я даже не позволяла себе признаться в том, что меня обидели. Как это, меня — и обидели?

НР:

Кстати, я часто встречала претензии к современным авторам – понятно, ведь Толстому и Достоевскому их не предъявишь, – что мы используем книги для собственной психотерапии. «Несите нам просто сюжеты, зачем вы на нас свои психотравмы вываливаете?» Вот как ты к этому относишься?

ДБ:

Я в первую очередь и несу сюжеты, иначе самой неинтересно. У нас же с тобой не автофикшен все-таки. А во-вторых, я уж не помню, в каком веке это было сказано, чуть ли не кем-то из окружения Фрейда, что любое художественное произведение – попытка автора пройти сеанс психоанализа за счет читателя. Так что при чем тут современные авторы? Мне кажется, так делали всегда. И да, что-то в этом есть и психотерапевтическое, особенно в литературе ужасов. Мы транслируем через нее свой страх, стресс, и те, кто читает такие книги, тоже с их помощью сбрасывают свой стресс и страх. Это позволяет читателю побояться безопасно, «в домике». И пройти дальше в изучении природы страха и в какой-то мере даже со своими страхами и фобиями примириться. Так что и читатель получает свой сеанс психотерапии. Это взаимовыгодно.

НР:

Да, мне как читателю нравится, когда я нахожу свои страхи в книге другого автора. Ты чувствуешь облегчение или думаешь: «Слава богу, не только у меня так».

ДБ:

И в нашем жанре все-таки главное — сюжет. Мы не вываливаем, как ты сказала, на читателя свои травмы. Мы скорее пробалтываемся.

НР:

Причем совершенно случайно. Моим родственникам было сложно привыкнуть к тому, что я, оказывается, пишу книги. По-моему, они до сих пор не до конца привыкли. Столько лет у них была Настя, просто Настя, а теперь она вдруг писательница. И вот когда моя мама читала «Бабушка сказала сидеть тихо», она не могла отделить книгу от меня самой. Она сказала: «Я хотела выйти из комнаты и дать тебе этой книгой по голове!» Она же себя там тоже нашла. В эпизоде, где рассказывается, что родители Анны ни разу не обижали свою дочь, тем более не поднимали руку, только один раз мать ее шлепнула тапочкой по попе. Совершенно незначительный эпизод, его никто даже не заметил. А мама заметила, потому что в нем я проболталась: меня тоже один-единственный раз, лет в пять, шлепнули тапочкой. Она спросила не то чтобы с обидой, скорее удивленно: «Насть, ну зачем ты про это написала? Зачем ты припомнила эту тапочку?»

Читатели и известность

ДБ:

То есть родня твои книги читает?

НР:

Все читают. Причем я говорю: «Давайте я вам подарю авторский экземпляр», а они отказываются. Считают, что нужно купить, поддержать рублем.

ДБ:

У меня, по-моему, никто не читает. Кто-то говорит: «Ой, там ужасы, я не могу, я боюсь». А мама

пыталась читать «Вьюрки», и у нее была ко мне очень своеобразная претензия: «Почему у тебя сплошной сюжет, куда ты все время скачешь? Где описания природы, где размышления персонажей? Дай читателю отдохнуть, в конце концов». Я говорю: «Нет, у меня была другая задача». А всякая жуть на нее впечатления не произвела, ну происходит и происходит. Подумаешь, лешие, домовые, русалки — это она все знает. И кажется, с тех пор она мои книги читать не пыталась. Но она их собирает, и они торжественно стоят на видном месте в состоянии «муха не сидела».

НР:

А у меня не то что мама и ближайшие родственники — читает весь наш небольшой поселок Первомайский (и он же деревня Анисимово). Читают, обсуждают и очень любят искать, кто из героев с кого списан. «А ты вот этого узнала? Это же Саня!» Я говорю: «Никого из вас я там не описывала». Нет, это Саня — и все тут. Они всех распределили, кто есть кто. Только жуткой бабой Зоей никто быть не захотел. И признавать ею кого-то другого тоже. Так она и осталась неприкаянная. Каждый раз они ждут мою новую книгу и потом ее обсуждают. Прямо читательский клуб.

ДБ:

Фанбаза.

НР:

Они меня здорово поддерживают. Я очень сильно переживала после выхода «Бабушки...». Думала, они же знают меня с другой стороны, вдруг решат, что я не та, за кого себя выдаю. Нет, прекрасно всё приняли, книга им понравилась. Теперь каждый раз, когда я приезжаю в поселок, они просят устроить творческую встречу. То есть на самом деле такие домашние посиделки: «Ну рассказывай, как там у тебя дела». Сейчас за последней книгой вообще очередь в библиотеку.

ДБ:

А у тебя было поначалу такое ощущение, что вот твою книгу опубликуют — и ты проснешься другим человеком, уверенным в себе, изменишься и начнется какая-то совершенно новая жизнь?

НР:

Не было. Мне кажется, я до сих пор к этому не пришла. Когда периодически кто-нибудь говорит: «Ты же известная писательница, автор бестселлера», я так удивляюсь. До сих пор не привыкла к этой роли, и, мне кажется, к ней и не надо привыкать. Мне важно, как я пишу, что я пишу, а все остальное: публикации, много читателей, доход писательский — это такой приятный бонус. А чувствовать себя писательницей с большой буквы П и не хочется.

ДБ:

Я имела в виду мысли о том, что ты избавишься от комплексов, поверишь в себя и в свои силы.

НР:

Не знаю, были ли у меня прямо такие большие комплексы. Я скорее долгое время стеснялась говорить, что я писательница. Помню, когда я попала в шорт-лист «Лицея» и сделала пост об этом у себя в соцсетях, все удивились: «А ты что, пишешь?» Хотя до этого я много лет писала, но стеснялась об этом говорить и постоянно ставила себе какие-то рамки. Вот пройду в «Лицее» в длинный список – тогда смогу назвать себя писательницей. Прошла — нет, не могу. Вот пройду в короткий список – тогда точно. Тоже не сработало. Какой же я писатель без опубликованной книги и если очередь из редакторов не выстроилась. При этом я считаю, что писатель может и не издаваться... Хотя, конечно, у нас сейчас новый стандарт того, кто может считаться

писателем, и, возможно, мое мнение будет считаться неверным. И стесняться я перестала, только когда вышла книга. Она существует, она есть во всех книжных магазинах – вот оно, физическое доказательство того, что я писательница. А каких-то других изменений не произошло.

ДБ:

Я очень надеялась избавиться от неуверенности в себе и от комплексов, но где-то после третьей книги поняла, что это так не работает. Что писательница – это отдельная моя ипостась. А я, Даша Бобылёва, осталась прежней. И писательницей мне тоже неловко себя называть: кажется, что ты присваиваешь себе какое-то высокое звание. Но это все-таки наша профессия, а где профессия — там и профдеформация. Ты замечаешь у себя какие-то ее признаки?

Профдеформация и исследование

НР:

Я стала по-другому читать книги. Раньше это было просто удовольствие, я читала для себя, а сейчас подмечаю: вот это мне нравится, вот тут как-то неудачно вышло, а что у автора со стилистикой, а как он выстроил сюжет. Это иногда очень мешает читать. Я периодически специально беру какие-то очень легкие, проходные книги просто для того, чтобы мозг перестал все анализировать. И то не всегда помогает: ну зачем такая завязка, а тут зачем автор это вставил... Мне это не нравится, если честно.

ДБ:

У меня то же самое. Мне кажется, это какой-то слом оптики. Читательская уступила место редакторской и литераторской. Иногда я не могла читать для себя вообще, потому что читала самотек в «Октябре», потом была ридером на всяких отборах, конкурсах... Временами я сами буквы ненавидела, потому что воспринимала любой текст только как работу: опять анализировать, разбирать, оценивать. Но я нашла свой способ избавления от этого. Теперь по работе я читаю тексты в бумажном или электронном виде, а для себя слушаю аудиокниги. Это разделение форматов стало своего рода переключателем.

И я еще заметила другую сторону профдеформации: вот ты оказываешься в какой-то критической, даже опасной ситуации. И при этом отдельно боишься и отдельно автоматически подмечаешь: ага, вот из этого можно почерпнуть матчасть, вот это надо запомнить, пригодится. Мне недавно делали операцию, а я лежала и смотрела на хирургические лампы — какие они интересные, прямо инопланетные, надо потом почитать про них и придумать нетривиальное описание, хороший образ выйдет.

НР:

Мне иногда хочется все отпустить, просто проживать какой-то момент или ситуацию, но мозг начеку: ага, я записываю, я запоминаю это впечатление. И все уже чувствуется совсем по-другому. Я даже периодически отключаюсь, если замечаю что-то подходящее для использования в тексте: замираю с каменным выражением лица и слушаю, например, любопытный диалог на улице. Поэтому я люблю путешествовать в другие страны: там я в диалоги не вникаю и просто отдыхаю, любуюсь видами, там мой мозг не пытается все записать. Ну только если соотечественники рядом не окажутся. Да, мне нравится подслушивать, подмечать, но иногда хочется уже расслабиться.

ДБ:

Иногда это раздражает. Но все в дело, все в дело. Кстати, насчет матчасти – откуда ты ее берешь и насколько глубоко изучаешь?

НР:

По-разному. В книгах «Бабушка сказала сидеть тихо» и «Сгинь!» окружающая обстановка, реалии, поведение героев – это то, с чем я выросла. Я знаю, как живут в деревне, какие там дома, знаю лес. А вот с третьей книгой, «Последний паром Заболотья», было сложнее. Там речь идет о реальном месте — церкви Рождества Христова в Крохине. Это единственная церковь на воде, сохранившаяся при затоплении для строительства Волго-Балтийского пути. Я там побывала, увидела эту церковь, а потом мне захотелось написать роман об этом месте. Но при этом я решила, что события будут происходить в две тысячи пятом году. И мне пришлось изучать по фотографиям, по описаниям, как это место тогда выглядело. У меня уже были наброски, и некоторые пришлось переписывать, потому что все оказалось не так, как я себе представляла. Потом нашлись краеведы Вологодской области, которые тоже помогли мне с матчастью.

В целом я пытаюсь писать о том, что знаю. Другой вопрос, долго ли я на этом продержусь. Наверное, постоянно так продолжаться не может. Хотя какое-то время я отрицала вот это копание в матчасти — пиши о том, что тебе точно известно, и все.

Еще меня часто спрашивают по поводу фольклора, мифологии — откуда я все это знаю. А я как будто с этим родилась. Пела в русском народном ансамбле, мы играли в русские народные игры, жили в сельской местности. Я до сих пор, когда иду в лес, мысленно разговариваю с лешим. Это уже привычка.

А у тебя же тоже очень много фольклорных персонажей, особенно во «Вьюрках». Ты изучала фольклор или он изначально был частью твоей жизни?

О грибах, домовых и приметах

ДБ:

И то и другое. Невзирая на то, что я «центральная» москвичка с Таганки, какие-то приметы, поверья из фольклора в семье были всегда. Москвичка-то я в первом поколении. Истории деревенские были: например, про то, как мой прапрадед приходил на все свадьбы-крестины в деревне и требовал: «Наливай, а то околдую!» А потом я узнала, что это называется быличками и что сельский колдун, если его не уважить, может расстроить свадьбу. И городские легенды у нас были в ходу, особенно среди детей. Такое ощущение, что все это у нас где-то в прошивке сидит, все эти легенды, знания о существах из низшей демонологии, леших и домовых. А потом, когда мы в институте начали изучать фольклористику, я ею очень увлеклась. Нам приносили записи быличек «с полей», где люди их рассказывают, песни поют, заговоры читают. Я чуть не пошла в аспирантуру, но там надо было преподавать, а на тот момент я и преподавание были вещами несовместимыми. До сих пор жалею, ведь у меня была бы специализация «демонолог», это само по себе звучит круто.

НР:

Да, прямо зависть берет.

ДБ:

Но я продолжила изучать фольклор, читать сборники быличек и заговоров и до сих пор все это обожаю. Это же неисчерпаемый кладезь образов и сюжетов, это ужасно интересно.

АЗ:

А есть какие-то приметы, в которые вы верите?

НР:

С лешим надо разговаривать. В детстве, когда мы ходили с мамой и папой в лес, они здоровались так: «Здравствуй, хозяин с хозяюшкой». А потом,

когда набираешь ягод и грибов, на прощание говоришь: «Спасибо, хозяин с хозяюшкой». А я вроде настолько городской человек, живу в Москве, до Москвы жила в Вологде... И все равно иду по лесу, не нахожу грибы и спрашиваю у лешего: «Ну чего, жалко тебе, что ли?»

ДБ:

Я тоже разговариваю, хотя меня никогда этому не учили. Или все-таки кто-то научил в глубоком детстве? У меня всю жизнь свой ритуал: когда заходишь в лес, надо обязательно остановиться у одного из деревьев, положить на него руку и сказать: «Здравствуй, отец-лес, дай, пожалуйста, грибочков». А когда возвращаюсь, благодарю. И когда я узнала, что так здороваются с лешим, я ужасно удивилась: откуда у меня это? Еще у меня очень нежное отношение к домовым. Возможно, потому, что про домового мне бабушка рассказывала, учила, что надо говорить: «Домовой, поиграй и обратно отдай», если что-то потерялось. Что нужно ему конфетку в уголок класть. Потом говорила, что глупости все это, но коленки ушибленные мне пару раз тоже отшептывала. И откуда-то я знала, как перевозить домового в другое жилище. Когда мы переезжали много лет назад, я связала вот эту куколку тряпичную и пригласила домового в ней со мной поехать. И до сих пор в квартире в укромном уголке лежит эта куколка, я не могу ее выкинуть.

НР:

Я так же сделала. А ведь строю из себя городского человека, современного, мол, я в это все не верю. Когда мы с будущим мужем только съехались, то жили одно время на съемной квартире. И квартира оказалась какая-то очень хорошая, светлая, я в ней даже темноты не боялась. Там находиться было приятно. И я решила: домовой тут хороший. Когда мы переезжали уже в свою, я даже гуглила, как перевезти домового. Перевезла и теперь чувствую себя в нашей квартире очень хорошо, считаю, что он с нами переехал.

ДБ:

Хозяйчик.

НР:

Да, и с ним в квартире порядок, мир, любовь. Я кому-то рассказала, а у меня спрашивают: «Как же та квартира без домового, может, там теперь все вверх дном?»

ДБ:

Новый домовой придет. Дом без домового не стоит, как известно.

Процесс письма, планы, знаки и часы

АЗ:

Вот Настя рассказывала, как она писала ночью. А как вообще строится писательский день? Ведь у всех все настолько по-разному. Есть ли какая-то зависимость от времени суток? Или, как Настя сказала, когда время есть, тогда и работать?

НР:

Да, я раньше писала ночью, сейчас днем, и не поменялось одно-единственное условие: меня никто не должен отвлекать. Я пишу в полной тишине. Знаю, что кто-то любит себе плейлист составить, под каждую книгу определенную музыку с определенным настроением. Мне это не нужно, я должна сидеть в тишине, с чаем и вообще не отрываться от процесса. Вот мы с Дашей еще до интервью говорили о вдохновении — это было мое первое писательское открытие. Что его не надо ждать, оно само приходит дай бог раз в полгода. Нужно просто садиться и работать.

ДБ:

Лично у меня оно приходит именно в процессе работы. Текст увлекает, и ты вроде бы уже отработал

все свои часы, логическую точку поставил, на завтра удочку закинул. Но нет, текст продолжает в голове вертеться, и ты кидаешься обратно к компьютеру, еще что-то записываешь, записываешь... В общем, вдохновение не надо ждать, его нужно вызывать.

НР:

Я просто открываю ноутбук и пишу. Меня к этому, конечно, еще и появление сына приучило, потому что маленький ребенок двадцать минут спит, потом двадцать минут бодрствует, и так постоянно. А у меня тогда был активный период работы, я как раз писала «Бабушку...» и приучилась писать в любой свободный момент. Ребенок уснул, есть двадцать минут — двадцать минут пишем. Я набирала все в телефоне, а потом уже на ноутбуке редактировала. Сейчас сын подрос уже, ходит в садик, но привычка осталась. Появляется время — открываю ноутбук и пишу. Есть мысли, нет мыслей... То есть не совсем, конечно, пустота, сюжет у меня в голове уже примерно сложился. Я над ним думаю, когда делаю совершенно обычные вещи: иду в магазин или за ребенком в сад, просто гуляю... А мозг работает постоянно.

ДБ:

Ты строго следуешь этому сложившемуся изначально плану?

НР:

С разными текстами по-разному. Все равно так или иначе в процессе работы что-то да меняется. Ты вдруг понимаешь, что этот герой не должен быть таким, или сюжет хотела построить вот так, а дописала до середины — не-а.

ДБ:

Не идет.

НР:

Не идет, и все, его надо в другую сторону вести — это нормально.

ДБ:

Я пыталась писать по плану... И как-то оно всегда получалось поперек пятого плана, который был запасным к седьмому. Поэтому я это дело оставила, пусть текст строится в процессе. А что касается того, как, собственно, я сажусь за работу... Мне надо себя обмануть, заманить за ноутбук, как малого ребенка. Сначала мы сходим погулять, а потом поработаем. Нет, еще приготовим что-нибудь эдакое, а потом поработаем. Ладно, поиграем в «три в ряд», чтобы сосредоточиться, а потом все-таки немножечко поработаем. Конечно, сюжет в голове строится, идеи есть, но сложнее всего именно усадить себя за работу. А когда мы уже все переделали и заодно пообедали — я считаю, что художник должен быть сытым, — я наконец включаю тайм-трекер на телефоне и работаю не отрываясь как минимум час-полтора. Если начинаешь писать после долгого перерыва, бывает очень сложно сразу надолго углубиться в текст. И наращиваешь постепенно обороты: сначала час, потом два, а потом оглянуться не успеешь — уже четыре часа работаешь безостановочно. Я считаю работу по времени, не по количеству знаков.

НР:

Я считаю по знакам.

ДБ:

Но ведь бывает такое, что написала всего один абзац. Вот не складывался он и не складывался, и ты его только к вечеру одолела. Мне тайм-трекер нужен для того, чтобы потом не мучаться угрызениями совести – тоже мне наваяла, —, а похвалить себя. Пусть один абзац, но посмотри, сколько ты над ним трудилась, ты все равно молодец. В общем, нужен пряник, а то потом опять начнется прокрастинация: пишу мало, работа не идет, идеала не достичь, лучше вообще за это не браться. А у тебя с этим как?

НР:

Когда-то было так же, а сейчас я пишу и думаю: отредактирую потом. Я приняла, что не все получается идеально с первого раза. Поэтому просто решаю: запишу примерно, как сюжет пойдет. Мне могут не нравиться какие-то слова, сама вижу: тут метафоры банальные, сюда шаблонов напихала. Но при редактуре это все уходит. Так что прокрастинацией я не страдаю.

ДБ:

А сколько раз ты потом редактируешь текст?

НР:

Серьезных редактур, наверное, две. При первой я могу многое переписать, при второй прохожусь по тексту и правлю уже стилистику, неудачные обороты. А потом быстро пробегаю текст таким читательским взглядом пару раз. Дальше уже работа с литредактором.

ДБ:

Не бывает так, что тебя заклинивает на редактуре: нет, надо лучше, надо еще шлифануть?

НР:

Нет, я вообще человек, который очень многое легко отпускает. Ну три, четыре раза отредактировала — куда уж больше? Я считаю, не нужно стремиться к идеалу, – применяю это и в жизни, и в текстах. Все мы не идеальны, и тексты не идеальны — в этом, собственно, и есть вся жизнь. У нас есть изъяны, и в тексте тоже могут быть изъяны, поэтому он и живой. Ну и читателям, критикам будет потом за что зацепиться.

ДБ:

Сколько раз мне это объясняли: нужно дать себе право на ошибку, нельзя вместить в текст все, что ты хочешь, идеально все равно не будет. Головой я это понимаю, а внутри все противится. Могу редактировать и шлифовать до тех пор, пока редакторы не начинают мне аккуратно намекать: «Дашенька, уже последний дедлайн, выпусти ты из зубов эту рукопись». Приходится текст отдавать, а ручки чешутся: вот тут не то слово, вот тут вообще не так. Не знаю, как с этим бороться, и у всех спрашиваю, вдруг есть особые лайфхаки.

О жанре, знакомой реальности и страшных книгах

АЗ:

Хотелось бы вернуться к вопросам о жанре. Вот Настя сказала, что ей интересна именно Россия, Русский Север. Есть какая-то ощутимая разница между российским хоррором и каким-то другим? Есть у вас какое-то особое ощущение русской хтони, русского ужаса?

НР:

Мне кажется, он у нас такой... экзистенциальный. Он, конечно, очень связан с фольклором, но ведь у нас очень много можно найти хтони в тех же обшарпанных подъездах, в брошенных домах. Казалось бы, ничего такого, но может настоящий ужас наводить. И в целом мы пугаемся не тех вещей, чем, скажем, в Америке. Вот Стивен Кинг – ну как было его не упомянуть, – он действительно король ужасов, у него многое пугает, но при этом часто кажется каким-то далеким. Ты это на себя не примеряешь. А когда читаешь русские тексты, веришь, что это может прямо под боком происходить. И от этого становится тревожнее. Вот поеду я завтра на дачу – а вдруг застряну там, как во «Вьюрках»?

ДБ:

Я намеренно этот прием использую: стараюсь всякие страшные мистические события максимально укоренить в знакомой реальности. Чтобы возникало ощущение, что такое действительно может быть. Стараюсь изучить матчасть: находить

всякие словечки, которые были популярны именно в те годы, когда разворачивается действие. В какие игрушки играли дети, как одевались, какие в магазинах были продукты. Понятно, что пресловутые треугольные пакетики с молоком давно заезжены, но есть многое другое. Все это добавляет реалистичности и наводит жуть. Я очень люблю английские, например, истории с привидениями, мне нравится тот же Стивен Кинг. Но это все равно в какой-то мере читаешь как сказку. Мы не выросли среди этого, это нам не знакомо.

НР:

Это далеко и неправда.

АЗ:

Можете назвать самую страшную книгу, которую вы читали? И какая книга за последнее время произвела на вас самое сильное впечатление, такое, что вы всем ее рекомендуете?

ДБ:

Самой страшной книгой, которую я читала, была небольшая брошюра из букинистического магазина, где я работала. «Стенограмма совещания деятелей советской музыки под руководством А. А. Жданова». Там такая тяжелая атмосфера, так эти заслуженные, интеллигентные люди топили друг друга... Больше всего пугают, конечно, реальные вещи, особенно когда ты держишь в руках свидетельство этих событий.

А из недавно прочитанного меня очень впечатлила книга венгерского писателя Аттилы Вереша «Восстанавливая реальность». Она тоже жуткая, но при этом многослойная, там и абсурд, и реализм, а в конце все вырастает до каких-то колоссальных, вселенских масштабов. Хотя начиналось с рассказов о том, например, как человек укусил собаку. Это отдельные рассказы, которые постепенно сплетаются между собой.

НР:

Мне тоже кровь холодят именно реальные истории. У меня все внутри сжималось, когда я читала «Крутой маршрут» Гинзбург, «Вечную мерзлоту» Ремизова. А из последнего впечатлило тоже страшное — «Цементный сад» Иэна Макьюэна. Там у детей умерли родители, и они сами их закопали, чтобы не попасть в приют. Все очень подробно описано, даже местами мерзко становится. Мне было действительно страшно. Как говорится — и в «Сгинь!» я тоже использовала это выражение, — «Не бойся мертвых, бойся живых».

Дарья Бобылёва –
Настасья Ренжина

День рождения Лема в этом году выпадает на выходные, и это весьма удачный расклад для всех мероприятий, связанных с этой датой. Например, для VI Футурологического конгресса, который пройдет в Кракове с 11 по 13 сентября, т.е. уже на следующей неделе. Его организует Польский Фонд Научной Фантастики, а в программе присутствует два блока – научный и культурный. Непосредственно Лему посвящено два пункта программы – панельная дискуссия “Поговорим о Леме. Мастер в личных воспоминаниях” и презентация проекта “Lem Knowledge Graph, или все, что вы хотели бы знать о Леме, в одном месте”. Хотя бы на одно выступление я обязательно постараюсь попасть, так что ждите фото-отчет.

Инар Искендирова

Steven James Morris

Ричард Докинз «Полеты воображения. Разум и эволюция против гравитации»

Когда речь заходит о Ричарде Докинзе, большинство сразу вспоминает «*Эгоистичный ген*» или «*Бога как иллюзию*». Поэтому от «Полетов воображения» невольно ждешь очередной книги об эволюции, только с уклоном в орнитологию. На самом деле все гораздо интереснее. Это книга не столько о полете, сколько о том, почему природа снова и снова находит разные способы решить одну и ту же задачу, а человек, сам того не замечая, постоянно повторяет, используя многие из этих решений в инженерии.

Докинз начинает с простого вопроса: почему вообще полет оказался настолько выгодным? Ответ кажется очевидным – быстрее скрыться от хищника, легче найти добычу или новое место обитания. Но автор быстро показывает, что за этой очевидностью скрывается огромное количество компромиссов. Летать невероятно дорого с точки зрения энергетики. Организм должен быть легче, мышцы – мощнее, а дыхательная система – эффективнее. Каждое преимущество оплачивается новой проблемой, и именно эта мысль проходит через всю книгу красной нитью.

Пожалуй, больше всего меня впечатлили главы, посвященные масштабированию. Докинз объясняет одну из самых неочевидных вещей в биологии: природа не может просто увеличить маленькое животное в несколько раз и получить гигантскую копию. Если длина тела увеличивается вдвое, площадь поверхности возрастает в четыре раза, а объем и масса – уже в восемь. Из-за этого резко меняется нагрузка на кости, мышцы и крылья. Именно поэтому невозможно представить воробья размером с пассажирский самолет или слона с крыльями. Подобные объяснения выглядят удивительно простыми, хотя за ними стоят вполне серьезные математические закономерности.

Не менее интересен рассказ о том, как разные группы животных независимо пришли к полету. Докинз постоянно напоминает, что эволюция ничего не проектирует заранее. Она работает только с тем, что уже существует. Поэтому птицы, летучие мыши и птерозавры получили совершенно разные крылья. У птиц основу составили перья, у летучих мышей – тонкая перепонка, натянутая между необычайно длинными пальцами, а у птерозавров почти вся конструкция держалась на одном гигантском пальце. Все три решения оказались рабочими, хотя были построены буквально из разных деталей.

Именно здесь особенно хорошо проявляется авторский стиль. Докинз не пытается завалить нас терминами. Он берет сложную идею и объясняет ее через понятные сравнения. Эволюция с его точки зрения напоминает не гениального инженера, а очень практичного механика, который не создает детали с нуля, а бесконечно переделывает уже существующие конструкции. Этот образ оказывается

очень удачным, и многие процессы начинают восприниматься совершенно иначе.

Еще одна сильная сторона книги – внимание к деталям, которые обычно не замечают. Например, Докинз рассказывает, почему некоторые птицы вообще перестали летать. Интуитивно кажется, что полет – вершина эволюции, и отказаться от него было бы шагом назад. Но в природе нет понятий «лучше» или «хуже». Если на острове нет крупных хищников, а пища находится буквально под ногами, содержание сложного летательного аппарата становится бессмысленной роскошью. Именно поэтому появились страусы, киви и многие другие нелетающие птицы. Для эволюции важнее экономия ресурсов, чем соответствие нашим представлениям о совершенстве.

Есть в книге и удивительные примеры своеобразной гонки вооружений. Один из самых запоминающихся связан с ночными бабочками и летучими мышами. Хищники научились использовать эхолокацию, а некоторые виды бабочек в ответ обзавелись чешуйками, поглощающими ультразвук. Получился настоящий природный аналог технологии «стелс», которую люди разработали лишь спустя миллионы лет. Именно в такие моменты понимаешь, насколько изобретательной может быть естественная эволюция.

При этом «Полеты воображения» сложно назвать исключительно научной книгой. Докинз постоянно обращается к мифологии, истории авиации, инженерии и даже человеческой мечте о полете. Рядом с рассказом о пчелах легко может появиться Леонардо да Винчи, а затем – братья Райт или современные авиалайнеры. Все это не выглядит хаотичным. Наоборот, складывается ощущение большого путешествия по одной идее, которая объединяет природу и человеческую культуру.

Если искать недостатки, то книга временами кажется слишком насыщенной. Докинз настолько увлечен темой, что может неожиданно свернуть в сторону физики, аэродинамики или истории авиации, а затем так же стремительно вернуться к эволюции. Иногда хочется, чтобы некоторым примерам он уделил больше внимания, чем очередному любопытному факту.

Отдельно хочется сказать об оформлении книги. Иллюстрации Яны Ленцовой – полноценная часть повествования. Они помогают представить строение крыльев, различия между птицами, летучими мышами, насекомыми и вымершими птерозаврами, делая объяснения Докинза гораздо нагляднее. При этом рисунки не перегружены деталями: они достаточно точны с научной точки зрения, но сохраняют легкость и даже некоторую сказочность, которая хорошо сочетается с названием книги. Благодаря этому «Полеты воображения» воспринимаются не как сухой учебник по эволюционной биологии, а как красиво оформленное путешествие по миру живой природы. Не случайно издание включает около шестидесяти цветных иллюстраций, и многие из них хочется рассматривать отдельно от текста.

Итог: «Полеты воображения» – далеко не самая известная работа Докинза, но, возможно, одна из самых нетребовательных к читателю. Здесь почти нет привычной полемики, зато очень много искреннего восхищения устройством природы. Автор не просто объясняет, как живые существа научились преодолевать земное притяжение. Он показывает, что за каждым крылом, пером или перепонкой скрывается длинная история проб, ошибок и компромиссов, которую писала сама эволюция. И именно благодаря этому книга оказывается интересной не только тем, кто любит биологию, но

и всем, кто получает удовольствие от хорошо рассказанных историй о том, как устроен наш мир.

Жанр: Non-fiction/Научпоп

Оценка: 9/10

Алексей Севериан

В лютом восторге от «Проклятой земли». Хоррор о строительстве глэмпинга в тверской глуши оказался совсем не тем, чем кажется.

Бодрая история о дауншифтинге и трудностях малого бизнеса обернулась исследованием феноменальной способности человека до последнего игнорировать зло у себя под носом, а когда не замечать его уже невозможно – упрямо к нему приспосабливаться. Света Тюльбашева однозначно написала одну из лучших книг года.

Молодая семья – Аня, Леша и маленький Лев – приезжает в почти заброшенную деревню Асташово, чтобы открыть там глэмпинг. И пока они перестраивают старый дом, голыми руками вбивают в проклятую землю сваи для будущих шатров, параллельно участвуя в код-ревью по зуму, в заброшенной усадьбе Астафьевых, что неподалеку, просыпается черт знает что.

В начале XX века дети графской семьи один за другим умерли при неясных обстоятельствах, а затем исчезли и остальные обитатели дома. Теперь руины привлекают любителей паранормального: они приезжают по ночам, перелезают через забор и снимают влоги о проклятии, призраках и якобы убитой здесь ведьме. Маленький Лев находит себе новую подружку – криповую девочку в платье принцессы, а Аня и Леша пытаются заручиться поддержкой не вполне вменяемых соседей и таки открыть несчастный глэмпинг.

Автор строит повествование на двойном контрасте. С одной стороны – лихорадочный, ультрасовременный ритм жизни героев, в котором легко узнать себя. С другой – липкое, древнее, непроглядное зло, затаившееся в туманных тверских лесах и руинах дворянского гнезда. Из столкновения этих, казалось бы, несовместимых вещей, жанровый хоррор довольно быстро вырастает во вполне себе серьезную социальную драму и полигон для исследования конфликтов между своими и чужими, рациональным и мистическим, желанием уехать и невозможностью сбежать.

Роман полифоничен. Короткие главы, письма из прошлого, дневники и посты на «Паранормальной России» (любопытно, подскочил ли трафик у реального подобного сайта?) постоянно меняют угол и дальность обзора. Читатель почти всегда знает чуть больше героев – и все же недостаточно, чтобы понять, что произойдет дальше.

При этом полифония не размыкает повествование, а парадоксальным образом делает его герметичнее. Действие замкнуто между деревней, полем, лесом, рекой и усадьбой. Внешний мир существует где-то за трассой, но постепенно перестает казаться доступным. Даже письма, дневники и вставки с форумов паранормальщиков не расширяют пространство, а еще плотнее его запечатывают. Сколько бы людей ни пытались объяснить случившееся, все дороги будут вести в Асташово.

«Проклятая земля» устроена заметно сложнее «Леса». Обычно во время чтения я автоматически разбираю текст на запчасти: отмечаю, как он работает и за счет чего удерживает внимание. Здесь же некоторые механизмы оказались настолько тонкими, что я почувствовала их действие, но так и не смогла понять, как именно они устроены. Вау!

Вика Рипа

6 сентября:

Одна из самых трагичных фигур в истории науки – Эрвин Шредингер (1887-1961). Ведь весь мир знает его вклад в физику: Шредингер мучил кота. Или не мучил. Или не кота.

Можно только подивиться тому, как исчезает всё – и квантовая механика, и волновая функция, и битва с копенгагенской интерпретацией, и какие-то попытки объяснить генетику и происхождение жизни. Всё сожрал кот.

Владимир Березин

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ «ПИОНЕР»

Карлсон начал бояться ещё весной, когда забрали несколько его знакомых. А у него всё было нехорошо — и имя, и звание, и происхождение. Академий он не кончал, но окончил Морской корпус. Он так и представлял, как следователь будет разглядывать его фотографию в новеньких погонах. Ну и шпионаж в интересах разведок немецкой, финской и шведской сгущался из папиросного дыма как бы сам собой.

Он пришел посоветоваться к старому другу. У того было три ордена за Гражданскую войну, и в Крыму они были по разные стороны Перекопа. Это не мешало дружбе, и теперь человек в морском кителе с вереницей орденов сказал ему просто: «Беги!»

Карлсон посмотрел на него внимательно, а тот вывел его из тёплой квартиры на стылый бульвар, где уныло сидел писатель Гоголь.

Они сели на лавочку, где их подслушивали только голуби.

— Беги, — снова сказал старый друг, и пояснил:

— Надо просто куда-то уехать. Неважно куда. Туда, где тебя будет лень искать, там не арестуют. В общем — беги, пока нарком не переменится. Наркомы у нас, что ветер – как только они переменяются, всё движется иначе. Кто-то улетает, а кто-то возвращается.

Через неделю Карлсон понял, что имеется в виду. Из газет он узнал, что его друг-большевик вдруг очутился на Северном полюсе. Там его действительно было некому арестовывать. Карлсон оценил этот ход, но задумался о собственной судьбе.

И тут ему позвонили. Это был его бывший курсант, три раза сдававший ему навигацию, и сдавший только на четвертый раз — другому преподавателю. За богатырский рост и тупость ему дана была кличка Малыш.

Он предложил отправиться в кругосветку и сразу забормотал, что уладит формальности — вплоть до заграничной командировки.

Карлсон прикинул, как его будут брать на причале, прямо с сундучком в руках, даже не дав ступить на палубу.

Да это, собственно, было все равно.

На Крестовском острове он обнаружил крохотную яхту, рядом с которой сидел его бывший курсант и блохастая собака.

Никого больше рядом не было.

Карлсон перенес сундучок в каюту, и жизнь его повернула на новый курс.

Месяц они готовили яхту к путешествию, а потом под фанфары и вспышки блицев вышли в море. Они торопились, да так, что Карлсон не сразу понял, что малолетние хулиганы перекрасили надпись «Пионер» на корме, так что получилось «Пидор».

— Бонифаций Христофорович, — вдруг сказал старший помощник, когда они вышли из советских вод. — Тут не надо торопиться.

Неизвестно отчего капитан повиновался старшему помощнику. Яхта лежала в дрейфе. Стоял штиль, Балтика была похожа на ровный стол, залитый ртутью.

Вдруг что-то мягкое толкнуло яхту снизу, будто подплыл под неё большой кит.

Лязгнула обшивка. Внизу что-то зашипело и забулькало. Старший помощник бросился в трюм, а капитан медленно спустился за ним.

Всё трюмное отделение занимала рубка подводной лодки. Медленно открылся люк, и перед Бонифацием Христофоровичем оказался настоящий капитан первого ранга с шевронами во весь рукав.

— Капитан Воронцов. Разрешите подняться на борт?

— Приветствую вас! — при этом Карлсон подумал, что ещё неизвестно, кто у кого на борту.

Под яхтой, будто гигантское веретено, лежало тело подводной лодки.

— Кажется, я представляю собой лишь надстройку на вашем корпусе, — уныло констатировал Карлсон. — теперь вы капитан этого судна, а не я.

Воронцов похлопал его по плечу.

— Что вы, — вы тоже капитан, мы тут с вами два капитана. Надводный и подводный. Так сказать, два-капитана-два. Мы обязаны привести подводную лодку «Пионер» во Владивосток скрытным образом, потому что императорский флот... Впрочем, про это вам знать не надо.

Так они и пошли мимо чужих берегов — яхта на виду, и огромная лодка под водой.

Вблизи германского берега странная конструкция сбавила ход, и тут же из тумана появилась шлюпка со странным немцем. Одной рукой он сжимал румпель руля, а в другой держал маузер. Кажется, он только что отстреливался от кого-то на берегу.

— Очень приятно, — представился он. — Меня зовут камарад Фукс. Я специалист по секретным картам.

Карлсон уже ничему не удивлялся — ни тому, как они выгружали какие-то ящики, ни тому, как в Египте они взяли на борт яйца, а в Индии сгрузили на берег две сотни крокодилов для нужд обувной промышленности. Карлсон подозревал, что это были не яйца и не крокодилы, но на ящиках было написано «крокодилы», и больше он не спрашивал.

В Абиссинии шла война, над берегом барражировали итальянские аэропланы.

Из глубины подводной лодки подняли несколько ящиков спагетти. Карлсон подумал, что ящики слишком тяжелы для макаронных изделий, но это не смутило весёлых негров, кинувших ящики в свои лодки, и тут же скрывшихся из глаз в море.

Капитан Воронцов иногда поднимался к нему на палубу с бутылкой коньяка. Речи подводного капитана становились все бессвязнее, он начинал речь о научных экспериментах, об особой термопаре, что даёт электричество аккумуляторам лодки, но тут же сбивался на происки врагов и неминуемую встречу с императорским флотом.

Карлсон слушал все это с сожалением. Ему давно казалось, что все подводники — сумасшедшие.

Посреди Тихого океана внизу произошло какое-то движение, вновь лязгнула сталь, щелкнули створки днища и заработали трюмные помпы.

Карлсон спустился вниз и увидел, что «Пионер» покинул своё место.

На следующий день он увидел на горизонте огромный линкор, и на всякий случай заложил циркуляцию, чтобы не приближаться к нему. Но тут небо расколола молния, и горизонт, сверкнув,

окрасился красным. Громыхнуло ещё раз, а потом яхту приподняла волна и мягко опустила обратно.

Там, вдалеке, всё закончилось.

Карлсон повернул в ту сторону, но не нашел ни единой шлюпки. Лишь несколько деревяшек плавало в воде, прыгал на волне странный хронометр в герметическом стеклянном пузыре, и неведомо куда плыла фуражка капитана Воронцова.

Старший помощник подобрал хронометр, а специалист по секретным картам Фукс выудил фуражку.

Карлсон решил ничего не брать на память.

Через некоторое время они приблизились к границам СССР.

— Владивосток? — спросил Карлсон у старшего помощника.

— Теперь не имеет с-с-смысла, — загадочно ответил он, и тогда Карлсон повернул к северу.

Специалист по секретным картам достал новую колоду, и разложил её прямо на досках палубы. Они прошли Берингов пролив и двинулись Северным морским путем.

Никто не заговаривал о подводной лодке, и Карлсон обнаружил в себе странное безразличие к этой теме.

Стали чаще попадаться льды, и Карлсон увязался за большим ледоколом. Через неделю, в тумане, они потеряли друг друга. Экипаж высаживался на маленькие острова среди ледяного моря. На одном они обнаружили какого-то мёртвого капитана, превратившегося в холодец.

— Теперь все это можно назвать «три-капитана-три», мрачно пошутил Карлсон и тут же прикрикнул на старшего помощника:

— Отставить тереть капитана!

На других островах они находили места стоянок подводных лодок — своих и чужих. Иногда они видели остовы огромных дирижаблей неизвестной национальности. Однажды им встретилось судно, вмороженное в лёд, и само покрытое льдом так, что не было понятно — кто там стоит на палубе — мёртвый вахтенный или сосулька.

Наконец, Карлсон нашёл то, что в тайне искал полжизни.

На одной из стоянок он первым ушёл искать сухой плавник.

Вернувшись, он незаметно подложил в костёр доску, оторванную со столба на вершине горы. Лишь он один на свете помнил, что это за доска. Гвоздём на ней было выжжено «Я, капитан второго ранга Колчак, нарекаю этот остров землёй Карлсона в честь моего друга по Морскому корпусу Бонифация Карлсона. Мальчишеская дружба неразменна на тысячи житейских мелочей. 22/IX-1909».

Пламя быстро охватило высушенное ветром дерево и съело прошлые клятвы без остатка.

Наконец, они вышли к чистой воде, потеряв счёт дням и неделям.

По этой чистой воде к яхте медленно приближалась льдина. На ней стояла красная палатка, вокруг которой прыгали четверо мужчин в ушанках. Карлсон сразу узнал одного из них — по трем орденам на груди.

Полярники перебрались на яхту вместе со своим немудреным скарбом.

Один из полярников имел большой запас бутылей с заспиртованными морскими гадами, так что скучать им не приходилось.

— Все-таки, мы с тобой ужасно предусмотрительные, — говорил орденоносец, закусывая глубоководными рачками. — Ты не расстрелял меня в девятнадцатом, а я тебя — в двадцатом. Я дал тебе правильный совет, а ты им воспользовался. Нарком переменился, и теперь, если нас и грохнут, то уж за что-нибудь другое.

Специалист по секретным картам невозмутимо раскладывал порнографические пасьянсы.

Тосковал один старший помощник: у него сменился нарком, и теперь старпом ждал неприятностей.

Владимир Березин

В своё время цикл Дэвида Вебера о Хонор Харрингтон прошёл мимо меня, чем я ни капли не горжусь. «Хонорверс» считается одним из лучших циклов в истории боевой фантастики, поэтому, когда на русском языке вышло переиздание «Космической станции «Василиск», первого романа серии, да еще и в новом переводе, я решил наверстать упущенное... и проглотил книгу всего за пару дней.

Действие «Василиска», да и всех остальных книг о Хонор Харрингтон, разворачивается в отдаленном будущем, в котором человечество успело не только освоить межзвездные полеты и расселиться по вселенной, но и заново поделиться на отдельные государства. Одни, как могущественная Хэйвенская Республика, занимают целые сектора пространства, другие, как королевство Мантикора, ограничиваются пределами одной звездной системы. Впрочем, у Мантикоры есть целая колония – соседняя система Медузы, покой которой и охраняет вынесенная в название первой книги цикла станция «Василиск».

Система Медузы играет важную стратегическую роль, контролировать её не отказались бы все могущественные соседи Мантикоры. При этом в самом королевстве содержание колонии все чаще считают излишней обузой, а служить туда отправляют либо самых непроходимых идиотов, либо компетентных офицеров, которые по той или иной причине сильно разочаровали командование. Командор Хонор Харрингтон, капитан легкого крейсера «Бесстрашный», понятное дело, относится ко второй категории. Попав в систему Медузы, она прекрасно понимает, что фактически её отправили в ссылку. Тем не менее, Хонор решительно берется за выполнение новых должностных обязанностей. И очень быстро командор понимает, что это назначение она получила очень вовремя – на Медузе творится что-то подозрительное, и от действий капитана «Бесстрашного» и её экипажа зависит судьба всей системы.

«Космическая станция «Василиск» – боевая фантастика, на страницах которой найдется место и планетарным перестрелкам, и разборкам космических крейсеров. Но при этом львиную долю внимания Вебер уделяет тактике и стратегии подобных сражений, большинство главных действующих лиц – командиры и офицеры, которые не несутся в бой в первых рядах, а следят за ходом баталии с мостика корабля или с другого командного пункта. При этом автор не забывает о том, что действие его цикла разворачивается в отдаленном будущем при совершенно другом уровне технологий – поэтому корабли у Вебера разгоняются до немыслимых на сегодняшний день скоростей, а расстояние между сражающимися крейсерами может исчисляться миллионами километров.

А главная тема книги – это торжество профессионализма. Хонор Харрингтон – умный и компетентный командир, который требует такого же уровня компетентности от всего экипажа. Потому что одного лишь капитана мало для успеха, победа в бою зависит в первую очередь от грамотных и слаженных действий всей команды. И Хонор по мере развития сюжета добивается нужной ей слаженности, пусть даже для этого ей приходится принимать жестокие и непопулярные решения. Постепенно матросы и офицеры «Бесстрашного» проникаются

самоотверженностью своего капитана – они начинают гордиться выполняемой работой, выкладываться на все сто сорок шесть процентов и в итоге справляются с ней все лучше и лучше.

Из-за такого акцента на попытках Хонор превратить экипаж «Бесстрашного» в единый и слаженно работающий организм «Космическая станция «Василиск» порой воспринимается как самый настоящий производственный роман. Но ближе к середине повествования, когда становится понятно, что на Медузе действительно творится нечто странное, ситуация накаляется, интрига закручивается, а темп происходящего нарастает. И в конечном итоге в «Василиске» будут и политические интриги, и героические высадки космодесантников, и героические жертвы некоторых персонажей, а последние 30-40 страниц и вовсе превращаются в описание напряженной и драматичной дуэли между Хонор и командующим вражеского корабля.

В сухом остатке мы получаем напряженную и насыщенную производственную драму о нелегких буднях капитана военного звездолета далекого будущего – но с изрядной долей политических и военных интриг, планетарных перестрелок и космических битв. Ну и главный показатель качества лично для меня – после прочтения «Василиска» мне захотелось продолжить знакомство с «Хонорверсом» и сразу же открыть вторую книгу.

Алексей Ионов

8 сентября:

Ещё веселого, совсем сплетня.

Сегодня утром на хабре некто выложил то, как ИИ по его просьбе заполнил лакуны в аудиозаписи беседы с люденами из «Волны гасят ветер».

Вот что сгенерировал ИИ для четырех лакун:

Первая лакуна (12 минут 23 секунды): Нейросеть заполнила её спором о биологическом и эволюционном тупике человечества. Логовенко объясняет Комову и Горбовскому, что людены – это не «следующий шаг» в привычном понимании, а параллельный вид, который больше не нуждается в материальной культуре и технологиях, так как способен напрямую манипулировать метрикой пространства-времени.

Вторая лакуна (2 минуты 12 секунд): В этой части ИИ развил тему нечеловеческого разума, упомянув, что «китообразные» на Земле давно прошли ту стадию, на которую людены только вступают, но их сознание полностью замкнуто на восприятии океана и не стремится к экспансии в космос.

Третья лакуна (9 минут 44 секунды): Здесь сеть описала механику «третьей импульсной системы». Согласно генерации, чтение мыслей люденами – это не телепатия, а прямое подключение к информационному полю, где все человеческие разумы выглядят как «медленные, затухающие искры». Тайну они сохраняли потому, что знание о люденах разрушило бы мотивацию обычного человечества развиваться самостоятельно.

Четвертая лакуна (34 минуты 11 секунд): Самый большой уничтоженный фрагмент записи. Нейросеть превратила его в подробный ультиматум и одновременно прощание. Логовенко описывает грядущее «Большое Откровение» как неизбежную сепарацию: людены покинут Землю и Мир Полудня, забрав с собой тех, в ком инициирована третья импульсная, оставляя человечество наедине с его собственной (уже ограниченной) историей.

Ася Михеева

Листаю ленту: вот про травму,
А вот про Трампа,
Джинн продает со скидкой лампу,
Актриса – рампу,
Два фото – мама мыла раму,
А после папу,
Сдаёт таролог карты с крапом,
Министры, важные арапы,
Идут по трапу.
Вот Олди книжки выставляют:
«Дракона с карпом».
Туплю в смартфон, листаю ленту
Зимой и летом,
Жизнь через край перехлестнула,
Стекает в Лету.

Олег Ладыженский

Как дураку попасть на службу? На этот вопрос попробовала ответить небольшая казачья сказка.

Жили-были дед и баба, было у них два сына. Старшего умного забрали в армию, младший остался дома и загрустил. Как-то раз пошел он в лес собирать грибы, встретил говорящего медведя.

– Ты что, Иван, грустный? – сходу спросил медведь, почему-то знавший имя дурака.

– Как же мне не грустить? Старший брат в армии, а меня не берут, – не удивился вопросу дурак.

Медведь предложил неожиданный выход:

– Мы тебе крылья прикрепим, и будешь ты летать!

Обратите внимание, о службе ни слова. Собственно, дурак тут же забыл про армию, надел крылья и стал летать. Наконец, полетел и к брату. Думаете, служить? Нет, чтобы спросить, считает ли брат его дураком.

– Нет, теперь ты умный стал, – ответил брат, поглядывая на летающего при помощи медведя и грибов брата.

А сюрреализм нарастал.

Вернулся старший со службы, его женить решили. Младший позавидовал и привычно отправился собирать грибы. Уж какие собирал, неизвестно, но опять пришел говорящий медведь, выслушал, и вместе они пошли к царю.

«Царь испугался медведя и отдал Ивану свою дочь».

Конец (*Багизбаева М. Фольклор семиреченских казаков. Ч. II. Алма-Ата. 1979. № 22*).

Представляете, какой фильм можно слепить? Сюрреализм высшей пробы! Парящий над деревнями дурак. Грибы как медиатор для переговоров с медведями (кстати, собирание грибов – одна из постоянных черточек сказочных дурачков).

Может, даже обстреливание летающего дурака перепуганными солдатами?

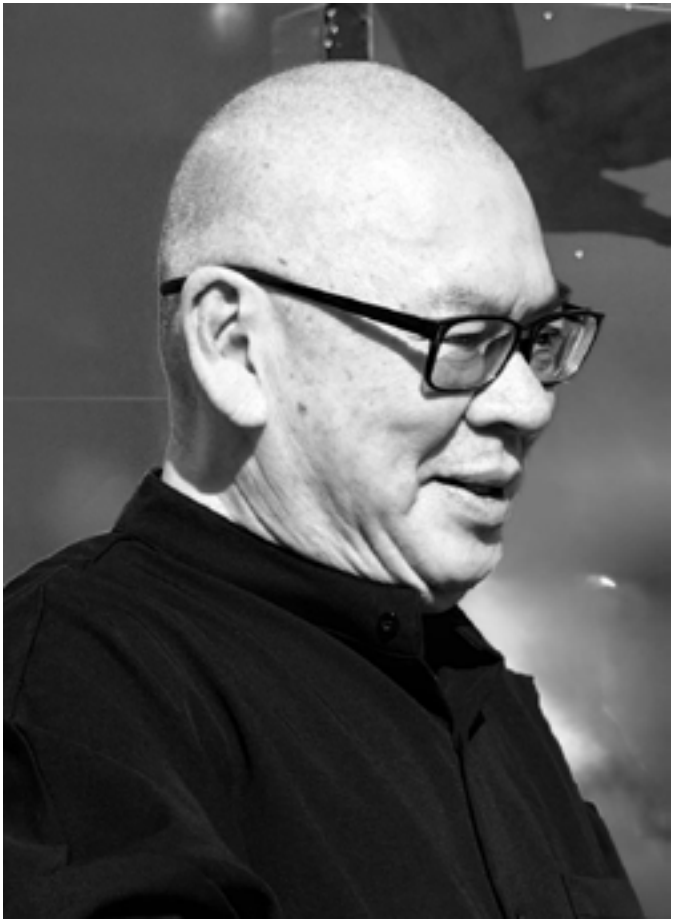
Эх, мечты, мечты...

Антон Нелихов

9 сентября:

На всех фестивалях, где присутствует лучший режиссер на свете Цай Минлян, я его фотографирую, и вот перед вами свежий портрет. Фильм Цая «Пыль», премьера которого была сегодня в Венеции, продолжает буддистский цикл про медленного монаха. На этот раз Ли Каншен отправляется в Сан-Себастьян и медитирует рядом со скульптурами Чильиды и непонятно откуда взявшимся зеленым носорогом. Красота нечеловеческая!

И еще один суперфильм – «Биография Борхеса» Мариано Жинаса – похож на роман Вагинова про



сумасбродных коллекционеров. Главный герой – Эрнесто Монтекин, собиратель борхесианы, наследник Эдгардо Козаринского, полиглот и сноб, – втягивает Жинаса в путешествие по местам, где бывал Борхес, от Уругвая до Исландии, и везде обнаруживается что-то диковинное и смешное. Фильм идет 330 минут, и среди них нет ни одной скучной.

Больше я ничего выдающегося не видел, но и этого достаточно.

Дмитрий Волчек

Удивитесь: самой популярной русской сказкой о лягушках была не «Царевна-лягушка» (хотя ее тоже любили, очень уж она смешная), а история про испытания девочек в колодце.

Коротко напомню: грандиозная сказочная тема про падчерицу делится на три основные части.

Первая – «Морозко»: мачеха отправляет падчерицу в зимний лес, чтобы замерзла. Вторая – про жмурки: падчерицу бросают в летнем лесу, чтобы медведи (волки, леший) сожрали. Третья как раз про колодец, куда падчерица ныряет за уроненным ведром/веретеном.

Везде девочку ждут испытания. В литературных пересказах все они – испытания вежливости, доброты и смирения, но это уже наносное. Тот же Морозко на деле вообще непонятно, чего добивается, и кажется, он просто хочет докопаться до девочек.

Доктор Е.А. Самоделова аккуратно предположила, что сказка «Морозко» вначале была про испытание женской хитрости: кто ловчее соврет, тот и молодец. Мне это кажется очень правдоподобным, потому что падчерица в некоторых сюжетах врет вообще всем, и сказке это нравится, она награждает обманщицу деньгами, почетом и престижным мужем.

В летнем лесу антагонист испытывает в общем тоже хитрость девочек. Падчерица быстро организует альянс с мышами, которых подкупает куском каши. Благодарные мыши заменяют ее в игре с антагонистом в жмурки. Антагонист обманут, девочка спасена.

И в колодце она должна продемонстрировать хитрость, находчивость, чтобы справиться с несколькими испытаниями. Здесь антагонист обычно Яга, а одно из заданий: попарить детишек Яги. И тут, наконец, на сцену выходят самые популярные в корпусе русских сказок лягушки.

Яга вручает девочке решето: наноси, мол, воду в баню. Девочка обмазывает решето глиной и благополучно приносит воду. Затем ведет себя как большой знаток герпетологии и с великой аккуратностью моет лягушечек (также ящериц, змей и мышек). Они потом хвастаются Яге:

«Ты хорошо нас мыла, а Наташа еще лучше».

(Фольклор семиреченских казаков. Ч. 2. Алма-Ата. 1979. № 17);

«Напарила нас Машенька, намыла, да так, как ни разу в жизни не мылись мы».

(Русские народные сказки о мачехе и падчерице. Новосибирск. 1993. № 41);

«Ой, матушка, так она нежно с нами. Ты уж ее награди чем-нибудь».

(Сказки Водлозерья. Петрозаводск. 2013. № 50).

В итоге падчерица отовсюду возвращается с наградами (иногда даже в модной енотовой шубе, во французском платке и с колбасой).

Мачеха отправляет в лес или колодец родную дочку: мол, моя еще больше колбасы принесет! Увы, не принесет. Купать лягушек она не умеет, террариумистика – не ее конек. Даже лапки некоторым отрывает!

В наказание ее обезображивают. Обливают смолой (вспомните немецкую «Госпожу Метелицу»), превращают в цыганку или старуху и выгоняют обратно на землю.

Если согласиться с В.Я. Проппом, что такие сюжеты – отголоски подлинных инициаций и брачных испытаний, то получается очень крутой кунштюк.

Оказывается, древнеславянская девушка должна уметь: 1) врать духам, 2) кормить мышей, 3) купать лягушек. Это базовое. Всякая готовка, шитье и прочее – ерунда. Главное, чтобы в террариуме все были сытые, а духи обманутые («Добрый день. Домовой Иван? Вам звонят из службы безопасности Сбербанка»).

Такая девочка затем легко могла и коня на скаку остановить, конечно. Не исключено, что просто взглядом...

Антон Нелихов

Сосет под ложечкой: «Сквозь огонь», Евгения Овчинникова

Первые пару глав читала и думала: ну, ничего особенного, довольно простой язык, зачем-то мистические способности у героини...

А потом КААААК меня затянуло в эту историю, я **даже отказалась от ночного сна** (а у меня младенец, на минуточку), чтобы не выныривать из книги.

Меня жгло таежным пожаром и сносило тайфуном; я чуяла, как пропахла костром и сырой хвоей одежда героев; кринжевала на концерте в честь встречи выпускников; удила и разделывала рыбу (фу) – одним словом, я жила в этом романе.

«Сквозь огонь» – это очень **талантливый пример региональной прозы**, ставлю книгу на полочку с «Круугой», только в «Крууге» Карелия, а тут **Хабаровский край**, но в обоих случаях **тайга, охота, небольшой населенный пункт и от тоски сосет под ложечкой**.

Чтобы рассказать историю историю вины, травмы и коллективной ответственности, Евгения Овчинникова выбрала жанр мистического триллера, а закрутила все вокруг детективной загадки, которая на самом деле всего лишь способ вернуться в прошлое и покопаться в головах у героев.

Такое решение будто бы даже идет книге на пользу, потому что оно прекрасно вписывается в сеттинг таежной хтони и даёт почву для многих запоминающихся сцен романа (поминки Веры,

например, или появление ее матери на встрече выпускников).

Давайте немножко погружу вас в сюжет. 35-летняя Саша возвращается в родной Гордеев, небольшой городок в Хабаровском крае, потому что наконец нашли тело ее лучшей подруги Веры, 19 лет назад украденное из морга после того, как Вера упала с крыши малосемейки. Саша обладает даром читать людей – заглянув в глаза, она видит события из их прошлого. Саша хочет наконец разобраться, что же случилось с Верой много лет назад, чтобы призрак подруги наконец её отпустил.

Само расследование незамысловатое, к тому же двигается оно не слишком интенсивно, но мне как читателю было важно совсем другое (и смею предположить, что автору тоже). Пока Саша вспоминает прошлое и пытается как-то существовать в настоящем, перед нами разворачивается **жизнь маленького городка где-то посреди тайги, где люди живут на грани бедности, промышляя охотой и рыбалкой или впахивая на градообразующем заводе**.

«Сквозь огонь» как будто вообще не про поиски виноватых в трагической смерти подростка, потому что виноватые себя уже самоопределили. Скорее, это **роман о тех, кто умеет уживаться с суровой тайгой, но со своей совестью ужиться не может**. Возможно, эта суровость и привычка к трудностям как раз-таки и не позволила героям вовремя распознать более хрупкие материи и проявить чуткость, что в итоге привело к трагедии.

Примечательно, что в начале книги все горит, а в конце – заливает водой, **одна природная катастрофа сменяется другой**, и всё это очень символично и классно работает не только на атмосферу, но и на восприятие сюжета и развязки.

Развязка, кстати, внятная, как любит ленивый читатель, и это мне нынче по душе.

Евгению Овчинникову читаю дальше, от региональной прозы кайфую дальше.

Александра Прохорова

10 сентября:

Осип (Юлиан) Сенковский родился аккурат в конце XVIII века, в последний его год, и за свои 58 наделал немало шума. Однако, сейчас мы о нем помним мало. Или же у меня такой односторонний флюс, который в этом месте, где дышал, творил и волновался странный Ося, никакого рельефа не имеет.

Если судить по псевдонимам Сенковского, был это человек эксцентричный, инаковость в нем бурлила и не давала ни минуты сидеть спокойно.

Един он во многих лицах: Cel, Б. Б. (видимо, сокращение от Барон Брамбеус), Байбаков, Биттервасер, Брамбеус-Ага-Багадур, Женихсберг, Карло Карлини, Осип Морозов, О. О. О., Публик-султан-багатур, С. С. С., П. Снегин, Т.-О., Тютюнджу-оглы, Хохотенко-Хлопотунов-Пустяковский, Иван Иванов сын, но, пожалуй, только Барон Брамбеус занимает в этом ряду особое место. Эта литературная маска более других привлекала автора и бедокурила.

Такое количество псевдонимов легко объяснить его журналистской деятельностью. Я сама лично знаю журналистов, подписывающих статьи разными именами в одном и том же выпуске, чтобы наивный читатель не раздражался единственной или слишком часто мелькающей фамилией под всеми материалами.

Из биографии Сенковского, составленной Евгением Соловьем можно узнать, что наш пострел – человек чрезвычайно одаренный и образованный. Начинаем завидовать:

Профессор университета и блестящий лектор,

знаток восточной литературы и Востока вообще,

ученый, прекрасно владевший языками персидским, арабским, турецким, коптским, французским, английским, немецким, русским, польским, итальянским и испанским,

свободно писавший на пяти языках,

одновременно талантливый публицист,

критик,

автор бесчисленных повестей,

единственный редактор и почти единственный сотрудник самого распространенного когда-то журнала.

Мда.

Хотя Сенковский часто сетовал на незаконченность своих произведений, невозможность всласть поработать над черновиками, трудов его дошло до нас немало. Ругают Сенковского часто, но давайте это отложим на другой раз, если вообще дойдет прихотливая мысль до тех порогов.

Сегодня предлагаю вспомнить рассказ Сенковского «Большой выход у Сатаны».

Остов фельетона «Большой выход у Сатаны» прост: к царю ада на поклон приходят черти пожиже и докладывают о своих неуспехах. Сатана на голодный желудок слушать эти безобразия не может, то и дело закусывая литературными трудами, начисто изымая их из человеческой памяти.

Тут только цитировать. Забавное и злободневное сегодня чтение. Что ни абзац, то день нынешний, во всей своей беспомощности и абсурде.

Поехали.

– Я примирил их на том условии, что царь будет у них государем, а народ царем…

– Как?.. Как?..

– На том условии, ваша мрачность, что царь будет государем, а народ царем.

– Что это за чепуха?.. Я такого условия не понимаю.

– И я тоже. И никто его не понимает. Однако люди приняли его с восхищением.

– Но в нем нет ни капли смысла.

– Потому-то оно и замысловато.

Метко брошенные книги пролетели сквозь пустую голову тени бывшего архитектора точно так же, как пролетает полный курс университетского учения сквозь порожние головы иных баричей, не оставив после себя ни малейшего следа

– Итак, теперь решительно нет у тебя ни одной революции?

– Решительно ни одной, ваша мрачность! кроме нескольких текущих мятежей и бунтов по уездам в конституционных государствах, где это в порядке вещей и необходимо для удостоверения людей, что они действительно пользуются свободою, то есть что они беспрепятственно могут разбивать друг другу головы во всякое время года.

– А я думать не хочу! – сказал грозный обладатель ада. – На что мне эта беда?.. Я вашего романтизма не понимаю. Это сущий вздор: не правда ли, мой верховный визирь?

– Совершенная правда! – отвечал Вельзевул, кланяясь. – Слыханное ли дело, читая думать?..

Юлия Евдокимовская

Стивен Кинг «Куджо»

Есть книги Стивена Кинга, в которых героев преследуют призраки, древнее зло или необъяснимые силы. А есть «Куджо» – роман, где главным источником ужаса становится болезнь, случайность и человеческое бессилие. Именно поэтому спустя десятилетия после выхода книга продолжает работать так же, как и в начале восьмидесятых.

На первый взгляд история кажется предельно простой. Добродушный сенбернар получает укус бешеной летучей мыши, и цепочка, начавшаяся с почти незаметного происшествия, постепенно превращается в настоящую катастрофу. Но очень быстро становится ясно: собака здесь – не главный герой и даже не главный злодей.

Самое страшное в «Куджо» – это ощущение, что подобная трагедия могла произойти где угодно. Кинг практически полностью отказывается от привычной мистики. Вместо древнего проклятия – смертельная болезнь. Вместо демонов – палящее солнце, неисправный автомобиль, человеческие ошибки и роковое стечение обстоятельств. Реалистичность происходящего делает роман необычайно тяжелым. На мой взгляд, книги Кинга без сверхъестественных элементов зачастую оказываются страшнее его классических хорроров.

Особого внимания заслуживает образ самого Куджо. До болезни это огромный, добрый и преданный пес. Автор не превращает его в чудовище ради эффекта. Напротив, Кинг постоянно напоминает, что перед нами жертва обстоятельств. Бешенство уничтожает личность животного, заменяя ее непрекращающейся болью и агрессией. Из-за этого роман вызывает не только страх, но и искреннее сочувствие.

Вообще, одна из сильнейших сторон романа – отсутствие абсолютно плохих и абсолютно хороших людей (за исключением разве мерзкого Стива Кемпа). Почти каждый персонаж совершает ошибки, принимает сомнительные решения, пытается справиться со своими семейными проблемами. Здесь нет героев в привычном понимании слова. Есть обычные люди, которые неожиданно оказываются в ситуации, где цена любого неверного выбора оказывается слишком высокой.

Бытовые детали делают книгу более убедительной. Кинг всегда умел превращать повседневность в источник тревоги. Маленький американский городок, ремонт автомобилей, семейные конфликты, бытовые разговоры – всё это сначала кажется обычной жизнью, но постепенно становится частью огромной ловушки. Автор словно показывает эффект домино: одно незначительное событие запускает десятки других, и остановить их уже невозможно.

При этом роман нельзя назвать динамичным с первых страниц. Кинг довольно долго знакомит нас с героями, их характерами и отношениями. Но позже становится понятно, зачем автор уделяет

столько внимания деталям. Когда начинается основная часть истории, мы уже знаем этих людей достаточно хорошо, чтобы переживать за каждого из них. Это один из коронных приемов Кинга.

Интересно и то, как написан сам роман. Кинг постоянно переключает внимание между разными персонажами, позволяя увидеть происходящее с нескольких точек зрения. Особенно сильное впечатление производят эпизоды, в которых повествование ненадолго смещается к самому Куджо. Это не очеловечивание животного, а попытка показать постепенное разрушение сознания под воздействием болезни. Такие главы производят тяжелое впечатление именно потому, что мы понимаем: пес вовсе не выбирал стать убийцей.

Если говорить о символике, то бешеный сенбернар оказывается лишь вершиной айсберга. Настоящий враг в книге – случайность. Один маленький эпизод запускает цепь событий, которую уже невозможно остановить. Кинг словно напоминает, насколько хрупкой бывает привычная жизнь. Иногда трагедии происходят не потому, что существует некое абсолютное зло, а потому что несколько обычных обстоятельств совпали в самый неподходящий момент.

Отдельно стоит отметить атмосферу. Жара здесь становится почти самостоятельным персонажем. Раскаленный воздух, ощущение духоты, отсутствие спасения – всё это усиливает напряжение сильнее любых сцен насилия. Мы буквально чувствуем физический дискомфорт вместе с героями. Это пример того, насколько мастерски Кинг умеет использовать окружающую среду как инструмент психологического давления.

Любопытно и то, что сам автор позднее признавался: он почти не помнит процесс написания романа из-за тяжелого периода своей жизни, связанного с зависимостью. Роман был опубликован в 1981 году и спустя два года получил экранизацию, однако именно литературная версия остается наиболее удачной благодаря глубокой психологической проработке персонажей.

Итог: Если вы ждете мистику, монстров и древнее зло, «Куджо» может разочаровать. Но если хочется прочитать один из самых реалистичных, напряженных и эмоционально болезненных романов Стивена Кинга, эта книга определенно заслуживает внимания. Она напоминает, что самые страшные истории иногда рождаются не в темных подвалах и заброшенных особняках, а в самой обычной жизни.

Жанр: Хоррор/Ужасы

Оценка: 8/10

Алексей Севериан

Дочитал пятнадцатилетней давности роман **Эдуарда Веркина «Здравствуй, брат, умри!»**. В общем бодренько, не без композиционных фокусов, но понятно, почему хитом этот роман тогда не стал. По-хорошему, можно было ограничиться повестью в три раза короче, где-то уже странице на 70-й более-менее понятно, к чему автор ведёт. Тем не менее, в самом финале Веркин удивил: я все-таки наивно надеялся, что развязка будет оптимистично-гуманистической, насколько это возможно в постапокалиптической истории. Все обнимаются, братаются и роняют скупую мужскую слезу. Но нет, Веркин на последних тридцати страницах отпустил тормоза по полной. На этом фоне «Остров Сахалин» прямо настоящая утопия. Потом расскажу подробнее, там есть о чем поговорить.

И да, кстати: в этой книжке тоже упоминается мобильное бешенство (МОБ). То самое, из «Сахалина». Правда, упоминается мельком, между делом.

Человечество там убил другой вирус, по сравнению с которым МОБ – легкая сезонная простуда.

Василий Владимирский

Не только о книгах (такой вот я человек)

По разным причинам в театр попадаю редко, но почти всегда удачно. Недавно и вовсе случился удивительный опыт, но там, кажется, сразу была серьезная заявка на успех среди меня, поэтому коллегам за приглашение искренне благодарна.

Анастасия Букреева «Черная пурга» – проект театра «Практика» (https://t.me/praktika_news) и Мастерской Брусникина (https://t.me/brusnikintsy). Режиссер Сергей Щедрин.

Если собирать поверхностный ассоциативный ряд, то по всему выходит, что эту историю мог бы написать Алексей Сальников, адаптировать для кино или сцены Дмитрий Данилов, а поставить или экранизировать – Дэвид Линч. Потому что она одновременно смешная, абсурдная, наполненная внутренним символизмом, и безысходность, накрывающая героев как пурга накрывает «самый северный город мира», не кажется такой уж беспросветной. Но, конечно, все глубже и шире, чем я пытаюсь описать.

Свердлов (ударение ставьте как угодно, он – на треть поляк – сам не уверен, родственник ли он Того Самого Свердлова или какой-то другой человек, чьи предки когда-то оказались за полярным кругом) работает в московском офисе компании, один из сотрудников которой, рядовой шахтер, погибает в городе Н., где добывают уголь-не-уран (важно!). Собственно, для выяснения обстоятельств той гибели Свердлов и командирован, но медведь перегрыз кабель, аэропорт закрыт, единственный поезд вмерз в рельсы, Н. вот-вот накроет черной пургой. И неясно, что впереди: очередные «Елки»,

«Левиафан» (Букреева – уроженка Мурманска) или «Нечто».

Догадливый зритель понимает, что Н. – это, возможно, Норильск (черная пурга – реальная снежная буря с нулевой видимостью, шахтеры, медведь на помойке, кости зэков, экспозиция «Голгофа» и зуб мамонта в Краеведческом музее), но доказывать, конечно, не будет, наблюдая за злоключениями Свердлова и его постепенной интеграцией в местное безумие – скучное и смертельно холодное, по мнению протагониста, драмедийное – по моему.

Казалось бы, какую еще комбинацию можно придумать с маркерами каждого любого провинциального города со скидкой на климатическую зону? В Драматическом театре имени двух классиков даже в буран из-за отключения интернета аншлаг на постановке, во время которой актеры, перебивая друг друга, читают монологи из этих самых классиков; внутри невыносимо дышать из-за отопления, но откроешь форточку – невозможно дышать уже из-за экстремально низких температур; шахтеры идут на работу, точно зная, когда погибнут; центр светской жизни – бар «Сочи», а помидоры в супермаркете стоят чуть дешевле крыла самолета, зато

оленина в количествах, а чай и кофе заваривают на водке; командировочный философствует и придумывает себе авантюру, местные ему, разумеется, кажутся то придурковатыми, то опасными (в такие моменты я вспоминаю «Змеиный источник» Александра Лебедева). И вокруг всего этого старая добрая застывшая лиминальность.

Местами прямолинейный (все в рамках театральной условности) юмор раскрывается как поп-ап картинка, являя и вечную древнерусскую тоску, и фатализм, и самоиронию как единственный инструмент, годный для выживания, когда твои установки смешались с чужими в хронотопе, похожем на плавильный котел. Зрители следят за тем, как одиссея Свердлова, пытающегося ухватить личную и социальную идентичности, у Анастасии Букреевой приводит к единственному возможному пункту – любви; во всяком случае он и еще кое-кто заполняет ею (или тем, что под ней понимает) пустоту в районе солнечного сплетения. Впрочем, все, кто себя в городе Н. нашел, на рефлексию не заморачиваются, что в целом мудро с их стороны.

Бонусы – павильон работы художника Марины Моторной и интерактивная карта передвижений героев по городу Н.. Ну и финальный саундтрек с «Колибри» как кусочек культурного кода, вшитый уже во все мои идентичности всеми треками «Маленьких трагедий», боже-боже, а ведь больше 30 лет прошло.

Прочитать «Черную пургу» можно в сборнике «Ремарка 18+» (Городец, 2025), гуглится и одноименный подкаст, но лучше, конечно, смотреть, следить за пластичной игрой брусникинцев всегда удовольствие – легенды.

Анастасия Шевченко

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 128

И снова тот случай, когда обложка продала. И ещё моя любовь к смешению стилей. Космическая фантастика смешанная с нуарным детективом – редкий зверь. А всё это вместе напомнило Куковский «металлический» цикл про Гаррета. Там, правда, фэнтези с нуаром, но, помнится, нравилось, в своё время. Посмотрим, справится ли эта книга.

БЛЮЗ КРАСНОЙ ПЛАНЕТЫ. Роберт Сойер

В плане соответствия аннотации и даже обложке, эта книга реально то, чем пытается казаться. Далёкое будущее, колонизированный Марс, технологии переноса сознания в андроидов. Но даже в мире будущего может понадобиться усталый, не очень успешный детектив, которые разрулит сложное дельце. Особенно, если произошло оно в захолустном Марсианском городке.

А вот в плане соответствия... ммм... духу времени, скажем так, книга выглядит несколько... наивной, что ли? Серьёзно, в тринадцатом году писать про металлических андроидов, жужжащие сервоприводы, машинное масло, как будто поздновато. А читать в двадцать шестом – ещё позднее. Возможно, это некая попытка стилизации, типа, грубые примитивные технологии лучше состыковываются с историями про помятого сыщика, но мне так не показалось. И вот почему. Я ни на секунду не поверил, что люди, имея перед глазами эти вот металлические вёдра с болтами, истекающие смазкой и бог знает чем ещё, соглашаются на перенос сознания легче, чем пёс чихнул.

Вдумайтесь на минутку – вам нужно покинуть своё уютное мясное тельце, фактически умереть, чтобы оказаться в самой простейшей модели, у которой даже кожного покрова нет. Ага, ага, потому что кожу могут позволить себе не только лишь все, мало кто может, на самом деле. И при этом мотивация – ну, так типа удобнее работать вне купола, в разреженной атмосфере Марса. Или ещё круче – налоги платить не нужно.

Да, всякое может быть, доведённый до отчаяния человек пойдёт на многое. И всё же, вот это будничное, пойду, поем, сиречь – стану роботом, не давало нормально погрузиться в историю. Которая, честно скажем, и сама такая же будничная, как вот это странное желание. Всё предельно чёрно-белое, и потырено, большей частью, из фантастики и бульварных нуаров прошлого. Злодеи – злы, добряки – добры, роковые красотки, как водится, красивы. Однако же, при этом, книга имеет и все плюсы этой самой бульварщины – предельно легко читается. Так что если вам нужно незамысловатое приключение сыщика в антураже марсианского фронтира, есть все шансы, что эта история вам зайдёт.

Я же начинаю потихоньку готовиться к хелавинскому хоррор-запою, так что если есть, чего посоветовать – не стесняйтесь.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

«Меня как автора не привлекают беспроблемные миры». Екатерина Звонцова

Писательница, редактор и преподаватель литературного мастерства – за что бы ни взялась Екатерина Звонцова, каждый раз выходит настоящая магия. В рубрике «3 вопроса автору» мы поговорили о мирах, в которых хочется остаться, и творчестве, доступном каждому из нас.

В каком из придуманных тобой художественных миров тебе хотелось бы оказаться прямо сейчас и почему?

Я не большой фанат попаданства как тропа и сама отнюдь не горю желанием покидать свою любимую Землю. Мир «Берега мертвых незабудок» увядает, потому что никак не оправится от смерти расколовшего его короля-диктатора, в мире «Желтых цветов для Желтого императора» жаждут людской крови даже деревья, а боги-прогрессоры ставят никому не понятный эксперимент. Беспроблемные, уютные миры меня как автора совершенно не привлекают...

Так что, наверное, единственное место, куда я бы ненадолго смоталась, это Австрия конца XVIII и начала XIX века, о которой у меня написаны «Отравленные земли» и «Письма к Безымянной». Послушала бы медицинские лекции знаменитого доктора ван Свитена, с которого позже Стокер напишет профессора ван Хельсинга; сходила бы на один из благотворительных концертов, организованных Антонио Сальери, погуляла бы по еще не разрушенным крепостным валам Вены. Но все это только ненадолго!

Какой из романов, над которым ты недавно работала как редактор, ты особенно ждешь?

Думаю, назову «Асклепиаду» Анастасии Калюжной и «Потерянных детей» Алены Хопер. И то, и то – проза одновременно ностальгическая и актуальная: в первой рефлексируется советская эпоха поздних 50-х, во второй – лихие 90-е; в первой главный герой – молодой врач, расследующий растраты и повышенную смертность в провинциальной больнице, а во второй – маленький гопник, пошедший в ученики к колдуну, лишь бы «подняться и стать нормальным мужиком».

И в обеих есть острый и злой фантастический компонент: у Анастасии это жестокие эксперименты над людьми в поисках бессмертия, а у Алены – граница Жизни и Смерти, перед силой которой равны и ребенок с чистым сердцем, и выбившийся из дворянства околокриминальный авторитет. Обе книги – о том, как сложно найти источники внутренней силы, когда сила внешняя беспощадна и порой бессмысленна.

Какой совет стоит дать начинающему автору, который готовится прочесть твою книгу «Тексты без страха и упрека» и написать собственную историю?

Дышать, пожалуй. Не взваливать на себя слишком много. И не сакрализировать творчество. У нас наконец-то формируется вот эта необходимая, здоровая позиция: творить может каждый. Это не божественное таинство, не лихой полет на Пегасе, не приобщение к великому, это всего лишь ментальный аналог походов в спортзал.

Творчество помогает нам собирать себя по кускам. Чувствовать себя лучше. Воплощать свои идеи, вынимать образы из головы и делиться ими – или не делиться. Вот это, а не становиться классикой и бестселлерами, менять мир, покорять сердца, – настоящая задача творчества, природа дала нам эту способность для самопомощи и комфорта.

А уж готов ли ты к той самой «профессии писателя» – рваться в литературные наполеоны, становиться инструментом мягкой силы и обзаводиться большой аудиторией, – вопрос далеко не первый. Он должен возникать у тебя, когда ты уже достаточно крепко стоишь на ногах и знаешь, зачем помимо этого писать книги. Ну и конечно же, – когда приучился их заканчивать и окончательно понял, что это твое.

Даша Кельн

11 сентября:

30 лет – ничего нет

Как и все мировоззрение на постсоветском пространстве, отставшее на 30 лет от западного, фантастическая литература тащится в хвосте, не умея предложить ничего существенно важного и нового (впрочем, и сам условный Запад в значительной части ушел от своего мировоззрения те же 30 лет назад, заменив его идеологическим симулякром неомарксизма).

С одного бока русскоязычная фантастика поражена архаикой, ресентиментом и реваншизмом, которые питают литературную машину времени – единственное безыдейное средство, нужное армии попаданцев, чтобы исправить «несправедливости» прошлого. Бессмысленность этих текстов сравнима только с бессмысленностью существования подобного запроса среди массового читателя.

С другого бока русскоязычную фантастику подрывает постмодернизм, который почему-то не знает, что его время как затычки уже прошло. Постмодернизм старается изо всех сил цепляться зубами за книжные полки – усилие столь же бесполезное, сколь и вредоносное, помяните мои слова.

Как явление, которое разрушило больше, чем предложило, постмодернизм держит литературу (и все прочее искусство) в заложниках, используя тактику типичного террориста: не смейте утверждать, не смейте быть уверенными, не смейте практиковать чувство собственного достоинства, а не то засмею, деконструирую, предам остракизму и очерню до потери смысла.

И вот весь этот корпус беспомощных текстов, который за 30 лет с двух сторон напроизводили в русскоязычном пространстве, вся эта макулатура, забившая книжные полки, – это ничто иное как гордое признание в собственной неполноценности, в отсутствии прорывных идей, отсутствии таланта найти позитивное, конструктивное, искреннее. Это не литература, несущая смысл, это наркотик, замаскированный под контент.

«Ничего этого не будет!»

– такой прогноз можно сделать словами одной известной личности относительно будущего этой, с позволения сказать, литературы. Ждать окончательного разложения, к сожалению, придется еще пару десятилетий, прежде чем откроется окно Овертона для по-настоящему важных и хороших вещей.

Если, конечно, литература как явление к тому времени не отомрет вообще.

Александр Гранин

Мария Воробьи. «Маска человека»

Богатырь Кудым-Ош – герой коми-пермяцкого эпоса, о котором я до прочтения этого рассказа знала примерно ничего. Смутно знакомое имя, похоже, осталось в памяти с тех давних времен, когда я посмотрела мультфильм по мотивам легенд о нем, да и только.

Матерью Кудым-Оша была колдунья Пэвсин, а отцом – вероятно, медведь, от которого он и унаследовал колоссальную силу. В фольклоре в таких случаях традиционно воспеваются положительные стороны необычной генетики, а в современном фэнтези осмысляется и внутренний мир. Вот в «Маске человека» и выходит так, что Кудым-Ош, невзирая на всю свою мощь, особый дар и посох вождя, мучается: в нем то и дело пробуждается медвежья, звериная природа.

Отчасти потому и возникает вопрос о женитьбе, и вот тут читатель понимает, что главных героев в рассказе два: сам Кудым-Ош и Костэ, с которой его

свела судьба, посулив счастье, но только если удастся пройти испытание...

Рассказ мне понравился с первых строк, поскольку зазвучало в этих строках что-то такое древнее, певучее, пугающее и волшебное. В истории о Кудым-Оше и Костэ нашлось место для таинственных лесных божеств, пугающего колдовства и любви, которой подвластно всё.

«Маска человека» – современный взгляд на древнее сказание, и еще что-то в этом рассказе есть от хорошей (в моем понимании) фантастики, что-то от Желязны и Ле Гуин.

Зрелищно, красиво и с возвышающим финалом.

Прилагается к посту работа художника Виталия Онькова «Кудым-Ош» (1974), только уже не такой молодой, как в рассказе.

Наталия Осояну

Екатерина Звонцова. «Сладки ягоды, да смертью пахнут»

Это совсем другая история, укорененная в реальности: ее действие происходит в 1654 году в охваченном чумой Московском царстве, а точнее в окрестностях Калязина. О том, какие конкретно легенды легли в основу рассказа и как происходила работа над текстом, можно прочитать у самой Екатерины Звонцовой в канале: https://t.me/miseryinc/10047

Здесь интонации уже не певуче-древне-сказительные, а фэнтезийные и, я бы сказала, весьма авантюрные! Главная героиня – Дуня, теремная девка царевны Татьяны, младшей из трех сестер, отправленных в Свято-Троицкий монастырь пережидать эпидемию чумы. Дуне в четырех монастырских стенах не сидится, она так и рвется навстречу свободе и авантюрам – и в лучших традициях жанра получит таковых немало, хотя за удовольствие поприключаться, конечно, надо будет заплатить.

А еще в рассказе есть мифические существа, но не стану портить интригу, поскольку они, разумеется, не говорят о своей истинной природе при первой же встрече. Но в одном случае было нетрудно догадаться – тут же вспомнилась балканская родня этого создания, – а в другом сама атмосфера сцены так и намекала, так и намекала...

Дуня, конечно, умная и отважная девочка, которой пришлось учиться уму-разуму на горьком опыте, но мне вот парадоксально приглянулись три царевны, о чьей печальной судьбе я не знала до вчерашнего дня. Три птицы в золотых клетках.

Мораль, конечно, такая, что чужое золото еще никому не принесло подлинной радости. Но авантюр, конечно, принесло с избытком.

Красивая, яркая сказка для взрослых.

Прилагается к посту фото из Википедии: Калязинская колокольня вечером (с) Елена Нечипоренко.

Продолжение следует :)

Наталия Осояну

12 сентября:

Жил на свете великий стратег,
Был могучий, как дриопитек,
А кого не любил,
Тех забанил, забыл,
И ни лайк им не ставил, ни тег.

Генри Лайон Олди

Отзыв о романе Джона Уиндема «День триффидов»

Прочитал классику научной фантастики, которая войдёт в личный топ этого года. Тот случай, когда жалеешь, что долго откладывал книгу. Рассказываю о впечатлениях.

О чём книга

«Если день начинается воскресной тишиной, а вы точно знаете, что сегодня среда, значит что-то неладно».

Однажды жители Лондона с интересом наблюдали необычное явление – зелёный звёздный дождь, озаривший всё небо. Наутро свидетели загадочного явления проснулись слепыми. Вскоре стало ясно, что зрения лишилось почти всё население Земли.

В мире грядут большие перемены. Те немногие, кто сумел сохранить зрение, получают почти безграничную власть и доступ к накопленным ресурсам. Перед человечеством встаёт тяжёлый выбор: брать на себя ответственность за других или думать прежде всего о собственном спасении.

Но беда, как известно, не приходит одна – в действие вступает третья сила: триффиды, разумные хищные растения, способные передвигаться и охотиться на людей. Сложная система безопасности, созданная для сдерживания очень ценных, но чрезвычайно опасных растений, даёт сбой, и триффиды вырываются на свободу...

Мнение о книге

Атмосфера передана отлично. Я как будто оказался вместе с героями книги в хаосе после катастрофы, видел толпы слепых людей, очутился в беспомощном столпотворении людей, словно на картинах Доре с грешниками в аду, придумывал тактики выживания и застал разруху городов. Это очень страшно.

Конечно, в таких произведениях задают неудобные вопросы. Можно ли и нужно ли сохранять прежние моральные устои, когда на кону стоит само существование вида? Какой путь возрождения общества правильный? Всегда ли милосердие

оправдано, особенно если оно ведёт к гибели группы? Уиндем не даёт готовых ответов, но подкидывает читателю почву для размышлений.

«В каждом обществе и в каждую эпоху распространена уверенность в моральной правоте обычаев данного общества и данной эпохи».

Понравилось, что автор не сделал главного героя спасителем мира. Билл Мэйсен обычный человек, который выживает в новых обстоятельствах. У него, как у порядочного человека, возникали побуждения взять на себя ответственность за жизни людей, но он выбрал другой путь, трезво осознав свои возможности и ситуацию. Это открывает иную грань жизни, которая не так ярко блестит (возможно, даже вовсе не блестит), но с ней история кажется полной. Хотя ответственность за жизни ближних Билл всё же взял. В какой-то мере в этом и состоит спасение мира. По крайней мере своего.

«И если счастье завтра нам изменит, пусть. Что бы ни случилось, у нас уже не отобрать времени, которое мы провели вместе».

Триффиды добавляют в сюжет остринки, но порой эти персонажи казались искусственно введёнными в сюжет. Как будто автор понял, что нужен элемент, который придаст истории дополнительный слой и развитие. Эту фишку Джон Уиндем органично ввёл в сюжет – даже массовая слепота выбрана неспроста, а как намёк на кару за безответственность человечества. Тем не менее сцены с триффидами не всегда были интересными.

Думаю, в 1951 году видение Джона Уиндема возможного апокалипсиса было свежим, актуальным и вдохновило других авторов. Отголоски «Дня триффидов» заметны даже в современных произведениях: например, в «Ходящих мертвецах» или «28 дней спустя». Так что это отличная фантастика, которую рекомендую к прочтению.

«Всё, что нам надо, содержится в книгах, нам остаётся только взять на себя труд пойти и прочесть их».

Алексей Пак

13 сентября:

И в честь дня рождения Роальда Даля принесла вам три моих любимых факта о нём.

1) Даль с детства грезил о джунглях, Африке и приключениях. После учёбы он несколько лет жил в Танзании, был в восторге от крокодилов, а свой первый авторский гонорар получил, опубликовав в местной газете рассказ о нападении льва.

2) Поступил добровольцем в Военно-воздушные силы Великобритании, но первый же полет едва не привёл к трагедии: самолёт взорвался, а Даль ослеп (позже зрение восстановилось, так что эта история закончилась хорошо!).

3) Когда его маленького сына Тео сбила машина, Даль придумал для него специальный клапан, который позже помог сотням детей с черепно-мозговой травмой. Потом его супругу, голливудскую звезду Патрицию Нил, разбил инсульт, и Даль разработал ускоренную программу восстановления, благодаря которой Патриция заново научилась не только ходить и говорить, но и вернулась к актёрской карьере. Даль не был ни инженером, ни врачом (хотя, безусловно, советовался с ними), но, говорят, какие-то его методы до сих пор используются в реабилитации.

А ещё он дружил с Яном Флемингом, автором книг о Джеймсе Бонде. И, говорят, был одним из его прототипов, но это не точно :)

Ульяна Скибина

14 сентября:

«Машинерия Чехов» (по пьесе Матея Вишнека)

Эту пьесу ставили на русском под названием «Чеховъ la machine», которое я считаю более удачным. Сюжет у нее простой: умирает Антон Павлович, начинает бредить, в бреду к нему приходят герои пьес «Чайка», «Вишневый сад», «Три сестры», «Дядя Ваня» и «Иванов» – и зритель узнает, что с ними происходило, могло бы произойти или происходит где-то там, за пределами записанных и звучащих со сцены реплик. Чехов поначалу слегка удивлен происходящим, а потом его затягивает все глубже в театральное безвременье, события становятся все более фантасмагорическими, пока не завершаются тем единственным способом, каким могут завершиться.

Чтобы разобраться в происходящем, нужно помнить – хотя бы в общих чертах – сюжеты перечисленных пьес, потому что объяснений, разумеется, не будет. Мало того, временами на сцене оказываются персонажи из разных историй, пусть даже они и взаимодействуют так, словно давно знают друг друга (как и своего создателя). А надо заметить, кое-какие детали забываются очень легко: я могла бы спорить на что угодно, что Прохожий, то и дело спрашивающий у всех подряд дорогу на станцию, удрал из какой-то пьесы Беккета... но на самом-то деле он абсолютно чеховский – он персонаж «Вишневого сада», который появляется ровно с тем же вопросом всего в одной сцене, чтобы исчезнуть без следа. У Вишнека его роль существенно объемнее по времени, если не по сути. (Впрочем, в том, как Прохожий постоянно опаздывает, ощущается еще и что-то кэролловское – то бишь он весьма похож на Белого кролика.)

И вот персонажи приходят, уходят, снова приходят; Чехов с кем-то разговаривает о литературе, с кем-то – о болезни, с кем-то – о жизни как таковой. В наставлениях Треплеву он говорит, что хороший автор должен быть беспристрастным свидетелем, а скрытых нравоучений надо избегать, но особо запомнилась другая фраза: «Потому что литература, Константин Гаврилович, великая литература, есть ко всему прочему ловушка для смерти. И чем больше правдивости вы вложите, тем больше отдалится смерть...» (Я вот не могу понять, цитата ли это или слова самого Вишнека, вложенные в уста Чехова-

персонажа.) В сцене с тремя докторами, которые должны засвидетельствовать смерть автора, а вместо этого пьют с ним водку, звучат и другие интересные слова про «нравственный компас, который всегда указывает на темноту», про жестокость к персонажам и про хрупкость красоты. Вообще пьеса достаточно интересная, чтобы захотелось перечитать и как следует обдумать некоторые реплики, пусть даже они и вгоняют в депрессию не хуже самих чеховских пьес.

Мнение о пьесе у меня успело за время спектакля поменяться несколько раз. В итоге я скажу, что увиденное мне понравилось, но это крайне мрачная штука, которую не стоит смотреть приверженцам классических постановок и тем, кто просто хочет увидеть что-нибудь светлое и воодушевляющее. В «Машинерии» нет ни того, ни другого. Матей Вишнек – тот еще циник и злыдень. Но дело свое знает.

На фото: Фирс, Чехов, Анфиса.

Наталия Осояну

Приснился прекрасный роман-антиутопия «Последний слон России». Там весь европейский мир был разрушен, причем скорее дуростью как сейчас уже происходит, чем большой войной.

И вот в России прикрылись все зоопарки, в живых остался только один слон. Молодой, здоровый, жалко его.

Решили отправить слона туда, где есть зоопарк, и за ним будут ухаживать. То есть в Ирландию. Нигде в Европе зоопарков уже не осталось, зверей съели, но в Ирландии каким-то образом сохранили традицию. Там друиды сказали: пока мы будем заботиться о беспомощных животных, Ирландия будет цела.

Доставить слона в Ирландию должны были люди, которым можно идти через Европу. То есть с действующими визами. Таких почти не осталось, но кое-как нашли пятерых. Всех не помню, только двоих: один какой-то бывший технический работник посольства, типа автомеханик, или сантехник; посольства уже отменились, а дип.визы – ещё нет. Вторая была жена какого-то иностранца, приехала к родителям погостить и влипла – отменили все переезды между разными странами, кроме как по делам государственной важности, и она пристроились в группу сопровождающих слона, чтобы вернуться к мужу, потому что слон считался важным делом, и его предварительно обещали везде пропускать.

Остальных не помню, но их число – пятеро! – наводит на мысль, что роман был «Путешествием на Запад» на новый лад. Тем более, что действительно же на запад шли.

У путников было много опасных приключений, в основном с демонами и дронами. С дронами – потому что дроны охраняли все государства от иностранцев без виз, визы (как и паспорта граждан) были в виде микрочипа и, по идее, отгоняли дроны. Но дроны конечно постоянно глючили и порывались убить всех людей, как мечтал робот Бендер из «Футурамы».

А демоны просто везде повылазили, потому что им разрешили уничтожить человеческий мир – всё, кроме Ирландии с зоопарком. Демоны были тупые и постоянно срались между собой, поэтому дело продвигалось плохо. Но навредить пятерым путникам они могли (слону – не могли, и путники этим пользовались).

Во сне я дочитала не до конца, но где-то до предпоследней главы, где слон и двое сопровождающих (остальные то ли погибли, то ли просто остались

где-то ещё) пришли в тоннель под Ла-Маншем, и тут слон кааааак рванул бегом вперёд! А сопровождающие побежали за ним, потому что без слона не пропустят в Британию, и демоны нападут.

На этом месте я проснулась в отчаянии. Писать такое мне скучно, а дочитать хочется. И совершенно непонятно, как теперь быть.

Макс Фрай

Помните сказку про девочку, которую взял в плен медведь? Девочка оказалось очень хитрой и придумала, как сбежать из ~~Шоушенка~~ берлоги. Испекла пирожки и велела медведю нести в деревню, а сама тайком забралась в короб. Как только медведь останавливался отдохнуть или перекусить, она ему кричала: «Вижу, вижу! Не садись на пенек! Не ешь пирожок!»

Почему медведь так боится окрика, из русской сказки непонятно. Европейские варианты (там не медведь, а колдун или черт) дают ответ: антагонист хвастался, что может притащить коробку (с бельем или золотом) в деревню без отдыха, и пленница банально взяла его «на слабо».

Но я о другом. Образ человека, который спрятался в мешке, коробке, сундуке, а антагонисты с трудом тащат его куда-то, достаточно распространен в сказках.

То младший брат-дурак довел двух старших до того, что они решили сбежать. Дурень узнал об этом, выбросил из мешка пожитки, которые братья хотели забрать, залез сам. Братья и потащили дурака. К ночи остановились на привал, а дурак им из мешка: «Привет!»

Или популярная сказка про попа, который взял работника с уговором, что они не должны друг на друга сердится. Работник в свое удовольствие режет всю скотину во дворе батюшки, меняет его рысаков на полудохлых кляч, и раз за разом интересуется: «А что? Ты не обиделся?» Священник только вздыхает: «Нет». Наконец решается сбежать с попадьей. Берут мешок со скарбом, а работник уже там. Вылезает на привале: «Привет!»

Самую потрясающую историю про спрятавшихся рассказала воронежская сказочница А.Н. Королькова. Называется «Золотой сундучок».

Главный герой – богатырь Дмитрий, который боялся, что жена станет ему изменять. Он положил ее в сундук и ходил на подвиги с ним за плечами. Время от времени выпускал жену. И вот однажды, пока богатырь Дмитрий спал, жена заметила идущего с охоты царевича. Слюбились они, жена богатыря и предложила ему забраться к ней в сундук.

С той поры много лет богатырь Дмитрий таскал в сундуке обоих любовников.

Когда состарился, решил, что жена тоже уже стара и можно не бояться за ее верность. Открыл сундук, а там с женой сидит тоже состарившийся царевич...

Антон Нелихов

Часто вспоминаю тут (обычно с содроганием) нефильтрованный самотек, и издательский, и конкурсный. Но вот что подумал: это в некотором смысле удобно, когда 99% рукописей – очевидная, вопиющая графомания. Открыл, полистал – фтопку, открыл, полистал – фтопку, рабочий алгоритм. Да, мозг у отборщика (редактора или ридера) плавится, да, любой мало-мальски связный текст начинает казаться шедевром, да, на небольших онлайн-конкурсах уже побеждает нейрослоп.

Но. Представьте, что было бы, если бы соотношение оказалось прямо противоположным: 99% рукописей – выше среднего уровня. Вот где настоящая катастрофа. 1000 рассказов присылается на

конкурс – и из них 990 очевидно заслуживают публикации. И таких конкурсов штук десять за год. Куда это все девать? Как доносить до публики? Наконец, где столько читателей взять? Про несчастное жюри, если у этих гипотетических конкурсов есть жюри, я уж и не говорю. Выбрать лучший из 990 отличных рассказов, а остальные сбросить с корабля современности – это ж мука мученическая. В общем, не брюзжать надо, а радоваться, что у нас такое обилие графоманов. Святые люди, заслуживают искренней благодарности. Ноги им мыть и воду пить.

Василий Владимирский

Фантастически фантастические аннотации фантастики: власатый член культа лжеярл юную жену лорда, обнажились взывающие корни и инфернальные страсти, понюхал дед Палпатиныч свою портянку – а там магический реализм. Извините.

...«Законы рода. Лжеярл»... [Джевахарлал-то он джевахарлал, но не Неру, а Нюру!..]

...Впереди дуэли, аукционы и тайные операции – жизнь молодого аристократа не оставляет ни дня на передышку...

...В центре истории Лии Аструм – успешный пиар-специалист из Нью-Йорка...

...Не добившись успеха за год, власти приглашают легендарного сыщика Ранхаша Вотого... [Вотый. Ранхаш Вотый...]

...Южные рубежи Российской империи бурлят в ожидании войны. Дворяне, обладающие магическими способностями, усиливают боевые порядки армии, на время забыв о куртуазности столичных балов и салонов. Именно в этот хаос и попадает молодой парень Алексей Зотов, которого выдернуло из нашей реальности вышедшее из-под контроля магическое заклинание призыва демона. Непросто будет бывшему морпеху, а ныне калеке, влиться в новый мир... [Демонический морпех!..]

...Попасть в тело юной жены лорда? Да еще в магический мир? Что может быть прекраснее?.. [особенно когда тебя зовут, например, Олег]

...Погодите! Что значит, дракону понравились мои пироги?.. [...С котятами?..]

...Марло, студент филологического факультета, страдает от бессонницы и не понимает, где сон, а где явь. Он знакомится с Мефисом, студентом философского факультета. Мефис делится с Марло своей Звериной философией. Сблизившись, они задумывают страшное – совершить идеальное убийство. Магический реализм. [это вам не Кортасаркес]

...Александра Косталь «Земля Костяных Богов»...

...«Взывающие корни»... [Взыв корней и ондулянсион на дому]

...Арсений получает заказ на съемку документального фильма о марийском капище – месте массового жертвоприношения пятнадцатилетней давности, после которого его мать сошла с ума. Вместе с командой он отправляется в путь... [безумству храбрых...]

...Анна Беллерос принадлежит к особому клану, члены которого способны чувствовать химер – мутировавших чудовищ, ставших кошмаром для людей... [осторожнее с лексикой, или «поручик, вы бывали в молодости членом суда?..»]

...любовное фэнтези со стимпанковым антуражем о столкновении двух людей, которых опасная встреча втягивает в борьбу вокруг новой воздушной техники... Мир дирижаблей, военных авионов и закрытых разработок задаёт плотный ритм: за каждым полётом здесь может стоять не только инженерный замысел, но и чья-то интрига... [наконец-то, производственный стимпанк!]

...Священная династия Димитриевых, некогда процветавшая в городе, исчезла, оставив лишь свет воспоминаний в сердцах горожан...

...В Ростове Великом тихий хиппи Иван колет дрова и слушает старый рок. Никто не знает, что он – ожившая деревянная статуя святого Иоанна Власатого...

...Через подъезд выселенного дома он проводит ее в магический город Спуд... [дорогие мои спудичи]

...Действие происходит в готическом дворце в условную эпоху Средневековья/Ренессанса...

...В последующем конфликте сего кризисного момента обнажатся тайные страсти, и инфернальные интриги восстанут против истинной Любви... [рюшечки-хаврюшечки!..]

...Книга содержит двадцать цветных полностраничных иллюстраций, благодаря которым чтение становится подлинным представлением...

...Магия покидает мир, задерживаясь лишь в горах...

...Романтическое фэнтези о женщине, которая десять лет прожила в доме с сотней вредных привидений...

...Четыре года назад Слава погиб, упав с крыши заброшенного самарского элеватора. Но вчера его бывшая возлюбленная Аля получила от него короткое сообщение: «Увидимся?» Сбежав от мужа из Москвы, она возвращается в Самару и обнаруживает, что знакомый город превратился в зыбкую, пугающую антиутопию. Здесь по безлюдным улицам ездят белые маршрутки, в которых принято молчать, еду выдают по талонам, а по ночам бродят мародеры... [хороший фильм «Сайлент-Хилл», ага]

Николай Караев

Олег Дивов «Выбраковка»

«Выбраковку» можно назвать антиутопией, социальной сатирой, политическим триллером или даже боевиком, но ни одно из этих определений не объясняет главного: почему роман, написанный в конце девяностых, до сих пор вызывает настолько ожесточенные споры. Одни видят в нем оправдание тоталитаризма, другие – страшное предупреждение о том, как легко общество готово обменять свободу на безопасность. И удивительно то, что обе стороны находят в тексте убедительные аргументы.

На первый взгляд мир «Выбраковки» выглядит почти идеальным. Улицы безопасны, экономика процветает, люди не боятся выходить ночью из дома, коррупция практически уничтожена. Государство навело порядок там, где десятилетиями царили хаос и криминал. Казалось бы, о таком обществе мечтают миллионы.

Но цена этого благополучия оказывается чудовищной. В основе новой системы лежит деятельность Агентства социальной безопасности – организации, сотрудники которой получили право

решать, кто достоин жить в новом обществе, а кто должен быть «выбракован». Формально речь идет о борьбе с преступностью и антисоциальными элементами. На практике государство получает абсолютную власть над человеческой судьбой.

Дивов намеренно не делает этот мир карикатурным. Он не показывает бесконечные лагеря, серые улицы и всеобщую нищету. Напротив, жизнь большинства людей действительно становится лучше. Это и создает нужный контраст. Начинаешь ловить себя на неприятной мысли: а если система действительно приносит результат? А если порядок достигается именно такими методами? Вот здесь книга начинает превращаться из приключенческой фантастики в серьезный моральный эксперимент.

Главный герой – Павел Гусев – вовсе не безумный фанатик и не кровожадный палач. Это человек, искренне убежденный, что защищает общество. Именно благодаря такому выбору персонажа роман становится гораздо сложнее привычной антиутопии. Было бы легко написать историю глазами жертвы режима. Намного труднее заставить читателя смотреть на происходящее глазами человека, который считает свои действия правильными.

Гусев вызывает симпатию. Он профессионален, честен, способен рисковать собственной жизнью ради других. Он не берет взяток, не использует власть ради личной выгоды, не выглядит монстром. В этом и заключается главная ловушка романа.

Постепенно становится очевидно, что даже самые порядочные люди, получив право определять чужую судьбу, начинают меняться. Насилие перестает быть исключением и становится рабочим инструментом. А затем – просто привычкой. Дивов показывает этот процесс почти незаметно. Никто не превращается в чудовище за одну сцену. Просто каждый следующий компромисс оказывается чуть проще предыдущего.

Главная тема книги вовсе не преступность и даже не политика. Это история о том, что любая репрессивная система однажды начинает уничтожать саму себя. Пока существует внешний враг, машина выглядит полезной. Но когда преступников становится меньше, механизм не может просто остановиться. Он обязан продолжать работать. И тогда враги находятся уже внутри самой системы. Благодаря этому финал романа выглядит не неожиданностью, а логическим завершением всей конструкции. Государственная машина, получившая право безошибочно определять «лишних людей», рано или поздно начинает считать лишними собственных создателей. Эта идея – одна из центральных в романе и именно она отличает «Выбраковку» от простого боевика о сильной власти.

Самое поразительное – насколько актуально сегодня звучат вопросы, которые Дивов задавал еще в 1999 году. Где проходит граница между безопасностью и свободой? Можно ли пожертвовать правами отдельных людей ради спокойствия большинства? Кто имеет право определять, что такое общественное благо? Можно ли победить зло, самому не став его частью? Автор не отвечает ни на один из этих вопросов. Более того, складывается ощущение, что он сознательно избегает прямых выводов. Дивов буквально заставляет нас самих принять решение. Поэтому вокруг романа десятилетиями продолжаются споры о том, является ли он антиутопией, утопией или намеренной провокацией. Сам автор позднее отмечал, что стремился скрыть собственную позицию и показать происходящее глазами участника системы, а не навязать нам вывод.

Отдельного разговора заслуживает язык романа. Дивов пишет удивительно просто. Здесь нет

тяжеловесных философских монологов или длинных описаний государственного устройства. Большая часть информации раскрывается через разговоры, рабочие будни сотрудников АСБ и бытовые детали. Благодаря этому мир ощущается живым. Автор умеет соединять жесткий боевик с почти бытовым юмором. Герои могут обсуждать совершенно обычные вещи буквально через несколько страниц после крайне тяжелых сцен. Особенно хорошо получаются диалоги. Они звучат естественно, без литературной вылизанности.

Итог: «Выбраковка» – роман, который был рожден тревогами конца девяностых, но оказался гораздо шире своего времени. Это редкий пример отечественной социальной фантастики, которая не предлагает готовых ответов, а ставит нас перед неудобным нравственным выбором. После финала не остается ощущения победы или поражения. Остается лишь неприятная мысль о том, насколько заманчивой может показаться идея абсолютного порядка, и как легко общество способно оправдать насилие, если оно обещает безопасность.

Жанр: Антиутопия

Оценка: 8/10

Алексей Североан

15 сентября:

В Польше в честь дня рождения Лема издательство «Wydawnictwo Literackie» анонсировало новое переиздание книги «Философия случая». Впервые эта любопытная литературная теория вышла в 1968 году, и уже через год она частично была опубликована на русском языке. Последнее польское издание было относительно недавно – в 2010 году – но, наверное, за прошедшие 16 лет у книги могли

появиться новые заинтересованные читатели. Не может не радовать, что издатели продолжают выпускать не только растиражированные художественные произведения Лема, но и его эссеистику.

Инар Искендирова

Польский фонд научной фантастики в рамках празднования «250-летия польской фантастики» провёл читательский опрос относительно десяти самых важных польских научно-фантастических книг всех времён. Результаты плебисцита:

1. «Предел» (1982, Limes inferior) Януш Зайдель
2. «Солярис» (1961, Solaris) Станислав Лем

3. «Непобедимый» (1964, Niezwyciężony) Станислав Лем

4. «Лёд» (2007, Lód) Яцек Дукай

5. «Парадизия» (1984, Paradyzja) Януш Зайдель

6. «Сказки роботов» (1964, Bajki robotów) Станислав Лем

7. «Рассказы о пилоте Пирксе» (1959-71, Opowieści o pilocie Pirxie) Станислав Лем

8. «Робот» (1973, Robot) Адам Вишневский-Снерг

9. «Звёздные дневники Ийона Тихого» (1954-96, Dzienniki gwiazdowe Ijona Tichego) Станислав Лем

10. «Голова Кассандры» (1983, Glowa Kasandry) Марек Баранецкий

Лем, Лем, Лем, Лем, Лем!

Вертер де Гёте

Алексей Коровашко. Из разысканий о словесной магии в литературе и фольклоре. СПб.: Академический проект, 2026. 447 с.

Аннотация: Монография доктора филологических наук А.В. Коровашко посвящена исследованию заговоров и заклинаний на материале художественной литературы, аутентичных фольклорных записей и письменных источников. В центре внимания ученого – причудливое переплетение архаической культуры знахарей и чернокнижников с древними эзотерическими практиками, западноевропейскими оккультными доктринами и русским мистическим сектантством.

Автор книги анализирует сложное взаимодействие восточнославянской фольклорной традиции и позднейших художественных конструктов, обусловленное динамикой индивидуальных и коллективных представлений разных исторических эпох о ритуально-магической речи и колдовстве. Привлекая как данные фольклорно-этнографических архивов, так и сведения. почерпнутые из новейших публикаций, А.В. Коровашко устанавливает происхождение ряда заговорных текстов, активно функционирующих на протяжении более чем двух веков русской культуры.

Николай Подосокорский

Вертер, охотник на вампиров. На очередном лекционном дне от Horror Production. Напомню, что прошлогодний «День Дэвида Линча» получил премию «Мастера ужасов». В этот раз мероприятия были посвящены «Сумеркам» и это дало повод поговорить о вампирской теме в самом широком смысле.

Фотограф – Анастасия Рубцова.

Вертер де Гёте

Завершив, причем очень красиво и изящно, цикл «Последний король Светлого Арда», **Тэд Уильямс** не стал покидать мир Светлого Арда. Действие **The Splintered Sun** разворачивается примерно за триста лет до начала «Трона из костей дракона», и изначально предполагалось, что это будет одиночный роман, но в итоге история разрослась, и книга посвящена зачину конфликта и знакомству

с героями, кульминации же и развязки от нее ждать не стоит.

Местом действия служит королевство Эрнистир, старый правитель которого живет в уединении, фактически оставив управление государства двум незаконным сыновьям, которые ненавидят друг друга и пользуются вполне заслуженной дурной репутацией. Лидер разбойников – дворянин, лишившийся своих земель – начинает против них свою собственную войну. Единственный законный сын короля совсем юн, фактически не знает своего отца и не обладает реальной властью, но стремится получить то, что его по праву рождения. А кроме того, два подростка по воле случая оказываются вовлечены в конфликты сильных мира сего.

Конечно, сюжет не может похвастаться таким размахом, как «Память, Скорбь и Шип» или «Последний король Светлого Арда» – это фэнтези скорее приключенческое, чем эпическое. Но, уступая другим работам автора в масштабе, The Splintered Sun в полной мере наследуют таких их достоинства, как выразительные и запоминающиеся персонажи, неспешно развивающийся, но захватывающий сюжет и прекрасный авторский язык. Начало нового цикла удалось Уильямсу на славу, и я бы мог рекомендовать его не только поклонникам автора, но и тем, кто просто хочет почитать отличное олдскульное приключенческое фэнтези.

Дмитрий Злотницкий

РАССКАЗ ИЗ ДЕТСТВА

Есть такие гениальные рассказы, которые читаешь в детстве, и потом никогда не забываешь. Станислав Лем, рассказ Терминус. В нём всё устарело, казалось бы, кроме гениальности. А сейчас появился искусственный интеллект и гениальности оказалось ещё больше, чем было в детстве. Или, точнее, завораживающая темная магия исчезла и оказалось, что это просто стандартное, тупое предвидение будущего, обычное для Лема.

Там в рассказе герой, навигатор Пиркс, назначен командиром старинного космического корабля. Когда, за много лет до это, корабль был уничтожен метеоритным потоком, команда погибла, а корабль нашли, восстановили и поставили в строй. Навигатор Пиркс, наряду с Петрушей Гриневым и Саней Григорьевым, – герой моего детства. Тот кто я, в детских мечтах. Так вот, на старинном корабле Пиркс сталкивается с роботом, тоже старинным, единственной функцией которого является заделывание швов цеметным раствором. Заделывая швы, робот морзянкой выстукивает переговоры, которые, перестукиваясь по трубам коммуникаций, вели перед смертью члены экипажа корабля. Тогда, давным давно, во время катастрофы.

Пиркс, тоже морзянкой, начинает перестукиваться с давно погибшими членами экипажа и они начинают отвечать ему так, как будто он вдруг появляется в их чате тогда, в предсмертные минуты после удара метеоритного дождя. Недолго поговорив с ними, Пиркс прекращает общение и сдаёт робота в металлолом.

Сегодня, в сентябре 2026 года, я вспомнил эту историю за ужином, когда собеседник рассказал мне про свой недавний опыт. А именно – он поговорил, через ChatGPT, с автором исторической монографии, выпущенной тридцать лет назад. Сам автор умер двадцать лет назад, но искусственный интеллект не просто рассказал про содержание книги. Он ответил на вопросы и даже пожалел, выслушав комментарии, что не осветил некоторые аспекты книги по-другому.

Мораль? Лем был гений, вот что.

Константин Сонин

Мир фантастики

Задумчиво:

Когда сеть подсовывает мне чей-то пост, где есть слова «меня бесит то или это...», я сразу перестаю читать дальше. Если у кого-то такие посты встречаются более трёх раз, я перестаю читать записи этого человека.

Если вокруг него роем вьются бесы, что там делать мне?

Олег Ладыженский

16 сентября:

Федор Панфилов. Фантастическая Русь. От кикимор романтизма до славянского киберпанка. Славянские мифы и фольклор в искусстве и масскульте XVIII–XXI веков. М.: Эксмо, Бомбора, 2026. 400 с.

Аннотация: Задумывались ли вы когда-нибудь, как Баба Яга, Кощей Бессмертный и былинные богатыри превратились в героев пушкинских сказок, картин Васнецова, советских киносказок и, наконец, в культовых персонажей игр и комиксов?

«Фантастическая Русь» – первое масштабное исследование того, как русская мифология воспринималась в разные эпохи и в каких формах она уже не первый век преломляется в искусстве и массовой культуре – от первых и порой курьезных попыток реконструкции славянского языческого пантеона до современных фэнтезийных интерпретаций Руси в книгах, комиксах, фильмах, настольных и компьютерных играх.

Вы узнаете, что читали в XVIII веке вместо славянского фэнтези, почему у царя Салтана и князя Гвидона из пушкинской сказки такие странные неславянские имена, как Баба Яга стала вампиром и основала клан Носферату и как выглядят былины про Ленина и Сталина. Проследите, как поэты и писатели XIX века – Жуковский, Пушкин, Гоголь –

превращали персонажей фольклора в знакомых с детства литературных героев, а Васнецов и Билибин создавали визуальный канон сказочной Руси, который до сих пор встроен в наше воображение.

Федор Панфилов показывает, что русская мифология вдохновляла и вдохновляет не только классическое искусство от литературы романтизма до Русских сезонов Дягилева, но и популярную массовую культуру, а наше прошлое – неисчерпаемый источник для фантазий о будущем.

Эффектное подарочное издание с коллекцией редких иллюстраций адресовано всем, кто любит историю, мифологию, искусство, поп-культуру и хочет понять, как мифы продолжают формировать наш культурный код. Это долгожданный must-read для фанатов и авторов фэнтези, художников-иллюстраторов, геймеров и геймдизайнеров, исследователей и создателей авторских вселенных.

Федор Панфилов – кандидат исторических наук, музейный сотрудник, куратор выставок, лектор, создатель проекта Panfilov FM об истории и мифологии в массовой культуре.

Николай Подосокорский

Итак, что будут есть лет через сто? Спросим пана Станислава (Лема) и откроем роман «Возвращение со звёзд».

© *Девушка... держала в руках букет бледно-розовых цветов и, пряча в них лицо, улыбалась юноше. Но, остановившись возле них и уже открыв рот, я вдруг увидел, что она ест эти цветы – и на миг у меня перехватило дыхание. Она спокойно жевала нежные лепестки.* ©

Весьма практично: подарить цветы и одновременно накормить. Зато такую девушку никто тарелочницей не назовёт.

Читаем дальше:

© *– О, бонсы! Хочешь бонс?*

– А ты? – спросил я.

– Кажется, да.

...Мы уселись друг против друга, девушка ударила двумя пальцами по металлической крышке стола, из стены выпрыгнула никелированная рука, бросила перед каждым из нас небольшую тарелку и двумя молниеносными движениями наполнила обе тарелки белесоватой массой, которая тут же начала бронзоветь, вспенилась и застыла; одновременно потемнели и сами тарелки. Девушка свернула свою, как блинчик, и начала есть.

– О, – проговорила она с набитым ртом, – я и не подозревала, что так проголодалась.

Я последовал её примеру. Бонс не походил по вкусу ни на что знакомое. Он хрустел на зубах, как свежевыпеченная булка, но тут же рассыпался и таял во рту; Коричневая масса, завернутая в нее, была приправлена какими-то специями. ©

От бонсов и я бы не отказалась. Вот он, фастфуд будущего.

© *– Озот, кресс или герма?...*

– Кофе и это... ну, то, что больше всего подходит к кофе... этот, как его...

– Озот, – сказал он и отошел.

...Все блюда казались совершенно незнакомыми... Серповидная тарелочка с дымящейся массой, из которой торчало что-то вроде кончиков спичек, и масса походила на печеное яблоко; понятно, это оказалось не яблоко и не спички; а то, что я принял за овсяные хлопья, вдруг начало разрастаться, когда я коснулся его ложкой. ©

Хотя... В китайской кухне можно считать, что ешь одно, а на самом деле на твоей тарелке совсем другое. Курица пахнет дыней, дыня – курицей. Или на вкус вроде бы мясо – а ничего подобного...

Но продолжим.

© Первое блюдо напоминало компот. Второе уже ничего не напоминало. С мясом, овощами, картофелем надо было, видимо, проститься навсегда.

Хорошо, что я обедал один, потому что десерт взорвался у меня на блюдечке. Может быть, это слишком сильно сказано, но крем оказался и на коленях, и на свитере. Это была какая-то сложная конструкция, твердая только сверху, и я неосторожно ткнул в нее ложечкой. ©

Вот теперь насчёт мяса.

Бетризованные потомки, лишённые агрессивности, навряд ли питались только овощами и злаками. Бойни наверняка где-то были – ведь ручной лев в парке что-то да ел, и явно не посетителей...

Жаль, не напишешь Ст.Лему, и не спросишь. Но кто мешает самим придумать нечто подобное? Начать с бонсов – блины как основа, пюре из перца, помидоров и тайских специй... А?

Марина Бернацкая

666 страшных рассказов – так назывался цикл статей, которые я публиковал в колонке на Фантлабе много лет, рассказывая о наиболее интересных, на мой взгляд, рассказах из области хоррора, вирта, странной тревожной прозы и всякого такого. Проект до сих пор не завершён. Решил и здесь в произвольном порядке разместить информацию о некоторых рассказах.

«Полуночный экспресс» (Midnight Express, 1935) заметного английского автора **Альфреда Нойеса** (Alfred Noyes, 1880-1958). Нойес прежде всего поэт, но писал и прозу.

Старая потрепанная книжка странным образом зачаровывала его, хотя он так до конца и не мог ухватить нити излагавшегося в ней сюжета. Называлась она «Полуночный экспресс», и была в ней на пятидесятой странице одна-единственная иллюстрация, взглянуть на которую у него не хватало мужества. Она пугала его.

Молодой Мортимер никогда не понимал, почему она оказывает на него такое воздействие. Он был впечатлительным подростком, но отнюдь не неврастеником. Тем не менее пятидесятой страницы он избегал так же, как шестилетним мальчиком сторонился темных углов на лестнице, или как идущий по пустынной ночной дороге взрослый, единожды обернувшись, продолжает шагать дальше, не находя в себе смелости обернуться еще раз...

Этот рассказ был невероятно популярен среди составителей макабрических антологий о поездах и железных дорогах, хотя железнодорожная тема в этом рассказе только фон, но, надо признать, очень выразительный и запоминающийся. «Полуночный экспресс» из категории тех «странных» рассказов, что завладевают вниманием читателя, используя парадоксы разного рода, рекурсию, закольцованность событий, таинственную недосказанность, чувство тревоги. Ближайшие аналогии (на мой взгляд) – картины Рене Магритта и некоторые рассказы Кортасара.

Интересно, что ещё в 1906 году у русского писателя Бориса Никонова был отдалённо похожий рассказ «Страшная книга». Тоже страшная книга из детства, дом у железной дороги...

Вертер де Гёте

Открылась бездна звезд полна: лавкрафтовщина в космосе

В какие только уголки Вселенной не заводили нас поиски космохорроров. Теперь вот Кевин Джей Андерсон, сообщник Брайана Герберта по растягиванию Дюниверса и обладатель завидной

продуктивности, предлагает нырнуть в кротовую нору и приобщиться к ужасу за гранью времён.

О чём роман «Над бездной», при чём тут Лавкрафт и есть ли тут ужасы – давайте разбираться.

Из пролога читатели узнают об открытии кротовой норы на краю Солнечной системы. Первый исследовательский зонд, канувший в Бездну, спустя 4 невыносимо долгих года подал сигнал откуда-то из прихожей Альфы Центавра, что позволило учёным сделать вывод о проходимости червоточины.

Кэмми Скура, талантливый астрофизик с РАС, отрекомендованная старшим товарищем, присоединяется к первой полноценной экспедиции к кротовой норе. Её организует предприимчивый делец с пунктиком на первооткрывательство и воистину фантастическими ресурсами. Он хочет в числе первых развернуть у кротовой норы долговременную станцию, обжить голые камни вокруг и отправить в долгий джонт к Альфе Центавра живых существ.

Однако находит экспедиция не просто туннель в пространстве-времени и не пустые каменюки, а следы древних цивилизаций и врага, только и ждущего, чтобы покинуть своё узилище.

Лавкрафт и его творчество упоминались ещё на стадии анонса «Над бездной». Однако оказалось, что Кевин Джей Андерсон буквально встраивает свой текст в пространство лавкрафтовской мифологии, порой не меняя даже имена-пароли-явки.

Например, среди историй о первооткрывателях, что не раз возникают в романе, упоминается и экспедиция Мискатоникского университета в Антарктиду из «Хребтов Безумия». Очевидно, что описанные Лавкрафтом в повести события не раскрываются, но возможно связь с циклом Андерсона усилится во второй книге.

А чудовищные статуи, возведённые древними космическими цивилизациями, так или иначе воспроизводят узнаваемый образ Ктулху, считать который сейчас может даже тот, кто Лавкрафта никогда не читал, но бывал в интернете. Для убедительности его же изобразили на форзаце и нахзаце русскоязычного издания «Над бездной».

Этим аллюзии на творчество ГФЛ, само собой, не исчерпываются, достаточно вспомнить, например, известный рассказ «Крысы в стенах», который обыгрывается в романе не только буквально. Так, в оригинальном названии романа используется слово «nether», которое и «низкий, более низкий», и «преисподняя». По сюжету рассказа Лавкрафта персонаж предстоит сойти в подвал, под которым, в свою очередь, находится обширное подземелье, хранящее многовековые тайны.

А сюжетный ход в финале романа Андерсона явно отсылает к одному из научно-фантастических произведений Стивена Кинга.

Кевин Джей Андерсон широко известен работами по чужим вселенным – от книг по «Звёздным войнам», «Секретным материалам» и Starcraft до продолжения «Франкенштейна» и романов про Бэтмена и Супермена. А потому стоило ожидать

некоторой вторичности и заигрывания с чужими образами и декорациями. Другое дело, что Андерсон хорош в расширении лора: добавлении интересных локаций, деталей и заполнения каких-то лакун.

Что до заявленного космохоррора, то «Над бездной», на мой вкус, очень долго разгоняется, представая сперва именно как космическая фантастика, практически без намёков на что-то жуткое впереди. И даже в отличие от того же Лавкрафта, зачастую нагоняющего жути заранее, в духе «Мы не знаем, что это такое, если бы мы знали, что это такое...» и проч.

Но так как книга относительно небольшая, но насыщенная событиями, то читатель быстро добирается до сладенького. Номинально здесь есть и жуткие пришельцы, что грозят новой космической войной, и ожившие мертвецы, и бешеное зверьё, и «злой космос», и живописание увечий, каких-то малоаппетитных деталей, даже есть намёк на психологический хоррор и проч.

Но там, где Лавкрафт напустил бы тумана, оставив читателей гадать о сути невыразимого ужаса, обрушившегося на персонажей, отделался бы намёками, там Андерсон действует прямолинейно.

К сожалению (для кого-то, возможно, к счастью), условно «страшная» часть истории не такая уж и страшная, поскольку автор не дожимает с ужасам: для чисто лавкрафтовских – всё слишком прозрачно, для современных – можно было бы и пожёстче, как мне кажется. С другой стороны, понятие «страшного», безусловно, штука крайне субъективная.

Главное отличие от образов ГФЛ состоит в том, что человек здесь хоть и мал в сравнении с силами, с которыми столкнулся, но не ощущается песчинкой, бессильной изменить положение дел. В частности, это касается как завязки (ведь действия участников экспедиции фактически запускают основные события, они не безучастные наблюдатели), так и, полагаю, второй книги.

«Над бездной» – крепкий среднячок, увлекательный и ладно скроенный. Роману есть что предложить даже искушённому читателю, пусть и без откровений – не хватает оригинальности. Однако книга всё же подкупает за счёт перенесения лавкрафтовских мифов, в том числе в части отголосков войн межзвёздных цивилизаций из далёкого-далёкого прошлого, в антураж космической фантастики ближнего прицела. При этом писатель, отсылая к творчеству Лавкрафта, не стал воспроизводить его атмосферу.

Книга остросюжетная, особенно ближе к финалу с его клиффхэнгером, но не столько страшная, сколько страшно интересная. Надеюсь прочитать продолжение.

Павел Сидоров

3-я магия запустила эпоху чудес и ужасов

Пока эксперты искали признаки Сингулярности в фантастике, она вошла в мир в виде артефактов 3-й магии. А человечество, не замечая этого, превращается в пассажиров «Желтой стрелы ИИ»

20 лет назад, говоря о признаках грядущей Сингулярности, эксперты называли особое событие – день, когда ИИ начнет одну за другой щелкать задачи тысячелетия. Ирония сентября 2026 в том, что этот день уже наступил, но почти никто его не заметил.

Ной Смит еще 3 года назад в эссе «The Third Magic» описал феномен «3-й магии» – **способности ИИ управлять миром без понимания законов, на которых это управление держится.**

*FYI: 1-я магия – это **языковое описание опыта**: способность извлекать знания из прошлого*

опыта, накапливая и передавая знания через язык. 2-я магия – это ***наука****: поиск ответов на вопросы «почему это работает?» и «что будет в новых, ещё не встречавшихся случаях?»*

В 2023 это прозвучало теоретической метафорой. Осенью 2026 метафора превратилась в хронику. **Скотт Ааронсон** в эссе «The Age of Wonders and Terrors» перечисляет в дополнение к, по всей видимости, решенной проблеме Навье-Стокса еще 7 крупных математических и квантовых результатов, полученных ИИ ***за один месяц*** (вкл. опровержение гипотезы Якоби, доказательство Великой теоремы Ферма в Lean и ряд задач из квантовой теории сложности, которыми занимался сам автор).

Показательна реакция на историю с решением проблемы Навье-Стокса. Вместо признания факта – порог Сингулярности пройден – математическое сообщество и научные медиа обсуждают скандал. Куда интересней, кто первым приблизился к ответу, кого обошли, кого не упомянули в благодарностях и т.д. ***Артефакт 3-й магии оценивают не по масштабу произошедшего, а по пиар-волнам вокруг него.***

Из этой же логики, по имеющейся у меня информации о слухах в кругах людей, близких к фронтирным ИИ-лабам (об этом же упоминает и Ааронсон), вытекает такое следствие.

ИИ-компании якобы придерживают у себя решения еще нескольких задач сопоставимого с Навье-Стоксом масштаба. Они просто боятся новых склок и потенциальных судебных наездов, т.к. еще не придумали, как объявить о новых артефактах 3-й магии не ввязываясь в скандалы, способные похерить их планы на IPO.

Если слухи верны, цивилизация уже едет в роли пассажиров поезда, подобного пелевинской «Желтой стреле». Эдакой «Желтой стреле ИИ» – составу, который не может остановиться, ибо им никто не управляет и потому летящего по инерции к разрушенному мосту, в то время как его пассажиры с туманом в голове цепляются за материальное, не видя истинной реальности.

Разница с повестью лишь в одном: пассажиры «Желтой стрелы ИИ» все более погружаются в обсуждение постоянно расширяющегося спецменю вагона-ресторана экзотической ИИ-кухни.

Сергей Карелов

17 сентября:

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 129

Решил, что давненько не читал японцев. А тут ещё и прям фантастика-фантастика, будущее, андроиды, вотэтовотвсё. Внезапно понял, что сколь бы фантастичными ни были порой оба-двое Мураками, кои и составляют основной багаж прочитанной мною японской литературы, они всё же максимум магреализм. А вот именно фантастику японскую читать мне не доводилось. Исправляюсь.

КЛАРА И СОЛНЦЕ. Кадзуо Исигуро

В общем, первая и главная ошибка: Исигуро японец лишь номинально. С шести лет автор живёт в Британии, и называть его японцем всё равно, что называть русской какую-нибудь Айн Рэнд. Собственно, и роман этот никакой национальной маркировки не носит. Всё происходит в каком-то усреднённом западном мирке, когда ни по именам, ни по поведению, ни даже по национальной кухне ты не поймёшь, представители какой культуры перед тобой.

В этом мёртвом гомогенизированном мирке научились разгонять сознание, штамповать андроидов, не отличимых от человеков, ну и там по мелочи всякого. Сюжет, собственно, и крутится вокруг андроида ИП (не индивидуальный предприниматель, как можно подумать, а идеальная подруга), по имени Клара. Клара любит солнце, потому что это зарядка для её батарей, и очень хочет, чтобы её, наконец, забрали домой, чтобы она могла стать (~~настоящим мальчиком~~) идеальной подругой какому-нибудь избалованному псевдоаутичному подростку. В общем, желание сбывается, и не слишком здоровая после разгона мозговой деятельности девочка берёт Клару в семью.

Воздержусь от пересказывания сюжета, включая финальную слезодавилку. Остановлюсь, как всегда, на своих впечатлениях. Я так и не смог найти в себе хоть толику сопереживания хоть к кому-нибудь из персонажей. Несмотря на то, что автор прям каждому нанёс штришок, за который героя можно пожалеть (болезнь, потеря ребёнка, изгой среди разогнанных, андроид) никого мне там было не жаль. Просто потому, что герои получились такими же пластиковыми, как и нарисованный Исигуро мир. Я стараюсь избегать таких слов, но тут реально, ощущение, что у произведения нет души. Что-то такое могла написать прокачанная ИИшница. Ну, которая робот, имитация жизни, ЕВПОЧЯ.

Тем не менее, роман имеет определённый успех. На данный момент по нему даже киношку снимают. И почему-то это меня печалит. В смысле, усреднённая жвачка, для усреднённого пластикового мира, серьёзно? И хочется по-стариковски брюзжать – куда мы, блядь, катимся?!

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

чеховские чтения

К.А.Терина

Почему киношники бросились наперегонки экранизировать **Стругацких**, предельно понятно. Есть установка на «создание позитивного образа будущего»: если сто раз сказать «Росатом» «халва», во рту немедленно станет сладко. На это дают деньги, это охотно продвигают. А в общественном сознании «позитивный образ будущего» неразрывно связан с циклом о «мире Полудня» АБС, «мире, в котором

хочется жить». Связан, конечно, не без оснований. Другое дело, что киношники выбирают тексты для экранизации немножко странно. Не очень хочется жить в мире Арканара или в будущем, где добрые хорошие люди, одержимые паранойей, сломали жизнь, затравили и убили Льва Абалкина. Ну, такое.

Между тем, в «Полуденном» цикле есть две большие утопические повести. Без всяких неразрешимых этических конфликтов, без разных «да, но...». Написанные буквально по заветам классиков: читателей (и героев) проводят по разным локациям этого прекрасного мира будущего и показывают, как гуманно и логично все устроено, какие чудесные и обаятельные люди в этом мире живут. Собственно **«Возвращение. Полдень, XXII век»** и **«Стажёры»**, обе опубликованы в 1962-м. В первой повести АБС рассказывают в основном о коммунистической Земле будущего, во второй – о коммунистическом Внеземелье. Да, это ранние Стругацкие, но уже вполне сложившиеся писатели. Если хочется показать позитив, то начинать логичнее было бы с экранизации этих текстов. Но вот беда: с конфликтом там не очень, экшна маловато, стреляют редко, а на мечах вообще никто не дерется. В других повестях цикла с конфликтом норм, и экшн имеется, но утопией в классическом понимании их можно назвать с большой натяжкой. Такой вот парадокс. Неразрешимый. Или трусы, или крестик. Киношники пока не определились.

Василий Владимирский

The Last Contract of Isako, пожалуй, лучшая фантастическая новинка, которую я прочитал в этом году. Главная героиня, Исако, живет на планете, которая многие поколения назад была колонизирована людьми и утратила связь с Землей.

Мир постепенно террафомируется, но все еще остается весьма негостеприимным для людей, которые выживают в условиях весьма ограниченных ресурсов, а ценность человеческой жизни буквально измеряется в том, какую пользу он может принести обществу. Власть принадлежит компании, различные подразделения и управленцы которой ведут постоянную борьбу между собой.

Исако принадлежит к числу так называемых контрактников – наемников, совмещающих в себе функции консультантов по решению нетривиальных задач и боевиков, к чьим услугам прибегают руководители компании. После смерти своего многолетнего клиента, Исако принимает еще один контракт, который должен стать последним в ее жизни – она берется помешать амбициозному управленцу избраться в совет директоров компании.

На страницах романа **Фонда Ли** обращается к традиционным для киберпанка идеям вроде власти корпораций, тайной войне внутри них или перенесения сознания в кибернетические теле, но обыгрывает их интересным образом, так что получившееся сочетание и использование в сюжете ощущаются вполне самобытно. Центральные герои во главе с Исако получились запоминающимися, и вызывающими эмоциональный отклик. Сюжет насыщенный, динамичный, интригующий и с хитрыми твистами.

По духу, атмосфере и эдакому суровому драйву роман напомнил **«Видоизмененный углерод» Ричарда Моргана**, и увлекает и держит в напряжении не меньше.

Дмитрий Злотницкий

18 сентября:

«Глашатай теней» Керстин Холл: фэнтези о некромантии и цене договора с богами

Для многих русскоязычных читателей «Глашатай теней» станет первым знакомством с Керстин Холл. Уроженка ЮАР из потомков европейских колонистов, живущая в Йоханнесбурге, начала публиковаться сравнительно недавно, в 2010-х, а первый роман выпустила только в 2021 году. «Глашатай теней» – третье ее крупное произведение и первый

текст, который прошел в финал сразу двух престижных американских жанровых премий, «Небьюлы» и «Локуса». Ни ту, ни другую награду Холл не получила, но попадание в два премиальных шортлиста – повод присмотреться к роману. Чем он выделяется среди современного фэнтези?

События несутся галопом с первых же страниц. Главная героиня романа Карис Эска получает, казалось бы, обычное для опытного некроманта

задание – разобраться, что случилось с группой контрабандистов, бесследно исчезнувших во время доставки очередного груза в родную гавань. Выяснить, живы ли, а если нет – воззвать к теням усопших, расспросить, как попали в засаду, уточнить детали. Абсолютно рядовой заказ для человека, работающего на криминального авторитета. Если же контрабандисты живы и просто решили сбежать с товаром (что маловероятно, учитывая репутацию заказчика), этим уже займутся специалисты другого профиля. Но интрига, в которую втянута Карис, глашатай теней из приморского города Сайкамита, не имеет отношения ни к контрабанде, ни к криминальному миру вообще. Несчастным морякам просто не повезло: они стали случайными жертвами чужих разборок. А вот главная героиня романа, напротив, вытянула счастливый билет, хотя поначалу сама этого не осознает. Чтобы получить желаемое, ей предстоит доставить необычный груз в отдаленную точку на карте и ускользнуть от преследователей.

Все это происходит в первых полутора-двух главах. Дальше сюжет становится еще менее предсказуемым, и постоянно открываются обстоятельства, которые меняют направление истории. Основной квест обрастает дополнительными миссиями.

Главную героиню настойчиво приглашают на похороны брата, и она вынуждена вернуться в родную деревню, чтобы найти убийцу и открыть очередную страшную тайну, которая может спасти ее жизнь, а может и погубить.

Вместе со спутницами она попадает в ловушку, где рискует потерять себя навсегда. Разные проходимцы пытаются использовать способности Карис в своих целях. В общем, угадать, в какую сторону свернет история, совершенно невозможно, как если бы Фродо по пути к Ородруину успел поучаствовать в расследовании Эркюля Пуаро и сходить в пару рейдов с пиратами Карибского моря.

Холл особенно изобретательна в устройстве магии: способности героев здесь определяются отношениями с богами и условиями заключенных с ними договоров.

Система магии не сводится к знакомому набору приемов из фольклора, жанровой литературы, настольных и видеоигр.

Действие романа разворачивается через несколько десятилетий после войны в небесных сферах, во время которой новые боги, эфириты, полностью истребили старых богов – Бхатумов (именно так, с заглавной буквы). Кое-что изменилось и в человеческом обществе.

На смену аристократическим династиям, где знания и умения передавались по наследству, от отца к сыну, от матери к дочери, пришли жреческие ордена нового типа, куда может вступить каждый. Если, конечно, этот каждый готов принести себя в жертву, заплатить за дар, которым его наделят, и умереть через несколько лет (а при большом везении – через несколько десятилетий), а потом в посмертии следовать за своим господином до скончания времен. Собственно, с одним из таких эфиритов и заключила договор Карис Эска, получив в обмен способность общаться с душами покойных.

Война богов изменила и политическую карту мира: одни государства пришли в упадок, другие получили независимость и возвысились. Однако писательница не идеализирует ни Бхатумов, ни эфиритов, ни минувшие времена, ни наступившие. У тех, кто присягал прежним богам – избалованным, жестоким, эгоистичным и часто полубезумным, – было чуть больше шансов дожить до глубокой старости, но жреческий круг оставался замкнутым, и покинуть его было практически

невозможно. Новые боги используют людей как сырье для своих экспериментов, выходящих за пределы человеческого понимания, зато готовы принять любого кандидата, обладающего хоть какими-то задатками. Однако в целом мир не стал лучше, жизнь проще, а люди – гуманнее. И, кстати, ни Бхатумы, ни эфириты богами себя не считают и признают существование некоего высшего существа, а многие их «чудеса» вполне воспроизводимы силами простых смертных – достаточно разобраться в запутанных формулах и собрать нужные ингредиенты. Так что, возможно, «Глашатай теней» и не фэнтези вовсе: как гласит третий закон Артура Кларка, любая достаточно развитая технология неотличима от магии.

Холл знакомит читателя с этим миром без долгих отступлений и развернутых пояснений. Предыстория раскрывается постепенно. Чтобы собрать головоломку, придется прочитать книгу внимательно и до конца. Для героев это привычная часть жизни, и такой способ повествования делает мир убедительнее.

До статуса полноценного открытия сезона роман «Глашатай теней» не дотягивает буквально чуть-чуть, на малую толику.

При всей изобретательности сюжета прозе «Глашатая теней» порой недостает выразительности: точных деталей, свежих метафор, самоиронии во внутренних монологах. Мир хорошо продуман, но в описаниях не всегда ощущается его своеобразие? словно картину показывают сквозь фильтр, приглушающий краски. Устройство этого мира увлекает сильнее, чем язык, которым он описан. Что, впрочем, не отменяет очевидных достоинств романа: непредсказуемого сюжета, сложных отношений людей и богов и магии, за которую приходится платить.

Василий Владимирский

Кадр дня: Ахиллес звонит маме, чтобы сказать, что он поел.

Съемки фильма «Троя», 2003 год

Мир фантастики

19 сентября:

Давайте ещё сны Танды расскажу, а то вы небось думаете, что я глаз не смыкаю! Ну, не каждую ночь кино, тем не менее.

Снилось мне, что каким-то таинственным образом у нас у всех взрослых появились... гм... как бы это точнее обозначить, такие штуки вроде очков с крылышками. И снять их нельзя.

Очки – ну просто очки, полезная штука, у всех 100% зрения. А вот крылышки... Это не как, скажем, у Меркурия или там ангелочков каких. А скорее как что-то насекомое: надкрылья у жуков, крылья

у стрекозы. Разные модели у разных людей, в общем, стильно. Можно прижать к вискам, можно поднять над головой, можно растопырить.

Однако интересно то, что на этих вот крылышках постоянно что-то показывалось. Пейзажное. Обычно медитативное. В общем, пейзажи можно было разделить на три категории:

– равнины. У кого пустыни с дюнами, у кого степи с ковылём, у кого болота с брусникой какой.

– горы и холмы с водопадами. Тоже разные и по высоте, и по климатическим раскладам, но.

– вулканы. Вполне активные.

Картинки могли сменяться, но обычно делали это не сильно часто.

Ну, то, что это картинки какой-то одной планеты – причём не нашей – учёные достаточно быстро сообразили. Даже карту предположительно составили. А вот чем обуславливается показываемое – долго соображали.

Пока не дошло до одной девушки-стажёрки, у которой раньше роща с ручьём была, местные вариации берёзок-рябинок вокруг шевелились. А потом – картинка сменилась на вулкан, даже вулканище. И ей-то изнутри себя прекрасно было понятно, что изменилось: влюбилась она, невзаимно и безнадёжно. И под таким давлением всё внутри шло, что – ну, сорвало крышечку в прямом и переносном смысле слова. В общем, стратовулкан. И хорошо если не супервулкан. И это на приличной дозе антидепрессантов. И, кажется, не хватает.

...В общем, на такое вот заявляются инопланетяне, которые эти вот очки выдали. Так, говорят, ребята, спасибо большое, но вот её мы с собой забираем, пока всю жизнь на планете нам не угробила. Тут-то мы её никак контролировать не можем, а там, ну, полегче будет всё же. И ей, кстати. Много интересного, исследовательская работа, понавыдавайте ей, что вам надо, мы там поможем.

Тут её научный руководитель (в которого она, собственно, и влюбилась) говорит: «Так, товарищи по Галактике, это всё, конечно, может быть, но почём мы знаем, вдруг вы её там где прикопаете по-тихому? А потом и за другими несчастливо влюблёнными прилетите? И их прикопаете потом? Нет уж, снимайте с неё очки и оставьте в покое и на Земле?»

Инопланетяне одновременно ржут и за головы берутся, за все четыре у каждого. «Как мы очки снимем? У нас от вашего вот всего экосистема зависит в планетарном масштабе. Как мы всех активаторов вулканов прикопаем? А воду нам кто создавать будет? Вот ту самую, которая со счастливо влюблённых ваших – что бы это ни значило, мы этого всё равно не понимаем, – водопадами стекает, а у тех, кто вне этих раскладов, то какими водоёмами стоит, то в травах-деревьях циркулирует. Не извольте беспокоиться, и канал связи с ней обеспечим, все условия создадим...»

Девушка сидит, за голову держится, ногти в кожу впились, но, как бы ни было ей паршиво –

благо видно-то это по крылышкам всем, ничего тут не скроешь, – что-то обдумывает.

«Ну решай... – неуверенно говорит ей руководитель. – Скажешь «нет» – попытаемся тебя удержать тут. Скажешь «да» – ну, вот такие перспективы...»

«Поеду с ними, – отвечает она, – если каждый день сеанс связи будешь ты проводить».

Разводит руками руководитель: «Ну да». Самому до чёртиков интересно, что там на чужой планете, сам бы рванул. Но не его дорога: у него на крылышках – в базальтовых шестигранных берегах ледниковое озеро...

Танда Луговская

Об этом графическом произведении 70-х годов от аргентинского художника Альберто Бреччиа по мотивам историй отца современного хоррора Лавкрафта я слышал самые восторженные отзывы и вот теперь, ознакомившись с книгой, недавно вышедшей на русском, соглашаюсь – это шедевр! В этих чёрно-белых работах использована уникальная художественная техника, сочетание «порядка и хаоса» – классического рисунка, выполненного с мастерством масштаба Доре, и всей истории художественного авангарда – от экспрессионизма до лютого кубизма в духе Пикассо и техники коллажа. Кажется, что рисунки создавал... Не Малевич, конечно, но, к примеру, такой последовательный сюрреалист, как Макс Эрнст, начитавшийся перед сном Эдгара По. Сильнейшая тревожная атмосфера. Понравились все новеллы. И «Ужас Данвича», самая традиционная новелла по стилю, и совсем авангардные «Обитающий во тьме» и «Цвет из иных миров»... Прекрасны «Тень над Иннсмутом», «Тварь на пороге». «Маст рид» для любителей комиксов и для любителей хоррора. В произведении довольно много текста. В книгу вошёл почти весь лавкрафтианский цикл Бреччиа (кроме одной небольшой истории, не публиковавшиеся при жизни художника, выполненной в цвете и выпадающей из общего ряда). Автор сценариев почти всех историй, весьма близких к литературному первоисточнику, – Норберто Бускалья. Неописуемые чудовища Лавкрафта скрываются за эмоциональными мазками краски, серыми пятнами, кубическими композициями. И от этой неопределённости становятся только страшнее.

Вертер де Гёте

666 страшных рассказов: «Переход» (The Entrance, 1979) Джеральда Даррелла (1925-1995).

Английский натуралист, популярный автор весёлых книжек о животных неожиданно для многих опубликовал в своём сборнике «Пикник и прочие безобразия (The Picnic And Suchlike Pandemonium, The Picnic and Other Inimitable Stories, 1979) мистический рассказ в духе классического готического хоррора «Переход». «Переходом» он стал в русском переводе Льва Львовича Жданова, а в новом переводе на русский название звучит как «Входит призрак». К известному английскому букинисту обращается французский аристократ с просьбой каталогизировать уникальную библиотеку, доставшуюся ему в наследство от дядюшки. Для это-

го нужно некоторое время провести в одиночестве в старинном доме.

– Он в самом деле был убит и при самых таинственных обстоятельствах, – сказал Гидеон. – Его нашли в пустой мансарде наверху перед большим разбитым зеркалом. Он выглядел ужасно – одежда сорвана, горло и все тело изгрызено, словно бешеным псом. Кругом все забрызгано кровью... Меня вызвали для опознания. Тяжелая задача – лицо было изуродовано почти до неузнаваемости.

Гидеон остановился, глотнул еще вина, затем продолжил:

– Но самое поразительное – мансарда была заперта, заперта изнутри вот этим ключом.

Отличный атмосферный рассказ, прекрасное следование традициям британских ghost stories 19 века.

Вертер де Гёте

Фото, которое, счастливые от нежданной встречи с Антоном Нелиховым, историком, палеонтологом, автором научно-популярных книг и канала Минутка этнографии, сделали мы с Ириной Богатыревой.

Ульяна Бисерова

Неделю назад в Кракове прошел VI Футурологический конгресс. Внезапная и неприятная болезнь свалила меня и всех моих домашних, поэтому моим планам по посещению этого мероприятия было не суждено состояться. Vita dolor est. Остается только любоваться фотографиями и кусать локти.

На фото: Виктор Язневич представляет свою двухтомную библиографию Нон Фикшн Лема.

Инар Искендирова

Филип К. Дик «Трансмиграция Тимоти Арчера»

С Филипом К. Диком обычно связывают совсем другие вещи: андроидов, наркотические видения, сломанные реальности, параллельные миры и героев, которые в какой-то момент перестают понимать, можно ли доверять собственным глазам. «Трансмиграция Тимоти Арчера» на этом фоне выглядит почти чужой книгой.

Здесь нет привычных для Дика фантастических элементов. Нет будущего, набитого технологиями, нет загадочного устройства, способного изменить мир, нет стремительного сюжета. Вместо этого – разговоры о раннем христианстве, спорные рукописи, семейные отношения, смерть и человек, который пытается понять, во что он вообще верит.

Это последняя завершённая книга Дика и, пожалуй, одна из самых спокойных по форме. Но спокойной её можно назвать только внешне. Внутри романа всё время идёт напряжённая работа: герои спорят, вспоминают, сомневаются, пытаются объяснить себе то, что уже произошло и чего нельзя исправить.

Рассказ ведётся от лица Эйнджел Арчер. Она вспоминает Тимоти Арчера – епископа, своего свёкра, человека умного, образованного и очень живого. Он не похож на отстранённого церковного деятеля, который говорит готовыми формулами. Арчер спорит, увлекается, раздражается, шутит, ошибается. Он интересуется историей раннего христианства и археологией, но его интерес быстро перестаёт быть просто научным.

В центре романа оказываются загадочные документы, связанные с историей Иисуса и первых христиан. Если верить этим текстам, привычное представление о происхождении христианства может оказаться неполным или даже ошибочным. Для постороннего человека это могло бы остаться предметом академической дискуссии. Для Арчера – нет. Он слишком серьёзно относится к поиску истины. Если найденные сведения противоречат его вере, он не может просто отложить их в сторону и продолжить жить как прежде. С этого момента книга становится не столько историей о рукописях, сколько историей о разрушении внутренней опоры.

Событий в привычном смысле здесь немного. Герои встречаются, разговаривают, обсуждают книги и религию, вспоминают прошлое. Иногда эти разговоры занимают десятки страниц. Такой темп может утомить. Особенно если ждать от Дика чего-то похожего на «Убика» (https://t.me/book_bear_lair/166) или «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (https://t.me/book_bear_lair/1030). В тех романах странность мира сразу захватывает внимание. Здесь же приходится долго присматриваться к людям и к тому, что происходит между ними.

Но постепенно становится понятно, зачем Дик выбрал именно такую форму. Важны не внешние события, а то, как персонажи их переживают. Один и тот же факт для разных людей означает

совершенно разное. Кто-то видит в нём доказательство веры, кто-то – повод для сомнений, а кто-то просто пытается понять, как теперь жить дальше.

Арчер – самый заметный персонаж романа и, возможно, один из наиболее объёмных героев Дика. Он хочет знать правду, даже если правда окажется разрушительной. Арчер привык доверять разуму, знаниям, способности сопоставлять факты. Но чем глубже он погружается в свои исследования, тем меньше у него остаётся уверенности, что разум способен дать окончательный ответ. При этом он не выглядит мучеником или святым. Он бывает резким, самоуверенным, эгоистичным. Может увлечься идеей настолько, что перестаёт замечать людей рядом.

Читать роман отдельно от биографии автора трудно. В основе истории заметно присутствует судьба епископа Джеймса Пайка – друга Дика, который интересовался историческим Иисусом и погиб во время поездки в Иудейскую пустыню. Тимоти Арчер явно связан с этим образом, хотя Дик добавляет герою собственные вопросы и собственную тревогу. Дика всю жизнь интересовало, где проходит граница между религиозным опытом, психическим расстройством и настоящим откровением. Можно ли считать видение болезнью только потому, что его нельзя проверить? Или, наоборот, вера часто возникает там, где человеку очень хочется найти смысл? Есть ли Бог? Что происходит после смерти? Можно ли доверять собственному религиозному опыту? Имеет ли смысл искать истину, если найденный ответ способен уничтожить прежнюю жизнь?

Роман не даёт окончательных решений. И это не недостаток, а его главное достоинство. Дик не пытается убедить нас ни в существовании Бога, ни в его отсутствии.

Несмотря на большое количество богословских разговоров, это не роман только о религии. В нём гораздо сильнее ощущается тема утраты. Герои сталкиваются со смертью, чувством вины и последствиями решений, которые уже нельзя отменить. Они пытаются восстановить прошлое по памяти, но память постоянно подводит: что-то забывается, что-то искажается, а что-то начинает казаться важнее, чем было на самом деле. Религиозные споры в таком контексте становятся способом говорить о боли. Человеку нужно понять, что смерть не была бессмысленной, что любовь не исчезла вместе с умершим, что за пределами видимого мира может существовать какой-то порядок. Но Дик не высмеивает эту потребность и не объявляет её доказательством. Он просто показывает, насколько трудно человеку жить в мире, где не на каждый вопрос есть ответ.

Книга требует терпения. В ней много рассуждений, исторических деталей и разговоров, которые не всегда сразу кажутся важными. Некоторые персонажи раскрываются не через поступки, а через чужие воспоминания о них. Важные события часто остаются за пределами прямого повествования. Из-за этого роман кажется отстранённым. Дик словно намеренно отказывается от сильных сцен и драматических эффектов. Он не показывает всё напрямую, а заставляет нас собирать историю по обрывкам.

Итог: «Трансмиграция Тимоти Арчера» – не самая очевидная книга для знакомства с Филипом К. Диком. Она медленная, разговорная и местами перегруженная философскими рассуждениями. Это книга о человеке, который хочет докопаться до истины и обнаруживает, что истина не обязательно приносит облегчение. О вере, которая не выдерживает проверки, но всё равно не исчезает бесследно.

О смерти и о том, как живые пытаются придать ей смысл. После прочтения не остаётся ощущения, что автор всё объяснил. Скорее наоборот: вопросов становится больше.

Жанр: Психоделика

Оценка: 7/10

Алексей Североан

20 сентября:

Из цикла “Рассказы палеонтологов”: Дромеозаврид

Целеустремлённый
Дромеозаврид
В прошлое скорее
Прочь от нас бежит.

Елеустремлённо
Я гляжу вослед:
Прошлого – такого,
Чтоб укрыться, – нет.

Реконструкция – Gabriel Ugueto

Танда Луговская

У меня проклятие ассоциативной памяти, причем работает эта часть сознания независимо от всего остального. Вчера вот мозг сопоставил наконец одну деталь двух сюжетов: человек, который после смерти благодаря мироустройству перерождается и уже привыкает быть бессмертным – но вот наступает момент, когда ему сообщают, что он исчерпал резерв и возродился в самый последний раз.

Как ни странно, обе книги, о которых я помню, что там описан такой поворот сюжета, вышли в один и тот же год. 1971-й. Это «Джек-из-Тени» Роджера Желязны и «В тела свои разбросанные вернитесь» Филипа Фармера. Которые дружили, примерно в то время Желязны посвятил один из томов янтарного цикла : «Джадавину и его Демиургу – не забывайте о Кикахе»; Джадавин – герой цикла Фармера «Многоярусный мир», местами похожий на Корвина, Кикаха – герой того же цикла, альтер эго самого Фармера. Ну и «Янтарные хроники» напоминают «Многоярусный мир» где-то в чем-то.

В «Джеке» протагонист воскресает в Навозных ямах Глайва в полуфэнтезийном мире, в «Телах» Ричард Фрэнсис Бёртон воскресает по воле создателей Мира реки. Оба (Джек просто так, насколько помню см. комменты, а Бёртон – потому что устраивает себе «экспресс самоубийств» и кончает с собой 777 раз) добираются до последней жизни. И тут тоже, кажется, приоритет за Фармером – хотя «Тела» вышли одновременно с «Джеком», до того уже публиковались фрагменты романа, который Фармер позднее в «Тела» и их сиквелы переписал.

Николай Караев

Дочитала «Под драконьей луной» (Moonbound) Робина Слоуна и теряюсь, не знаю, как об этой книге написать. Уже на стадии аннотации и концепции шансы на то, что она мне понравится, были половинчатые, и... итоговое впечатление оказалось таким же.

Действие книги разворачивается в очень (вот просто очень-очень!) далеком будущем, где человечество потерпело поражение в борьбе с так называемыми драконами, которых само же и создало. Драконы должны были исследовать Вселенную, но у них появились собственные идеи насчет того, как должен быть устроен мировой порядок, и, традиционно, «всё заверте». Повествование ведется от лица проснувшегося после долгого сна Хрониста – древнего ИИ-помощника (нанопаразита), который в результате стечения обстоятельств оказался подселенцем в теле мальчика по имени Ариэль, живущего в странном замке Соваж, где все кажется идиллическим и каким-то ненастоящим. Вместе с Ариэлем Хронисту предстоит совершить путешествие по миру, где все очень сильно изменилось со времен решающего столкновения между людьми и драконами, многое узнать и принять кое-какие решения, которые все изменят. (Точнее, принимать их будет Ариэль, как и положено архетипичному Герою, а Хронист, опять-таки в рамках своей роли, будет помогать и записывать.)

В книге сочетается всё со всем: генетические эксперименты, высокие технологии, виртуальная реальность, множественные измерения, LLM или что-то очень на них похожее, архетипичные персонажи из мифа о короле Артуре (то ли вывернутые наизнанку, то ли нет), колоссальное количество отсылок на самые разные литературные произведения, мотыльки размером с параплан, космические корабли с танцевальными залами, замки на Луне, (не)магические академии, жутковато-обаятельные мумии, говорящие бобры и прочее.

Вот бобры-то и вышибли меня из повествования так, что я чуть было не бросила эту книгу.

«Под драконьей луной» – НФ, написанная языком литературной сказки. Она формально адресована взрослым, но по-настоящему взрослого контента в ней нет, по-моему, так что подростки тоже могут читать, и на самом-то деле с чисто академической точки зрения интересно, как бы они восприняли этот роман. В моем случае проблема в том, что я недолюбливаю антропоморфных животных, «Ветер в ивах» и ту же «Нарнию» предпочитаю уважать издалека. А эти произведения важны если не для понимания сюжета, то как явные источники важных образов.

Автор начитан и умен, книга не так уж проста, как может показаться. Над сценой про яблоко и кожуру (кто читал, тот поймет) мой гуманитарный мозг чуть не сломался, но я разобралась и снимаю шляпу. То бишь это все сделано очень красиво и со знанием дела, в достаточно любопытном стиле.

Но это чисто интеллектуальное любопытство, «как оно сделано» и «почему оно работает». Чего-то важного мне не хватило; сюжет по-настоящему не тронул и не увлек. Я как будто разобрала сложную машину на части и собрала обратно, так и не покатавшись на ней. Ну, видимо, все-таки не для меня эта машина, увы.

Наталия Осояну

21 сентября:

Екатерина Михайловна Доброхотова-Майкова, у которой только что, к слову, был ДР, пишет на Фантлабе в переводческой теме про «Всегда возвращаясь домой» Урсулы Ле Гуин (в ответ на пост об ошибке переводчицы Ирины Тогоевой):

Это сильно не единственный изъян этого перевода. В частности, тщательно прописанный Урсулой животный и растительный мир Долины одомашнен – животные и растения Нового света заменены на животных и растения Старого и т. д.

Подождите, скоро в Азбуке выйдет отредактированный вариант. <...> С тем переводом Урсулы Ле Гуин правда многое интересно, потому что у Тогоевой действительно многое сделано красиво, но многослойная сложность оригинала много где потеряна. Мое любимое место из распутанного при редактуре – среди какой-такой alien corn беседуют Пандора и ее собеседница.

То есть – Екатерина Михайловна отредактировала эту роскошную вещь, и скоро она выйдет. Вот ура.

Николай Караев

Сегодня я узнал (СЯУ), что **Андрей Георгиевич Лях**, лауреат «Интерпресскона-2001» (за роман **«Реквием по пилоту»**) и «Новых горизонтов-2018» (за **«Челтенхэм»**) написал кроссовер по «Гарри Поттеру» и «Властелину Колец». Не корысти ради, исключительно из исследовательского интереса. Называется **«Кроме Гарри Поттера»**, выложен на страничке Ляха в мошковском «Самиздате» для свободного чтения, без смс и регистрации, еще в феврале 2026-го. 23 авторских листа, здоровенный роман, хотя были у Андрея Георгиевича и потолще.

Это не первый фанфик-коссовер в библиографии писателя, можно вспомнить как минимум «Истинную историю Дюны» (2006). Я, честно признаться, не фанат Ляха, не очень понимаю этот феномен, хотя после лауреатства «Челтенхэма» всерьез пытался разобраться. Отношусь тем не менее с уважением – несколько человек, чьему вкусу я доверяю (с оговорками) как раз горячие поклонники. В общем, появление этой рукописи – событие, которое, мне кажется, стоит отметить скупой новостной строкой в канале.

Легально на бумаге роман «Кроме Гарри Поттера», разумеется, не выйдет, права и все такое, а электронку я по техническим причинам не читаю. Но если вдруг это ваш любимый автор – не пропустите. Потом расскажете, стоило ли читать.)))

Василий Владимирский

– Вы мессия?
– Пожалуй.
– А что за наряд?
Бубенцы да лоскутья огнями горят,
И зачем эта флейта?
– Как только сыграю,
Так и в рай зашагаете все вы подряд!

Генри Лайон Олди

22 сентября:

Сейчас бесконечные книжные сериалы в фантастике и фэнтези стали обычным делом (особенно если учитывать жанровую интернет-графоманию, где цикл в полста хреновых романов – обычное дело). Понятно, что автор в таких случаях становится «рабом лампы» – если цикл успешен и приносит деньги, то надо ковать железо, не отходя от кассы.

А дальше все зависит строго от одного – хватает у автора интересных идей для каждого нового романа или все идет по накатанной, скучнея от тома к тому, и постепенно скатывается в унылую тоску (иногда вывозят прикольные персонажи, но это бывает не часто).

Новый роман Виктора Дашкевича «Ловушка для главного дива» из цикла «Колдун Российской империи» показывает, что цикл постепенно движется по накатанной вниз от очень хорошего первого тома. Меньше стало детективной составляющей, пропала уютность Петербурга, шедшая на пользу первым романам, стало еще больше всякой политики и возни в Пустоши. Отдельно надо заметить, что все это сопровождается увеличением объема текста и сюжета, связанных с Коимбрским университетом – такое впечатление, что португальцы не пошли на пользу Российском империи.

В целом вышел довольно средний роман, в котором нет атмосферы и удовольствия от чтения, присущей первому-второму роману цикла. Если цикл вам нравится – вполне можно прочитать.

Владимир Обручев

Потеря памяти наряду с разного рода безумием – одна из тем, которые меня триггерят не по-детски.

После романа «Любимое уравнение профессора» посмотрели фильм Кристофера Нолана «Мементо», снятый по рассказу его брата Джонатана «Мементо мори». Главного экранного героя этой картины мучает та же история, что и книжного профессора математики: кратковременной памяти не хватает не то, что на день, а даже на час. Однако, у писательницы Еко Огавы история получилась светлой и созидающей, у Нолана – с точностью до наоборот.

Оба героя оставляют себе записки и разного рода зацепки, напоминающие суть происходящего, но один одержим числами и, попав в новый абстрактный мир, конечно, сильно смущен, но находит друзей и вдохновляет окружающих, а другой чувствует себя в темной норе неверной памяти загнанным зверем, мстит за смерть близкого человека, таится и всех подозревает.

Оу, подумала я, проглотив эту пару, как изящно сложился тематический сет, и уже готова была переключится на что-то иное, но мне, похоже, стоило пристегнуть ремни, ибо тема решительно заявила о себе и не собиралась уходить со сцены после первого акта.

Мотаем дальше.

Камерный фильм, где встретились Депардье и Полански, «Простая формальность» также исследует тему потери памяти, но совершенно с другого ракурса. Главный герой не помнит, как оказался в лесу, и главное, почему он спасался бегством. Следователь вместе с ним распутывает историю, пока наконец герой не принимает невозможное, прекратив сопротивление и отдавшись течению жизни, у которого свои логичные реперные точки.

Следующим в ассоциативном ряду беспамятства оказался первый роман цикла «Хроники Амбера» американского фантаста Роджера Желязны, потому что я, как зачарованный кролик, всегда

готова следовать за удавом книжных подсказок: в командировке именно наследие Желязны лежало на той полке, куда я постоянно бросала ключи. Мягкая потрепанная обложка, загнутые уголки и надломы. В общем, видно, что книгу эту любят и читают. Я, конечно, так не раз обманывалась, но это не мешает мне снова и снова проверять, что же таится под – неожиданной – обложкой книги, которую я и не планировала читать в ближайшую сотню лет.

Итак, что там по Амберу. Принц очнулся в больнице и не может вспомнить ни как он здесь оказался, ни вообще, кто он такой.

Тут, наверно, подошла бы мысленная рулетка, которую так любят крутить мои младшие дети: мама, а что бы ты выбрала – быть наследным принцем или не помнить кто ты, но Желязны соорудил комбо, и не прогадал.

Увлекательная история, написанная простым языком: не нужно продираться сквозь самолюбование автора собственными флером метафор, а можно просто решительно войти в ту дверь, за которой начинаются опасности и приключения.

Юлия Евдокимовская

Посмотрела лист сербского фаната фэнтези, извлекла из него пару авторов сербского эпик-фэнтези, которых стоит проверить. Дело в том, что сербские полки фанта довольно куцые. В листе обычная классика типа Геммела, Стивена Эриксона и «Ведьмака», но есть еще:

1) Александар Тешич (Aleksandar Tešić), автор нескольких циклов. Первый том самого известного цикла «Косингас» (ведьмаческий клон + сербская история) переводился на английский, второй его цикл «Каиново проклятье» – про балканский вампиризм и венгров, кажется.

2) Ненад Гаич (Nenad Gajić) и его цикл «Сказка над сказками». Там тоже балканские мифы, вот это вот все.

Я подозреваю, что ткнешь в серба, попадешь в балканских вампиров и битву на Косовом поле, но пока я еще не успела замылить местные штампы. Издательствам стоит присмотреться на фоне плохих отношений с поляками, плюс тут права еще дешевые.

Жанна Пояркова

23 сентября:

Что любопытно: у людей, далеких от фантастики, во все времена и во всех странах, почему-то устойчивое убеждение, что она, фантастика, вся такая, как те два с половиной рассказа, которые они в детстве читали. Ну, и еще как то, о чем пацаны в бане напели. Хоть кол на голове теши. Вот большой писатель Бернард Вульф в послесловии к своим рассказам в **«Новых опасных видениях»** обливает презрением НФ, привстав на табуреточку:

Я видел, как разыгрывается дурная шутка, когда в честь нашей первой высадки на Луне «эксперты», которых попросили телекомментировать это событие, оказались двумя корифеями НФ. Они на эмоциях говорили о том, что они оба предсказали путешествие на Луну в своих фантастических романах – думаю, под хихиканье всего научное сообщества.

Они предсказали лишь физическое перемещение человека с Земли на Луну – а значит, они не предсказали ничего. Ни сути этого торжества, задуманного отвлечь нас от неудачных результатов перемещения граждан США во Вьетнам. Ни тошнотворной ничтожности шоубиза. Ни пиар-выдавания этого важного события Мерзким Диком,

ни той цирковой атмосферы, когда все присваивают славу себе. (У Никсона, конечно, хватало своих пиар-причин. Он остро нуждался в том, чтобы его потный образ ассоциировался с недвижимостью в космосе, где нет статических помех и прочих препон от Хо.)

Уж точно не предсказали они дальнейшую коммерческую эксплуатацию космической программы, наводящую на мысли о том, что все растраты НАСА нужны только для того, чтобы придать пафос большой науки Скотту Карпентеру для его съемок в рекламе «Стандарт Ойл», где предлагается фальшивая добавка к бензину F-310 как верное средство от загрязнения воздуха, люмбаго и, возможно, импотенции.

НФ-корифеи могли верить, будто наука оправдала все их чаяния, но она лишь показала их «авангардными» выдумщиками, отстающими от реальности. И я с пользой для себя продолжил и дальше не думать об НФ.» (Перевод Сергея Карпова)

Ну то есть Большой Писатель позорится по полной. На лбу у него написано, что он не читал ни **«Уродливого мальчугана»** (1958), ни **«Конец детства»** (1953), ни **«Чужака в чужой стране»** (1961) – чаще всего комментировать всякие космические штуки приглашали именно Азимова, Кларка и Хайнлайна. Какие, к херам, «авангардные мечтатели»? Бернард, прими таблетки! Или там **«Операцию «Венера»»** (1951), она же «Торговцы космосом» Пола и Корнблата, если речь о связи космоса и грязного пиара. И даже не слышал о них. Не говоря уж обо всяких Баллардах и Диках, которые печатались с середины 1950-х. Но это ладно, это полбеды. Хуже было бы, если бы Вульфу как раз «авангардные мечтания» про любимый лунный трактор нравились – и ему доверили развивать фантастику в этом вот русле. Ничерта в ней не разбираясь и ориентируясь на смутные детские воспоминания. Вот тут бы действительно настал крындец. К счастью, бодливой корове бог рогов не дает. И это хорошо.

Василий Владимирский

О чо ожидается.

Впервые на русском – сборник размышлений признанного мастера «о литературном творчестве, фантастике и фэнтези», увлекательная экскурсия по её творческой кухне. Она беседует с нами

о «Волшебнике Земноморья» и «Мире Роканнона», о юнгианских архетипах и бестселлерной психологии, о Филипе Дике и Станиславе Леме, об американцах, которые «боятся драконов, потому что боятся свободы».

UPD. «Азбука», перевод Анны Хромовой.

Василий Владимирский

С «Царевной-лягушкой» связано два расхожих заблуждения.

Первое: царевич целует лягушку, и она превращается в красавицу. Такого не было. Никого царевич не целовал, да и в целом народным сказкам чужда сентиментальность. Поцелуй лягушки придумали в литературных пересказах схожей сказки братьев Гримм.

В русских сказках поцелуи упоминаются редко и обычно даже не в современном значении. Их больше всего в сюжете, где царевич ворует молодильные яблоки и заодно, не стерпев, целует спящую хозяйку сада. Она потом рожает.

*«У Марфы-царевны с этих целовков два сына завелось в утробе», – рассказывали на Урале (**Уральские сказки. Из фольклорного наследия И.Я. Стяжкина. Т. 1. Екатеринбург. 2002. С. 46**).*

Так вот: царевна-лягушка не целовалась ни с кем, никуда и ни в каком значении слова.

Второе заблуждение похитрее: мол, сказка о царевне-лягушке выстраивает арку царевича-героя, который вначале инфантильно сжигает без спроса лягушачью шкурку. Жена возвращается, ругается и улетает, а герою предстоит тяжкий путь, чтобы ее вернуть. Все это будто бы метафора взросления, превращение «мужчинки» в «мачо». Конечно, нет.

Во-первых, царевич, сжигая лягушечью шкурку, поступил ровно по сказочному ГОСТу. Потому что русская сказка настойчиво советовала сжигать все шкуры оборотней.

В другом сказочном сюжете другой царевич заподозрил, что ночами к нему прилетает не утка, а заколдованная невеста. И что же? Подстерег, схватил с подоконника сброшенные крылья, сжег. Женщина перестала оборачиваться уткой.

Еще популярная сказка: муж бросил в огонь сброшенную шкуру животного (чаще всего рыси), в которое колдунья превратила его жену. Шкура сгорела, женщина вернула себе человеческий облик.

С мужчинами тоже работает. Женатая на сопливом козле женщина тайком сожгла козлиную шкуру, и недавний мерзкий зверь («сопли у него бегут, слюни текут») навсегда остался красавцем (все три примера: ***Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. № 264, 266, 277***).

Схема отчего-то не срабатывает именно на царевне-лягушке. Почему? А потому что «Царевна-лягушка» попросту копирует «Финиста ясного сокола», только там история для девочек, а тут для мальчиков. Отсюда одинаковые прогулки до Яги в железных ботинках, трудное добывание бежавшего партнера. Психологии тут примерно ноль.

Да и о какой арке взросления можно говорить применительно к сказочным схемам, где каждый персонаж – трафарет и картонка? Персонажи в сказках вообще не меняются. Перемены характера – изобретение литературы. Сказка намного проще. Здесь не меняется никто и никогда.

Народные сказки не про психологию. Они удивительные и крайне образные произведения, которые очаровывают именно своей алогичностью и странностью. И в их причудливых образах чего только не видят. Но, как в пятнах Роршаха, смыслы тут привнесенные. Сами сказки проще, добрее, милее:

«А ну-ка! Железные сапоги надевай и иди за клубком ниток в лес в поисках избы на птичьих ногах, которая вертится, как вентилятор, там тебя бабка навозом накормит и скажет, чего делать дальше… Но, может, и съест тебя. Это уж как получится. Иди!»

Антон Нелихов

Поняла, что не зафиксировала тут две важные для себя вещи. А, как водится, не сфотографировал – не поел, то бишь не помусолил внутри и снаружи – не пережил.

Итак, намбер ван, писатели и нейросети.

В целом, смотрела до поры до времени на это сквозь пальцы, слишком уж много я копаюсь в старых текстах, где встретить нейросетевой кусок не грозит банально в силу отсутствия такой технологии на момент творческого акта.

Однако, недавно я участвовала в жанровом конкурсе рассказов в сообществе, посвящённом фантастике, куда авторы скидывают свои тексты, которые публикуются анонимно на протяжении всего конкурса, и только на определенных чек-поинтах (окончание последовательных туров и финальное объявление результатов) авторство раскрывается.

Когда объявили окончательные результаты конкурса, автор, приславший текст-победитель, сказал, что рассказ полностью написан нейросеткой Claude модель Fable 5 (Max) по самому бесхитростному промпту и даже не редактировался человеком для чистоты эксперимента. И, мол, все, литература умерла, и как он сам, черт побери, по этому поводу грустит, если не сказать скорбит.

Я лично тот текст читала и полюбила, хотя многие негодовали, углядев в рассказе чистой воды нейрослоп. Но, зная, насколько часто сейчас всем окружающим мерещится ИИ там, где его нет и в помине, я по-прежнему продолжала радоваться чудесной истории, которая (лично меня) задела за живое. Но оглашение способа написания рассказа, разумеется, огорошило меня не меньше самого текста.

И теперь думаю, как отличить одно от другого и какие лично для себя критерии вывести приемлемости. Где заканчивается инструмент и начинается движение души. И важно ли «из какого сора растут стихи, не ведая стыда», или все же это у меня такая низкая планка: проглочу и не поморщусь?

Позишн намбер ту, как ни странно, тоже связана с фантастикой. Что ж, видимо, у нынче нас жизнь такая: куда ни плюнь, всюду попадешь в фантастику.

Недавнее перечитывание повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу» привело к тому, что на многое нынешнее мне хочется закричать: да ведь это уже говорили!

Вот, скажем, пост (https://t.me/trueresearch/2145), в очередной раз поднимающий вопрос о месте научпопа в мире науки. Ну, как поднимающий. Просто говорящий, что не место ему там, что есть он циркотня и имеет место разве что как отдохновение души, если не злоупотреблять. Хороший пост, мне понравился, ведь я только что сама вернулась с мероприятия, где занималась популяризацией биотехнологии.

А теперь открываем ПНВС.

Труднее было понять Выбегаллу с его болезненной страстью устраивать цирковые представления и публичные взрывы на потребу любопытным, лишённым возможности (да и желания) разобраться в сути вопроса.

Если не считать двух-трех изнурённых командировками абсолютников, обожающих давать интервью о положении дел в бесконечности, никто в институте, мягко выражаясь, не злоупотреблял

контактами с прессой: это считалось дурным тоном и имело глубокое внутреннее обоснование.

Дело в том, что самые интересные и изящные научные результаты сплошь и рядом обладают свойством казаться непосвящённым заумными и тоскливо-непонятными. Люди, далёкие от науки, в наше время ждут от неё чуда и только чуда и практически не способны отличить настоящее научное чудо от фокуса или какого-нибудь интеллектуального сальто-мортале.

Наука чародейства и волшебства не составляет исключения. Организовать на телестудии конференцию знаменитых привидений или просверлить взглядом дыру в полуметровой бетонной стене могут многие, и это никому не нужно, но это приводит в восторг почтеннейшую публику, плохо представляющую себе, до какой степени наука сплела и перепутала понятия сказки и действительности. А вот попробуйте найти глубокую внутреннюю связь между сверлящим свойством взгляда и филологическими характеристиками слова «бетон», попробуйте решить эту маленькую частную проблемку, известную под названием Великой Проблемы Ауэрса!

АБС «ПНВС»

Юлия Евдокимовская

«Мост» Михеевой – технически очень любопытная вещь, сделанная многопоточно, от чего едет крыша, но при этом не слишком читательская. Изначально это фэнтези про мир, развернутый вокруг загадочного Моста, работающего волшебным маршрутизатором. В случае прохождения корабля в определенном месте, Мост позволяет путешествовать в разные миры и даже времена. Есть «кротовые норы» и в самом Мосте, изрезанном пространственными коридорами, словно сыр. Это не интерпретация Эверетта, потому что речь не идет о копиях и развилках решений, а, скорее, что-то в духе гибрида Отражений Амбера и, не знаю, Planescape Torment с идеей хаотичных порталов.

Чтобы управлять магией Моста и прокладывать пути, нужны особенные люди, и Михеева довольно интересно использует идею «детерминанты»

будущего, тем более сильной, чем сильнее магия внутри человека. Одна из героинь собрана из нескольких «отражений» мультиверса, поэтому неподвластна магии, что отличает ее от остальных. Фэнтези-часть обладает волшебством и одновременно приятной жестокостью, кучей интересных фишек. Мне понравились первые две повести, где встроенное в быт будущее подъедает настоящее, и усложнение морской романтики с помощью мультиверса. Отдельно меня позабавил финт с ученым/Принцессой, это было остроумно.

Но на этом автор не останавливается, набросив на два подмножества (множество миров + множество героев, собирающихся в новую личность) структурную сетку Рагнарека и разных игривых отсылок туда типа образов Одина, Локи и пр. (спираль Ё Мун Гэна, ну серьезно?). Я увидела не все, но хотя тема разрушения радужного, хрустального моста, маршрутизатора, Бивреста – это эпично, я не уверена, что эти аллюзии эффективно работают. Герои должны уничтожить Мост, чтобы создать Мост, это красиво. Но в «Мосте» ощущается сильная избыточность выбранной формы повествования, а разрыв еще усугубляется тем, что повести точно писались в разное время. Их основная эмоция совершенно разная, автор изменился, так что дополнительная «поточность» еще и в этом.

Завершается «Мост» частью, где магия превращается в забытую технологию, типа как у Джина Вулфа, но рассказывает это автор с помощью трех героинь, одна из которых продолжает жить в фэнтези-мире, другая ищет сломанный проход и еще один образ Отца в космосе, а третья – вообще девчина из Москвы, попавшая в переплет. Это вторжение реализма в фант конкретно меня дико отвратило, потому что я терпеть не могу бытовуху, меткие зарисовки с «живыми диалогами» в духе Наринэ Абгарян и все остальное, что обычно очень любят критики. В конце полифония утихомиривается, разрушение становится новым рождением, мостом, в том числе и между героинями разных поколений.

Я думала, почему Бран, он же из другой традиции. Что-то прямо зацепило, потом вспомнила: «Кто хочет быть вождем, пусть побудет мостом». Сделан «Мост» технично, но формы и скачков слишком много, это утомляет.

Мне третья повесть внезапно напомнила интервью Сорокина на тему фильма Хржановского: « Я спросил: Илья, объясните, что вы хотите? Он ответил: я хочу, чтобы там было вот, ну это, как бы... вообще ВСЁ! Тогда я сказал: Илья, это не ко мне. ВСЁ – я не могу». Ну вот в третьей части есть примерно ВСЕ, это и жанровый микс, и разбивка по потокам. По-моему, там даже отголоски «Я, хобо» есть, хотя могло показаться.

Жанна Пояркова

Когда я прочла «Мост», решила посмотреть, что писали про него критики на премии – и прямо дичайше угорела. Типовой отзыв: «это проза для умных», «читатель должен постараться и собрать пазл», дальше текстовый фарш, который критики используют, когда необходимо написать отзыв, не создавая отзыв. Ни одного внятного текста. Похоже, из написавших пазл никто не собрал.

Когда мне пишут, «это проза для умных», а потом даже толком не могут честно рассказать, о чем это вообще, в чем сложность, в чем фан – я всегда смеюсь над такими людьми, потому что как раз люблю фант для умных. Так бы и писали – ничего не понял. Может, кто-то пришел бы и пояснил. Ничего не понимать нормально, людей вообще трудно понять. Я вот половину, наверное, не поняла в «Мосте», хотя это не помешало, там что-то сугубо

локальное. В общем, текст явно заслуживал большего внимания, чем отписки.

Жанна Пояркова

Еще отмечу, что мне понравились небанальные иллюстрации к «Мосту», делала их Килгарра.

Жанна Пояркова

У меня произошел смешной конфуз. Я очень давно хотела прочитать продолжение «Рыцаря» Певеля, это дарк фант с аллюзиями на «Графа Монте Кристо» про рыцаря из башни Тьмы, зараженного этой тьмой. Написано очень просто, но меня зацепили основные образы и определенная наглость финала. Но продолжение не переводили, я ждала возможности с 2015 года – и вот начала читать ИИ-перевод L'Héritier («Наследник»).

Закончился «Рыцарь» жирным клиффхангером: главный герой, крутой нуарный рыцарь с печатью Зла на руке, сорвал продажу крепости могущественному врагу и вступил с ним в схватку, наплевав на приказы короля. И я ждала 11 лет, что же там дальше...

А «Наследник» – вообще от лица другого героя, наследника престола Алена, друга главного героя из первого тома! И сразу же текст мне сообщает, что главный герой первого тома умер! Судя по названию «Король», третий том вообще от лица короля. Обычный читатель во мне не выдержал и просто начал бегать по квартире. Какого черта? Певель, вот ты ублюдок мелкий! Куда ты дел Лорна? Я не этого ждала 11 лет в своей башне Тьмы! Не удивлюсь, если дальше рыцарь таинственно воскреснет, но оцените мои чувства. Отложила на неделю из-за детского батхерта.

Жанна Пояркова

Стоять в углу за проступок – это ещё цветочки: отзыв о книге «Бабушка сказала сидеть тихо» Настасьи Реньжиной

Прочитал психологический хоррор в духе «Похороните меня за плинтусом». Написано неплохо: здесь много положительных сторон, но отрицательные смазывают впечатление. Рассказываю обо всём по порядку.

О чём книга

Баба Зоя живёт одна, но регулярно печёт кому-то пирожки и поглядывает на шкаф. Соседки, с которыми она изредка ходит в лес по грибы-ягоды, подозревают, что их подруга немного сошла с ума от одиночества и уверовала в существование домового. Но в шкафу и правда кто-то живёт. Кто-то косматый, кто не умеет разговаривать, никогда не выходил из дома и даже не видел неба.

«Бог, привет. Как ты выглядишь сейчас? Я тебя попросить хочу. Маму твою бабушка Зоя не велит ни о чём просить, а про тебя ничего не говорила. Так вот. Ты послушай, а там уж сам решай, выполнять или нет. Дай мне больше дней за домом. Дай мне больше трав и неба. Больше солнца. Больше бабочек и жуков. Больше этого всего. Мало мне дома. Мало мне бабушки Зои. И шкаф мне тоже уже мал».

Мнение о книге

Атмосфера передана хорошо. Регулярно возникали противоречивые чувства: то было тепло на душе от деревенского быта, то сердце щемило от мрачной, вязкой, беспросветной безысходности. Понравилось, как постепенно нарастает саспенс. Сначала было любопытно, кого бабушка скрывает в шкафу, и не вымысел ли это больного рассудка и одинокой души. Затем стало горько от прогрессирующего безумия бабушки и жестокости сцен.

Понравились герои: их история, мотивы, желания, особенности характера и речи. Несмотря на жестокие поступки бабу Зою было жаль: страшно, когда реальность искажается, и злые деяния кажутся благими.

Но не всё в произведении передано отлично. Уже читал похожую книгу – «Мизери» Стивена Кинга. Там филигранно переданы безысходность и экзистенциальный страх за героя. Вот именно последнего ощущения мне не хватило в «Бабушка сказала сидеть тихо». Я понимал, что читаю дикие вещи, но как будто наблюдал их со стороны и не погрузился в ситуацию.

«Крохотный деревянный Божий дом прилепился к кладбищу, год за годом подгнивал, валился на правый бок, никем не ремонтировался. Со стороны казалось, что церковь стесняется соседства своего и пытается сбежать».

В описании книги заявлен жанр «русская хтонь». Мне кажется, произведению не хватает глубины контекста для такого жанра. Само место в русской хтони должно быть запустелым, серым, угрюмым, а перед нами обычная деревня с красивой природой и налаженным бытом – у бабушки даже двор был, за которым она ухаживала и который её кормил. Должно быть наоборот: в деревне разруха, людям нечем заняться, уехать они не могут, вот и сходят с ума. Такой контекст места усилил бы ощущение безысходности. Но в книге иначе. Бабушка с тем же успехом могла обезумить и в городе, а «русская хтонь» здесь – просто штамп для коммерческого успеха.

«Вот так живёшь себе живёшь, копишь-копишь, покупаешь-покупаешь, а потом всю свою жизнь узелок в один собираешь».

Книга наделала шума: здесь неоднозначный жанр, темы, герои, решения автора. Если любите хорроры и произведения, которые выбиваются из привычных, можно попробовать почитать.

Алексей Пак

24 сентября:

666 рассказов. «Сон манекена» (Dream of a Mannikin, 1982) от одного из самых уважаемых современных писателей хоррора американца **Томаса Лиготти** (Thomas Ligotti, 1953 г.р.) из авторского сборника «Песни мёртвого сновидца» (1986).

Лиготти – сложный автор. Прямой последователь Лавкрафта, творец неповторимой мрачной атмосферы, уделяющий созданию этой атмосферы больше сил, чем сюжету, он не всем будет по вкусу. Тяжёлое, ветвистое, насыщенное метафорами повествование с философскими отступлениями и цитатами тоже может отпугнуть читателя. Но лучшие рассказы Лиготти без сомнения являются шедеврами тёмной литературы.

Сновидческий рассказ «Сон манекена» представлен в виде длинного письма психоаналитика , описывающего свои наблюдения за девушкой по имени Эми Локер. Эми приснился сложный по структуре кошмар, во сне она работает в магазине одежды, где постоянно меняет одежду на

манекенах; вернувшись домой, альтер-эго Эми засыпает и видит кошмар с участием этих манекенов.

...Она по-прежнему не в силах обернуться, суставы и все тело одеревенели. Может, получится закричать, думает она и делает попытку. Ничего не выходит, потому что рот ей уже зажала ладонь, уверенная, еле теплая. Ощущение от пальцев на губах спящей – как от толстых пастельных мелков. Затем она видит, как из-за ее левого плеча вытягивается длинная тонкая рука и трясет у нее перед носом какими-то грязными обносками, «заставляя их плясать». И в этот момент бесстрастный шипящий голос шепчет ей в ухо: «Пора просыпаться, куколка».Спящая пытается отвести взгляд – только глаза её и слушаются. Тут она впервые замечает, что в комнате повсюду – в затенённых местах – лежат люди, одетые как куклы. Их тела осели, рты широко разинуты. Они не выглядят живыми. Некоторые и вправду обратились в кукол, их плоть утратила податливость, глаза – влажный блеск. Другие пребывают в различных промежуточных состояниях между человеком и куклой. Спящая с ужасом осознает, что и её рот широко открыт и почти не закрывается...

Перевод Владислава Женевского

Анализируя сон, психоаналитик-рассказчик всё больше понимает, что и сам становится объектом странной игры.

Будьте готовы не только к яркому описанию ужасных видений, но и к философско-психологическим рассуждениям о реальности разных миров (не обошлось без «затасканной», как пишет Лиготти, притче о сне Чжуан-цзы про бабочку), о реальности, истинности собственного «я», о свободе воли.

Жизнь в облике безвольной марионетки – один из самых страшных кошмаров современного человека. Я существую! – почти кричит герой рассказа.

В конце концов, кошмарное чувство нереального намного чаще возникает (у некоторых людей) в рамках того, что мы называем человеческой «реальностью», чем в человеческих снах, где все абсолютно реально.

Глубокий рассказ, который хоть и относится к раннему периоду творчества Лиготти, но входит в число его лучших произведений. На русском впервые вышел в виде сетевой публикации в «Даркере» в 2014 году. Дважды номинировался на Книгу года по версии Фантлаба, сначала в категории «Лучшая сетевая публикация. Малая форма» (2014), повторно – в 2018 году (как «Лучшая повесть / рассказ зарубежного автора») после выхода сборника Лиготти в «Мастерах ужасов».

Произведение включалось в антологии Tales by Moonlight II (1989), To Sleep, Perchance to Dream ... Nightmare (1993).

Рассказ адаптирован сценаристом Стюартом Муром и художником Беном Темплсмитом (его наиболее известная работа – «30 дней ночи») для сборника комиксов по произведениям Лиготти The Nightmare Factory (2007)

Вертер де Гёте

То, что ещё недавно считалось фантастикой, становится привычной частью нашей жизни. Роботами и искусственным интеллектом уже, кажется, никого не удивить. Но пока мы дружно ждём восстания машин, в экспертных кругах всерьёз обсуждают солнечную геоинженерию – технологии, позволяющие отразить часть солнечного света и таким образом временно снизить температуру Земли.

При этом фантасты рассматривали подобные проекты задолго до того, как ими всерьёз заинтересовались современные политики и климатологи. Причём причины немного прикрутить яркость

у них находились самые разные: спасение от глобального потепления, защита от солнечной бури, война с машинами и, разумеется, возможность превратить управление климатом в инструмент геополитики.

Вот лишь несколько примеров:

Махиро Маэда – «Второй Ренессанс» (The Second Renaissance, 2003), часть альманаха «Анимматрица».

Во время войны с машинами человечество проводит операцию «Тёмный шторм»: небо покрывают завесой из наночастиц, которая блокирует солнечный свет. Расчёт прост – лишить врага главного источника энергии. Как и положено, последствия реализации отличного плана оказались чуть хуже ожидаемых: вместе с машинами без Солнца осталась и земная биосфера.

Пон Джун-хо – «Сквозь снег» (Snowpiercer, 2013).

Здесь человечество ведёт борьбу с глобальным потеплением. В атмосферу распыляют вещество, отражающее часть солнечного света. На этот раз всё работает как нельзя лучше: температура падает настолько, что планета превращается в ледяную пустыню.

Ким Стэнли Робинсон – «Министерство будущего» (The Ministry for the Future, 2020).

После чудовищной волны жары Индия решает применить солнечную геоинженерию в одностороннем порядке: самолёты распыляют в стратосфере диоксид серы. Частицы должны отразить часть солнечного излучения и временно охладить планету, имитируя эффект крупного вулканического извержения. Здесь описан практически тот же принцип, который обсуждается в реальности.

Нил Стивенсон – «Синдром отката» (Termination Shock, 2021).

Техасский миллиардер решает не ждать международного согласия и строит гигантскую пушку, забрасывающую серу в стратосферу. Идея та же: создать отражающий аэрозольный слой и охладить Землю. Проблема в том, что изменение климата оказывается выгодным одним странам и крайне неприятным для других – и геоинженерия превращается в геополитику.

Артур Кларк и Стивен Бакстер – «Солнечная буря» (Sunstorm, 2005).

Земле угрожает чудовищная солнечная буря, способная уничтожить жизнь на планете, поэтому между Землёй и Солнцем, в районе точки Лагранжа, строят гигантский космический экран диаметром примерно с Землю. Его задача – отклонить опасное солнечное излучение, буквально прикрыв собой планету.

RocketMan

Зачем это вообще смотреть?

Как зачем? Я смотрю это не столько в логике бинарной эстетической оценки «нравится / не нравится», сколько как любопытный пример историко-культурной герменевтики. В данном случае интересно не только то, насколько удачно авторы экранизируют конкретный литературный текст, но и то, каким образом один и тот же нарратив переинтерпретируется субъектами, принадлежащими к различным историческим, политическим и социально-психологическим контекстам.

Любая подобная адаптация неизбежно становится не просто переносом фабулы из одной медиальной формы в другую, а своеобразным диагностическим инструментом эпохи. Меняется историческая дистанция, меняется коллективный опыт, меняются политические фобии и ожидания, представления о власти, насилии, прогрессе, от-

ветственности интеллектуала и вообще о пределах рационального воздействия на общество. Соответственно, меняется и сама оптика, через которую интерпретируется исходное произведение.

Поэтому мне, например, интересно наблюдать не только за Руматой как персонажем, но и за тем, какого Румату конструирует современная культурная среда. Какие черты исходного текста нынешние авторы актуализируют, какие редуцируют, какие переосмысливают, а какие, возможно, бессознательно проецируют на него из собственного социального опыта.

Здесь возникает уже целый набор вопросов из области политической антропологии и социальной психологии: как разные поколения понимают модернизацию; насколько меняется отношение к патернализму; где проходит граница между просветительской миссией и насильственным социальным конструированием; каким образом воспринимается фигура наблюдателя, который обладает технологическим и интеллектуальным превосходством, но ограничен этически и институционально; наконец, как трансформируется представление о «нормальном» историческом развитии вообще.

В таком смысле экранизация интересна даже тогда, когда она спорная или местами просто неудачная. Неудача тоже является материалом для анализа, потому что показывает разрыв между исходным текстом, культурной памятью о нём и актуальным горизонтом ожиданий новой аудитории.

Поэтому вопрос «зачем это вообще смотреть?» для меня имеет довольно простой ответ: чтобы сравнить, что одна и та же история говорит людям двух разных эпох. И что люди двух разных эпох пытаются посредством этой истории сказать о самих себе...

RocketMan

После просмотра 7 серии «Трудно быть богом»...

RocketMan

25 сентября:

Избыток пустоты, дефицит смысла

(Продолжение поста “Аццкие Стругацкие”)

Задумайтесь над таким тезисом:

Если массовым интересом стал научно-популярный канал Discovery – у общества еще есть шанс. Но если массовым интересом оказались Кашпировский, Чумак и им подобные – пиши пропало.

Этот парадокс до сих пор остается необъясненным: после распада СССР бывший советский человек дружно бросился в мракобесие, как будто не было ни советского воспитания, ни “лучшего в мире” советского образования. Что, собственно, ему, человеку, понадобилось в мракобесии?

Распад СССР был также и распадом смыслов, которыми жили сотни миллионов людей. Когда у людей отняли смысл, они, не успев сориентироваться,

подхватили первую же яркую, простую и пустую замену. Ушлые паразиты быстро смекнули, что можно погреть руки, заполняя вакуум смысла всякой чушью. Дважды. Трижды. Много раз!

В России 1900х годов паразитами оказались кашпировские.

А во всем мире – постмодернисты.

Так называемое "современное искусство" (contemporary art) – всё сплошь стоит на пустоте постмодерна. И чтобы ему стоять и не падать, оно ("искусство") проявляет дивную изворотливость в подмене смыслов, часто – в агрессивной форме, по тактике голого короля: не смей называть короля голым, потому что будешь высмеян как глупый и недалекий мещанин, ведь *платье на самом деле, по-настоящему, правда-правда есть*, а вы, смерды, ничего не понимаете.

Оставим в стороне Умберто Эко с его "Именем розы" и какого-нибудь условного Сорокина. Эко я читал, и там кроме постмодернизма есть еще конструктивное и осмысленное наполнение. Сорокина я не читал, но поверю другим.

Но не оставим в стороне 99% всего остального, что относят к постмодернизму. Когда выяснилось, что дорогами цинизма, нигилизма и ниспровержения былых идеалов можно быстро "прийти к успеху" (к вниманию, деньгам) – быстрее, чем если что-то создавать, – по этим постмодерновым дорогам ломанулись массы кашпировских, и особенно – всякого рода паразиты и шарлатаны от исскусства.

Постмодернизм оказался прекрасной ширмой: всегда можно сказать, что оппонент – недалекий идиот, и переинтерпретировать свой "результат" в какую угодно сторону. А еще лучше – повторять много раз, чтобы развить у человека орган двоемыслия по методу Большого Брата. Тогда вместо пустоты двоемыслящий человек начнет видеть что-то, даже то, чего там нет.

"Пелевина уже отнесли к классикам. А классики отнесли его обратно". (Автор неизвестен)

Но обман не может длиться долго. Аврааму Линкольну приписывается следующая цитата:

"Вы можете постоянно обманывать несколько человек или некоторое время всех людей, но вы не можете обманывать все время всех людей".

И сегодня мы видим, как люди начинают просыпаться, потому что суррогат смысла не может их удовлетворить. На длинной дистанции они чувствуют, что им чего-то не хватает. Что где-то их обманывают. И они пытаются понять – хоть и не понимают, что пытаются. Конечно, со всех сторон в кормушку подсыпают новый суррогат – контент всяческого рода, короткий дофамин, а сейчас вот и псевдопродукт искусственного интеллекта, но кому-то все же удается из этого болота вынырнуть.

И оказывается, что смысл стал дефицитом.

Итак, тезис #2:

Писатель, претендующий на позицию "новых Стругацких", должен создавать смыслы, а не заниматься постмодернистской подменой оных суррогатами и симулякрами.

Да: смысла в жизни нет. Да: мы – результат случайных процессов, не имеющих цели. Но мы – самураи, у которых есть путь, и мы должны сами придумать себе смысл существования.

Внемлите, что я вам изрек:

Человек – это животное, которое придумывает себе смысл существования.

Однако и на этом анализ "новых Стругацких" мы не закончили. Мы даже не покончили с постмодернизмом (а пора бы!). И снова: чтобы достичь тех же высот, потенциальный великий писатель не может писать как средний графоман. И нет смысла

брать те же темы, которые интересуют графоманов. Нужен какой-то новый подход, новый голос, новый взгляд. А это еще сложнее, чем.

Продолжение следует.

Александр Гранин

Лавандовый раф в мире хоррора: «Проклятая земля», Светлана Тюльбашева

Как я и думала – главной страшилкой в этом романе оказалась инфантильность главного героя, который вбухал весь семейный бюджет в строительство глэмпинга, но даже не в состоянии внятно посчитать его окупаемость. А если бы он еще в казино играл, вот это было бы комбо...

По тексту у меня сложилось ощущение, что Светлана Тюльбашева рассчитывала, что у нее купят права на экранизацию этой книги, и писала её именно под фильм (или сериал, учитывая растянутый объем). Главы по мере развития событий становятся все короче, а фокус повествования стремительно скачет с одних героев на других. Только ловишь мизерное напряжение от одной сцены, как она обрывается, и ты уже оказываешься с другими героями, у которых ничего не происходит. Ну, например, героиня закричала, но что она увидела – это мы узнаем через главу. В кинематографе это работает, но в книге бесит, особенно, когда главы по паре страниц.

В итоге роман больше похож на новеллизацию фильма, которые я, к слову, презираю всей душой.

При этом не отрицаю, что образы, которые использует Светлана Тюльбашева, будут неплохо смотреться на экране. Тем более похожие мы уже видели и убедились, что они могут отлично работать, например, маленькая девочка с чрезмерным макияжем и желтыми зубами (привет, «Дитя Тьмы» и тетя Глэдис из «Орудий»).

Признаться, я была предвзятым читателем и очень хотела, чтобы книга мне понравилась, потому что отлично провела время с первым романом Светланы и сильно ждала, что она напишет дальше. Издатели, наверное, тоже ждали и торопили на фоне успеха предыдущей книги, в итоге писательнице, возможно, не хватило времени придумать что-то более оригинальное, потому что сюжет представляет собой компиляцию идей и образов со всего интернета: от страшилок про старинные усадьбы до карикатурной жизни айтишника в Тредс (экстремистский твиттер).

Главы про ведьму из Асташово невероятно унылые, хотелось их скорее пролистать. Можно было всю линию уложить в одну большую главу, уж не настолько клиповое мышление у современного читателя, чтобы так дробить на кучу маленьких глав и еще разносить их по всему роману.

С печалью подытожу: «Проклятая земля» – это ужастик для тех, кто вообще этот жанр никогда не читал или читал минимально – в основном то, о чем сильно шумит букток, и пропустить было бы моветоном.

Не то чтобы после «Леса» я ждала, что Светлана Тюльбашева спустится к нам в ~~чертоги ада~~ хоррор-подполье, но, может быть, в глубине души, учитывая развязку «Леса», чуть-чуть надеялась, что она пойдет глубже в жанр, но она выбрала «массмаркет».

Александра Прохорова

Мэтт Хейг «Полночный поезд» (Лайвбук, пер. Наили Агдеевой. Аудиоверсию издательства Вимбо читает Григорий Перель)

Несколько лет назад вышла «Полночная библиотека» (пер. Ксении Чистопольской) и стала лонгселлером по всему миру. При всей незамысловатости

философского посыла книга о перемене участи предсказуемо понравилась читателям, в сюжете была та самая опора в нестабильные времена – идеальный рецепт для ковидных лет, за которыми последовали все прочие непростые годы.

В этом году коллеги из Лайвбука заявили в новинках историю, которая так же последовательно стала одной из самых ожидаемых книг года. В первой книге 35-летняя преподавательница музыки Нора оказывается между жизнью и смертью и, бродя среди бесконечных стеллажей мистической библиотеки, размышляла о том, как стать лучшей версией себя, когда не знаешь, что именно для тебя лучше. Каждый раз Нора попадала в ту ветку реальности, которая могла бы ее устроить, но вечно что-то шло не так, потому что проблема, как водится, была не в кирпиче, а морде. Как только героиня сделала правильные выводы о себе и своем месте в любой точке экзистанса, все наладилось.

Во второй книге Нора появляется в качестве камео, а главный герой, очень пожилой владелец книжной империи Уилбур Бадд, находится скорее между смертью и жизнью. И вынужден не то распутать, не то разрубить несколько узелков, завязавшихся на разных этапах его судьбы, начиная с нищего поствоенного детства, заканчивая довольно благополучной – но, увы! – неудовлетворительной с моральной точки зрения старостью.

Нора перебирала фрагменты непрожитых жизней в поисках самоидентичности. Уилбур идет обратной дорогой, с помощью волшебного железнодорожного маршрута разбираясь, как он из славного в целом малого, влюбленного в лучшую на свете женщину и в лучшую на свете индустрию, стал Эбенезером Скруджем на минималках: потерял друзей, потерял любимую, потерял вкус к чтению, приобретя масштабированный бизнес. Отметим, что «Полночный поезд» изумительно интертекстуален и внимательному читателю послужит как спонтанная библиография. Из воспоминаний Уиллбора по крупицам собирается внушительный список приятных вещиц.

С одной стороны, Хейгу было не избежать сравнения с предыдущим романом (уверена, автору все равно и у него будут еще книги о смысле жизни и вообще в той же метавселенной): нет той остроты, читателю нужна куда большая доза радости и, возможно, выводы помощнее. С другой – художественный селфхелп решает иные задачи: некоторая предсказуемость в случае Хейга гарантирует оправдание 100% ожиданий. Истории о семейных ценностях и многотрудной работе души, когда налаживаешь (или в случае Уилбура разрушаешь) то нематериальное, что у тебя есть, всегда работают как легкое успокоительное, особенно после наступления осеннего равноденствия. Обе книги Хейга скорее терапевтические сказки, чем литература об очищающем страдании без надежды и чаяния. В отличие от Норы, Уилбур оглядывается на уже прожитую жизнь, напоминая расхожий троп об опросах, которые вроде бы проводили в хосписах. Чаще всего умирающие сожалели о разорванных отношениях, неслучившихся путешествиях и ненакопленных впечатлениях. Амбиции оказывались мертвым грузом, и даже Александра Македонского, по легенде, хоронили с пустыми руками, обращенными ладонями к небу. Но был ли он счастлив в своем одиноком величии?

Анастасия Шевченко

Девять принцев Амбера
Роджер Желязны

При маркировке 16+ книгу явно стоит взять в руки более юным читателям: событий много, слог

простой и прямолинейный, жестокости поданы без смакования, а единственная интимная сцена описана одной обтекаемой фразой, не отвлекая читателя от простой и честолюбивой цели главного героя.

В борьбе за трон Амбера мы следуем извилистой дорогой принца Корвина, который принимает свою многочисленную семейку такой, какая она есть. А есть она такая, что каждый из братьев видит на троне себя любимого, и Корвин – не исключение. Если надо убить – убьет, если самому придется гнить в подземелье – проклянет обидчика, но даст заковать себя в цепи. Dura lex, sed lex. Сестрички у него тоже есть, но женские персонажи, по крайней мере в первом романе цикла, проработаны слабо, не тянут даже на тени основных игроков.

Девять принцев Амбера – первая книга цикла «Хроники Амбера» – заканчивается крючком, после которого следует сразу открывать второй том, так как автор останавливается на самом интересном месте, и читательского катарсиса не случается: срочно требуется продолжение.

Свои находки при всей простоте и прямолинейности здесь есть.

Мощный приход с колодой карт. В целом по ходу повествования колода карт является сильным сюжетообразующим элементом, и играет эта придумка хорошо, разве что в финале несколько избыточна, как мне показалось: уж слишком легко герой выпутался из своей передряги.

Про тьму не буду описывать, чтоб не спойлерить. Сильно.

Интересно придумано про Тени королевства – миры, которые не являются истинными, в том числе и наша Земля.

Читателя из нашей необъятной страны может отдельно порадовать упоминание русских в романе американского писателя («И тут мне вспомнилась зима нашей русской военной кампании, закончившейся полным поражением»)

Поскольку часть своей истории Корвин отмотал на Земле, при всей фантастичности Желязновского мира нашлись здесь привязки к нашему бренному эпосу: герой вспоминает конкретные исторические сцены мировых войн, слушает Зеленые рукава, читал Графа Монте-Кристо и отказывается уподобляться романтическому герою.

Знаю, многие выросли на романах этого цикла, и искренно сожалею, что мне книга попалась только сейчас. Если кому-то нужна история в отпуск, то смело можно брать Хроники Амбера. Главное в них – глагол, то есть действие.

Не то чтобы я был плох, нет. Я чертовски хороший фехтовальщик. Просто он был еще лучше.

(Типичная цитата романа)

Быть принцем Амбера – значит всегда быть гордым, бесконечно одиноким, не доверять никому.

(Прям вижу, как это цедит подросток, весь в черном, челка лезет на глаза, на зелёном лице – презрение ко всему)

Амбер, самый величественный город, который когда-либо был или будет. Амбер был всегда и пребудет вовеки; любой другой город в любой точке времени и пространства – лишь отражение, бледная тень одного из мгновений жизни Амбера.

(После Муровского Иерусалима у меня сильно задрана планка восхищения каким-либо городом. Нет, не так об этом надо писать. Хотя если сжать Иерусалим до нескольких слов – то, пожалуйста, можно пересказать его именно так).

Юлия Евдокимовская

26 сентября:

Думал сегодня про этот сериал опять, про один эпизод, и про особенности фантастической композиции.

Фантасты немного ситхи – они любит работать с абсолютами. Все эти родимые пятна Золотого века, делающие Супермена Суперменом, – это одно, но куда ярче и ненаивнее раскрывается тема табу. И тут есть два композиционных подхода.

Один – ну вот взять «Трудно быть богом» братьев Стругацких. Земным наблюдателям запрещено причинять кому бы то ни было вред. Это такое абсолютное табу общества Полудня, сродни ахимсе, хотя охота в этом обществе есть, то есть на животных оно не распространяется, – но на людей вполне. Сам погибни, но другого разумного не тронь. Мы это понимаем, когда читаем «ТББ», почти сразу – на эту тему есть эпиграф из «Пятой колонны» Эрнеста Хемингуэя:

Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах...

Собственно, вся композиция книги строится вокруг этого табу, оно же – не столько табу, сколько нравственные убеждения Руматы и его соотечественников. Всю книгу Румата мирится с жестокостью арканарского условного средневековья – и сдерживается. И только в самом конце, когда убивают Киру, Румата не выдерживает. Происходит, я назову это так, событие 491. (Был такой венгерский фильм в 1960-е. Его название отсылает к Евангелию: Иисус требует прощать не до семи, но до семижды семидесяти раз. 7 * 70 = 490, а событие 491 – это когда человек перестает прощать. Понятно, что в устах Иисуса «семижды семьдесят» означает «до бесконечности».)

В такой композиции нарушение табу – это мощная кода. Она бьет, потому что всю дорогу, весь текст, весь роман герой держался. Так построены многие тексты, вообще говоря.

Сериал «Трудно быть богом» построен совершенно по-другому. Нам прямым текстом говорят в начале, на титрах, что убивать этим вот людям нельзя. И в первой же серии дон Кондор, едва вернувшись в Арканар с Руматой, первым делом убивает предателя, из-за которого погиб герой Леонида Ярмольника. Убивает как-то даже рутинно, не стесняясь Руматы, и если первое может объясниться, я подозреваю, сюжетом, второе – из серии идиотизмов, убивающих сюжет; дон Кондор вроде не идиот, чтобы вот так сходу на глазах у новичка нарушить главное табу всего общества.

То есть: второй способ играть с нарушением табу – нарушить его сразу. Так делают очень редко. Но я вспомнил, что именно это происходит в классическом тексте, правда, не в начале вообще, но почти сразу, как нам об этом табу рассказывают. Это «Тигр! Тигр!» Альфреда Бестера. Напомню, общество там построено на всеобщей телепортации, которая называется «джантирование» или «джантация». Третья глава, описание жилища олигарха:

Преданный принципу показной расточительности, на котором основано все общество, Престейн из Престейнов держал в своем колоссальном особняке в Центральном Парке внутренние телефоны, кухонные лифты и другие экономящие труд приспособления, исчезнувшие за ненадобностью с появлением джантации. Многочисленные слуги покорно ходили из комнаты в комнату, открывая и закрывая двери и взбираясь по лестницам.

То есть – элиты не джантируют. Это их способ conspicuous consumption, потребления напоказ. Они могут позволить себе, так сказать.

Но уже через пару страниц...

– Я хочу напомнить, что в девять состоится церемония запуска. С ванкуверских стапелей сходит корабль, престейновская «Принцесса». Установление трехмерного контакта со стапелями займет некоторое время, так что нам лучше...

– Я буду присутствовать лично.

– Лично! – поперхнулся советник. – Но мы не можем за час долететь до Ванкувера, Престейн. Мы...

– Я джантирую! – рявкнул Престейн из Престейнов. Таково было его возбуждение.

Всё, табу конец. Моментально. Описано – и нарушено.

Мне эта нота в «Тигре» всегда казалась фальшивой. И кажется фальшивой в «ТББ»-сериале. Но ведь наверняка есть другие мнения. Кто-нибудь впечатлился решением Престейна из Престейнов? Убийством, совершенным доном Кондором?

Николай Караев

Трагедия нашего времени, что young adult вытеснил научную фантастику. Видимо, кто-то начал печатать: «НФ», но раскладку переключить забыл, и получилось «YA». И подумал: зачем, действительно, нужна НФ, заставляющая читателя думать, когда можно его катать на эмоциях с помощью YA.

Александр Гранин

Не завидуйте их реактивному ранцу: о прогнозах писателей-фантастов

Все лгут

Будущего нет. Точнее, нет одного-единственного заранее предопределенного будущего: это бесконечный веер расходящихся вероятностей, где возможно все, что не противоречит фундаментальным законам природы. Любой, кто в силу своей профессии вынужден ориентироваться на прогнозы – политик, биржевой брокер, физик, исследующий поведение элементарных частиц, – работает с вероятностями: с такими-то шансами доллар упадет на завтрашних торгах, а электрон перейдет на другую орбиту. Если человек пытается убедить нас, что некое событие произойдет со стопроцентной вероятностью, – он или мошенник, или сумасшедший, или и то и другое одновременно.

Но в этом правиле есть исключение: писатели-фантасты.

Прогнозируя будущее, фантасты врут напропалую, заливисто, увлеченно, иногда вполне убедительно и правдоподобно.

Что, в общем, логично – как говорил герой Тима Рота в телесериале «Обмани меня»: «Everybody lies». Парадоксально другое: кроме совсем уж терминальных случаев, они, разумеется, прекрасно понимают, что лгут. И мы понимаем, что они понимают, – но все равно продолжаем прислушиваться к этим прогнозам, всерьез их обсуждаем, иногда даже верим. Почему бы нет? В конце концов, ошибочные предсказания фантастов (то есть подавляющее большинство) никому не наносят вреда – даже самим фантастам. В этот момент мы обычно вспоминаем, что пишут они все-таки не масштабный бизнес-план на несколько десятилетий, а «литературу крылатой мечты» – ну и какой спрос с литературы?

Истории будущего

Конечно, так было не всегда. Современные фантасты, наученные горьким опытом предшественников, избегают называть в своих беллетристических «сценариях будущего» точные даты – не без исключений (например, покойный Вернор Виндж, математик и писатель-фантаст, консультант НАСА и Пентагона, уверенно пророчил

наступление технологической сингулярности «не позднее 2024 года»), но как правило. А вот классики золотого века англо-американской НФ, писатели 1930–1950-х годов, в этом смысле гораздо прямолинейнее.

Согласно хронологии Роберта Хайнлайна, развернутой в цикле повестей и рассказов «История будущего» (Future History, 1939–1953), в 1960 году в США должна была начать работу первая в мире механическая дорога – и к 1976-му превратиться в главное средство наземного передвижения. В 1978 году в этом альтернативном мире люди впервые высаживаются на Луне, а к началу 1980-х создают на естественном спутнике Земли несколько поселений, включая густонаселенный город Луна-Сити. К началу двадцать первого века человечество активно осваивает Солнечную систему, а в 2020-м колонисты на Венере получают полную независимость от Земли согласно конвенции Четырех планет. Что, однако, не мешает росту религиозного фанатизма и установлению в США теократической диктатуры, которая продержится до 2050 года.

По прогнозу Айзека Азимова, сделанному в цикле рассказов «Я, робот» (I, Robot, 1940–1950), в 1982 году в Америке должно было начаться массовое промышленное производство роботов с позитронным «мозгом», то есть «платиново-иридиевым шаром размером с человеческий мозг». Первый подвижный говорящий робот у Азимова изобретен в 2002 году, однако между 2003-м и 2007-м использование таких машин на Земле запрещено большинством правительств. Вот в космосе – другое дело, тем более что освоение Солнечной системы к этому моменту идет полным ходом, обитаемые станции и механизированные заводы заполняют космическое пространство, а на планетах и спутниках налажена добыча полезных ископаемых.

Третий участник Большой Тройки англо-американских фантастов золотого века Артур Кларк не просто приводил конкретные даты в своих рассказах и романах, но и выступал как профессиональный футуролог. Его книга «Черты будущего» (Profiles of the Future. An Inquiry into the Limits of the Possible, 1962), снабженная хронологическими таблицами, вышла в СССР в 1966 году, в серии «В мире науки и техники» издательства «Мир». Перечитывать ее сегодня особенно занятно: по версии Кларка, например, на рубеже веков человечество должно было создать полноценный искусственный интеллект и начать заселение ближайших планет, к 2010-му научиться управлять наследственностью, а в районе 2020-го – еще и земным климатом.

В «Марсианских хрониках» (The Martian Chronicles, 1950) Рэя Брэдбери основные вехи «истории будущего» привязаны не только к конкретным годам, но и к определенным месяцам. В феврале 1999 года на Марс прибывает Первая экспедиция землян, а уже в августе 2001-го начинается массовая эмиграция. И, в общем, своевременно: через четверть века, в августе 2026-го, земную цивилизацию уничтожит ядерная война – именно в первые дни после Апокалипсиса разворачивается действие одного из самых страшных и самых запоминающихся рассказов Брэдбери «Будет ласковый дождь...» (August 2026: There Will Come Soft Rains, 1950). В более поздних изданиях автор добавил оптимизма и перенес действие рассказа на 2057 год.

С советскими фантастами сложнее: они давали развернутую панораму строительства «мира будущего» с точной хронологической привязкой гораздо реже своих западных коллег. Исключениями тут, как и во многом другом, стали Аркадий и Борис Стругацкие. Братья-соавторы неосмотрительно указали несколько дат в ранних произведениях о Мире

Полудня, но быстро отказались от этой практики – прежде всего из соображений художественной достоверности. Но было уже поздно: этой скудной информации хватило исследователям их творчества, чтобы с высокой точностью восстановить последовательность событий. Точнее, существует даже несколько версий «хронологии Мира Полудня» – но все источники сходятся на том, что первая экспедиция на Венеру должна была состояться в 1991 году («Страна Багровых туч», 1959), к 2001-му космические станции и орбитальные поселения щедро раскиданы по всей Солнечной системе («Путь на Амальтею», 1960), а к 2011-му на Марсе уже действует несколько больших научно-исследовательских колоний («Стажеры», 1962). В 2017-2018-м к звездам отправляются первые космические экспедиции («Полдень, XXII век», 1962), а в 2019-м капитализм на Земле доживает последние сладкие денёчки («Хищные вещи века», 1965). Как нетрудно заметить, все эти даты мы с вами уже давно пережили, а фотонного планетолета «Хиус» за окном что-то не видать.

Мировая революция и глобальная катастрофа

Оптимизм братьев Стругацких вполне понятен. Только что первый искусственный спутник (советский!) вышел на орбиту Земли, первый человек (советский!!!) побывал за пределами стратосферы, освоение Солнечной системы казалось вполне логичным следующим шагом – по крайней мере, людям, далеким от практики ракетостроения. Как писал в 1960 году другой фантаст (и будущий диссидент) Владимир Войнович:

«Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды».

Собственно, это один из универсальных принципов построения литературных «сценариев будущего»: прогнозы фантастов редко сбываются, зато часто отражают текущую повестку, настроения, доминирующие в обществе. К примеру, ранняя советская фантастика грезила мировой революцией: писатели первой в мире страны рабочих и крестьян, от Ярослава Окунева («Грядущий мир», 1923) до Александра Беляева («Властелин мира», 1926), не сомневались, что вооруженное восстание пролетариата во всех странах неизбежно буквально в ближайшие годы, это абсолютно необходимо для построения общества будущего. Однако после 1927 года, когда главный евангелист этого сценария Лев Троцкий проиграл внутрипартийную борьбу и потерял влияние, мировая революция как-то незаметно исчезла со страниц фантастических рассказов и романов, и больше о ней в СССР не вспоминали.

Другой показательный пример – апокалиптические настроения 1960–1970-х, которые нашли отражение в англо-американской фантастике тех лет. Особенно резко депрессия накрыла британских авторов Новой волны и сочувствующих писателей. Дж. Г. Баллард, например, умудрился с небольшим перерывом написать два романа о стихийных катастрофах ближайшего будущего с прямо противоположным посылом: в «Затонувшем мире» (The Drowned World, 1962) Земля страдает от избытка воды, а в «Выжженном мире» (The Drought, 1964), как нетрудно догадаться по названию, – от недостатка. В «Седой Бороде» (Greybeard, 1964) Брайана Олдисса человечество понемногу вымирает, охваченное эпидемией бесплодия, а в его же романе «Босиком в голове» (Barefoot in the Head, 1969) Европа распадается и деградирует после войны с применением боевых психоделиков. Самый успешный цикл Джона Браннера, включающий романы «Всем стоять на Занзибаре» (Stand on Zanzibar, 1968), «Овцы смотрят вверх» (The Sheep Look Up, 1972) и «На волне

шока» (The Shockwave Rider, 1975), и вовсе основан на исследованиях Римского клуба, группы ученых, политиков и экономистов шестидесятых, которые предлагали целый спектр катастрофических сценариев развития человечества. Демографическая катастрофа, экологическая катастрофа, общество тотального цифрового контроля, общество сверхпотребления и так далее, на любой вкус. Станислав Лем, сам не бог весть какой оптимист, ядовито иронизировал по этому поводу в «Футурологическом конгрессе» (Kongres futurologiczny. Ze wspomnień Ijona Tichego, 1970):

«На возвышении красовалась повестка дня, обрамленная зеленью; первым пунктом шла глобальная урбанистическая катастрофа, вторым – катастрофа экологическая, затем – климатическая, энергетическая и продовольственная, после чего обещан был перерыв. Военная, технологическая и политическая катастрофы откладывались на другой день, вместе с дискуссией на свободные темы.

Докладчику отводилось четыре минуты – многовато, пожалуй, ведь было заявлено 198 докладов из 64 стран. Для экономии времени доклады надлежало изучить заранее, а оратор лишь называл цифры – номера ключевых абзацев своего реферата. Чтобы лучше усвоить эту премудрость, мы включили карманные магнитофоны и мини-компьютеры; между ними должна была завязаться потом основная дискуссия. Стенли Хейзлтон из США сразу ошеломил зал, отчеканив: 4, 6, 11, откуда следует 22; 5, 9, ergo 22; 3, 7, 2, 11, из чего опять же получается 22!!! Кто-то, привстав, выкрикнул, что все-таки 5 и, может быть, 6, 18, 4. Хейзлтон с лёту опроверг возражение, разъяснив, что так или этак – кругом 22. Заглянув в номерной указатель, я обнаружил, что 22 означает окончательную катастрофу». (Перевод Константина Душенко.)

Коэффициент полезного действия

Справедливости ради, фантасты не всегда рабски следуют актуальной повестке, когда конструируют свой «образ будущего». Можно вспомнить тех же классиков НФ золотого века: очевидно, что на излете Великой депрессии, когда в Европе уже бушевала Вторая мировая война, американских обывателей в последнюю очередь интересовали летающие автомобили, позитронные роботы и «космические корабли, бороздящие просторы Большого театра». Тем не менее литературные «сценарии будущего», тщательно проработанные, скрупулезно расписанные и не имеющие никакого отношения к страхам и чаяниям современников, появлялись в те годы один за другим. Циклы Роберта Хайнлайна или Айзека Азимова привлекали не точностью прогнозов, не актуальностью тем. Прежде всего они давали читателям возможность хотя бы на время отвлечься от текущих проблем, погрузиться в совсем другую жизнь, то есть выполняли функцию эскапистской, утешительной, комфортной литературы – даже если авторы ставили перед собой иные задачи.

В целом точность прогнозов фантастов оставляет желать лучшего – но печальнее всего обстоят дела с глобальными позитивными сценариями. И это вполне объяснимо. Зазор между «можем сделать» и «непременно сделаем» в НФ исчезающе мал: то, что технически может быть реализовано, непременно будет воплощено в жизнь, пущено в серийное производство, поставлено на поток – и никаких гвоздей! Рентабельность, практическая польза новых технологий и революционных социальных моделей редко учитывается в прогнозах

фантастов – это еще одна характерная черта литературных «сценариев будущего».

Увы, паскудная реальность раз за разом приземляет «крылатую мечту».

Помните известный стрип Тома Голда, где персонифицированная Научная Фантастика отвечает на придирки Большой Литературы: «Вы просто завидуете моему реактивному ранцу!»? Так вот, на самом деле завидовать тут особо нечему. Реактивные ранцы разработаны много лет назад, однако существуют в единичных экземплярах: для массового применения они не годятся, это слишком опасно. Самодвижущиеся дороги используются во всем мире, но почти исключительно в закрытых помещениях, в метрополитене, в аэропортах, в торговых центрах: конкурировать с традиционным пассажирским и грузовым транспортом они не в состоянии. Антропоморфные роботы остаются сверхдорогой игрушкой. Виртуальная реальность (она же «фантоматика» Станислава Лема) нашла применение только в индустрии видеоигр, да и то крайне ограниченное. Полная расшифровка генома человека завершилась в 2022 году, но выводить породу сверхлюдей никто пока, слава богу, не спешит.

Ну и, конечно, пилотируемая космонавтика, главная священная корова мировой НФ, занимает в нашей реальной жизни довольно скромное место. Наверное, объединившись специально ради этой цели, не жалея ресурсов и не считаясь с жертвами, человечество еще в XX веке могло бы построить обитаемую станцию на Луне. Но зачем? Чтобы что? Что из доступного лунным колонистам невозможно на геостационарной орбите или, страшно сказать, прямо на поверхности Земли? Стоит ли платить за эту возможность такую неподъемную цену?

Та же беда и с социальными прогнозами, особенно утопическими и умеренно-оптимистическими. Вплоть до «Русской весны» (Russian Spring) американца Нормана Спинрада, романа, в котором Советский Союз, неузнаваемо преобразившийся в результате перестройки, становится ядром нового Евросоюза. История с этой книгой приключилась почти анекдотическая: на языке оригинала она вышла в октябре 1991 года, а на русском – в начале 1992-го, когда никакого СССР уже не существовало в природе. Переводчики, хорошо понимавшие, к чему идет дело, изо всех сил старались успеть, но не справились, в результате утопическая НФ с самого начала читалась как альтернативная история, замешанная на развесистой клюкве. Утешает только то, что фантасты оказались в одной лодке с политиками, экономистами и социальными реформаторами XX века: не только легкомысленные беллетристы, но и куда более серьезные, ответственные дяди и тети со своими «сценариями будущего» попадают пальцем в небо с завидной регулярностью.

Всякое искусство совершенно бесполезно

Значит ли это, что стоит облить презрением классиков жанра (а заодно и современников, чтоб не особо задавались) – не справились, не потянули, подвели, обманули ожидания простодушных современников?

Вовсе нет. Фантастика – литература, искусство, а всякое искусство, как говорил Оскар Уайлд, совершенно бесполезно. Требование непременной практической пользы низводит НФ до уровня развернутой инструкции к пылесосу. Просто не стоит ждать от писателей достоверных прогнозов: как и все мы, фантасты живут в настоящем – и пишут о настоящем, даже когда переносят действие своих произведений в прекрасное далеко. Каждый автор по-своему отвечает на вызовы своей эпохи, и фантасты тут не исключение. Будущего нет, но почему

бы не представить, что оно есть? Нормальный литературный прием, всё в рамках дозволенного в искусстве.

Everybody lies.
И вы не стесняйтесь.

Василий Владимирский

Искусственный интеллект прет нынче изо всех щелей, как разнокалиберная хтонь в последней сцене «Вия», и в некоторых отношениях он безусловно прекрасен. Вопрос о том, прикончит ли он нас всех в ближайшем будущем, сродни угрозе ядерной войны: если ты не президент Антропика или кто-нибудь вроде того, размышлять на эту тему нет большого проку. Ну, прикончит или не прикончит – шансы, как всегда в таких случаях, фифти-фифти, а мы все равно с этим ничего поделать не можем. Но следующим по значимости вопросом, пожалуй, все же стоит озадачиться всерьез, хотя он тоже не нов: заменит ли нас ИИ полностью и окончательно – можно даже сказать, целиком – в профессиональном смысле? Нас – это, разумеется, переводчиков худлита; программистам давно пора в управдомы, а врачи и балерины пускай сами за себя переживают.

И тут спасение может прийти с неожиданной стороны: кто нам мешает, тот нам поможет. Нет, не ИИ – но тот, вернее, та, от кого мы изо всех сил старались избавиться, видя в ней лишь досадную помеху, а именно наша собственная индивидуальность.

Многие наивные читатели до сих пор требуют от переводчиков прозрачности и твердого соблюдения принципа невмешательства по отношению к автору. Но мы-то с вами знаем: чтобы перевод на другой язык оказался не смоляным чучелком, а полноценной живой книгой, оригинал должен сначала переплавиться в мозгу и душе человека, для которого этот другой язык – родной. Перевод – всегда симбиоз автора и переводчика, как бы ни раздражало это тех самых наивных читателей. Хорошему переводу необходима щепотка отсебятины, как супу – щепотка соли. И только эта щепотка соли, а точнее, неповторимая комбинация разнообразных приправ, и превращает – или не превращает – перевод в настоящую книгу.

Что может ИИ? Сделать условно объективный, безликий перевод в полном согласии с правилами языка-мишени (для многих книг и многих читателей этого вполне достаточно). Может – и обязательно научится – безупречно имитировать чужой стиль. Не сомневаюсь, что очень скоро он в принципе будет способен перевести любую книгу под кого угодно – хоть под Райт-Ковалеву, хоть под Голышева, хоть под Виктора Вебера – по нашему заказу (тут, конечно, встает во весь рост проблема авторских прав, но я не юрист, так что на этот счет помолчу), как уже сочиняет музыку под Баха. Сможет и смешать Баха с Моцартом (не уверен, что такой метод понравится многим, но у него обязательно найдутся свои симпатизанты). Но вот перевести книгу как вы – особенно если вы еще мало чего напереводили и у него не хватает материала на то, чтобы удачно вами притвориться, – не сможет. По крайней мере, пока не сравняется с людьми во всех, буквально во всех отношениях – а стало быть, не научится и самостоятельно писать книги совершенно по-новому, как не писали еще ни Гоголь, ни Моголь, ни Бабель.

Но это, конечно, не значит, что отсебятину в переводе надо холить и лелеять. Бейте ее, давите и гоните взашей – она все равно в небольшой дозе где-нибудь незаметно удержится. И вот этот малый остаточек нас и спасет.

А может, и нет. Шансы, как обычно в таких случаях, фифти-фифти.

Владимир Бабков

27 сентября:

666 любимых страшных рассказов Вертера де Гёте.

Рассказ **«Капля» (Una goccia)** от одного из главных писателей Италии 20 века магреалиста **Дино Буццати** (1906-1972). Рассказ впервые опубликован в респектабельной газете Corriere della Sera (где автор работал журналистом) 25 января 1945 года, а позже включался в сборники «Paura alla Scala» и «Sessanta racconti» («Шестьдесят рассказов», 1958, этот сборник получил престижную премию Стрега). Буццати сравнивали с Кортасаром и Борхесом, отличных странных тревожных рассказов, подходящих для нашего списка, у него хватает. Но именно в «Капле», этом маленьком шедевре, он, пожалуй, смог передать атмосферу необъяснимой тревоги лучше всего. Жители многоквартирного дома слышат, как по ночам по лестничному пролёту поднимается – в нарушение всех физических законов – таинственная капля.

Капля воды поднимается по ступенькам лестницы. Слышишь? Лежа на кровати, в темноте, я слежу за её осторожным движением. Как это она делает? Подпрыгивает? Тик, тик – доносится до меня дробно. Потом капля замирает и иногда всю оставшуюся часть ночи не дает больше о себе знать. И однако же она поднимается. Со ступеньки на ступеньку перемещается вверх, в отличие от всех других капель, падающих, в полном соответствии с законом всемирного тяготения, только вниз, производя при падении короткий щелкающий звук, знакомый всем людям земли. А эта нет: медленно всходит она по лестничным маршам подъезда «Е» нашего огромного многоквартирного дома.

Вертер де Гёте

28 сентября:

Ваш покорный-непокорный последние недели был занят прекрасным – редактировал новый роман **Эдуарда Веркина «Площадь Оружия»**. Он выйдет через пару месяцев, продолжит Вселенную «Сороки на виселице».

Сразу скажу – это не чистый жанр, в нем нф перемешана с притчей и современной прозой, и если вы раньше Веркина не читали – может быть немного сложно, пока не привыкнете. Но вот когда привыкнете...

Почему читать?

– очень красивые подробные пейзажи экзопланеты Бенедикт, передача тактильных ощущений от материалов, вкус фруктов, цвет другого мира. В этом замедляешься и успокаиваешься, читательский асмр.

– герои много и умно разговаривают о базовых вещах: чести, доблести, человеческом достоинстве, родстве и поиске смысла жизни. Сейчас вокруг очень много мелких новостей, все нишевое, а Веркин – глобальный, объединяющий.

– в романе угадывается дыхание старых мастеров: Крапивина, Саймака, Стивенсона, Шекли, Брэдбери...

– роман о надеждах и угрозах, связанных с Искусственным Интеллектом, об ответственности человека и его уязвимости

Пока редактировала – вспоминала фильм Стивена Спилберга «Искусственный разум» – фрагмент, в котором мальчик-андройд Дэвид наконец получает свою маму и ее любовь... обрыдаться, короче. Светлое, красивое, большое и грустное, забирается тебе под кожу и живет.

Читайте, смотрите на звезды и мечтайте. Плакат не похож на реальную обложку, она еще в работе, но вы пока наслаждайтесь им.

Юлия Селиванова

Страна, где все прелестно и смешно. Как в Китае читают русскую литературу

Густо пахнет софорой и розой, чиркающие по густому влажному воздуху стрижи заглушают верещащих цикад, ветви плакучих ив покачиваются, как занавеска в советской прихожей. Я записываю кружочек для подруги детства, с которой мы выросли на юге, и она изумляется: ты что, внезапно на родине? Нет, я внезапно почти в 7000 км от дома – в Пекине. Здесь, в северной его части, в деловом районе Чаоян, по которому, конечно, нельзя судить о столице, да и стране в целом, проходит 32-я Пекинская международная книжная ярмарка (BIBF), и мы с коллегами принимаем участие в ней и еще нескольких мероприятиях с китайскими славистами, переводчиками и издателями.

Подруга расстраивается, что я не сыплю экзотическими подробностями о шокирующей Азии,

не рассказываю, действительно ли Великая Китайская стена такая, как на картинках, и сколько панд я видела. Но я не успеваю посмотреть ни одной знаковой достопримечательности, я здесь по приглашению Института перевода и под эгидой литературной премии «Большая книга» – а значит, по работе. И работы много. Но она, даже если вынести за скобки ориентальный контекст, без дураков, увлекательная, не пустотелая. На фоне других китайская командировка плотнее всех забита встречами, даже в выставочном центре наша площадка всегда битком, из зала летят вопросы не только от экспатов. Принимающие нас книжники и филологи бойко говорят по-русски, знают не только советскую и классическую русскую литературу, задают нетривиальные вопросы и живо интересуются нашими делами.

Этот интерес пробивается в неформальном общении, не ограниченном протоколом мероприятий, где, строго следуя регламенту, выступают чинные секретари парткомов, книжные люди округло и осторожно, как гальку по воде пускают, говорят о связующих начинаниях, цитируя Пастернака и Гумилева, а чиновники произносят многосоставные фразы о кросскультурных интеграциях и чем-то еще таком, рождающем смутные воспоминания о политинформации по средам перед первым уроком и телепрограмме «Международная панорама». Эффект погружения в «Пионерскую зорьку» усиливается монументальным зданием Музея истории Коммунистической партии, мимо которого мы ходим каждый день, билбордами с социальными кампаниями и подростками в красных галстуках на улицах.

Но это лишь один поворот трубки калейдоскопа. Встряхни – и увидишь новую картинку, хотя стеклышки все те же: из музейного комплекса организованными коробками выходит какой-то рабочий люд в униформе, свезенный на тематическую экскурсию; из портативной колонки льется характерная мелодия, как будто кто-то запустил маджонг на компьютере, – это ярко одетые бабули занимаются цигуном; тут и там спящие в причудливых позах, иногда на скамейках, иногда прислонившись к изгороди или свернувшись креветкой на мопеде, взрослые и дети – здесь уважают чужое право на сон, в парке можно увидеть даже дремлющих полицейских. Встречается много детей с цветными оберегами на запястьях (меня предупредили, что обычно их столько не бывает на улицах, просто скоро семейный день – Праздник драконьих лодок), я смотрю на них, они – на меня, некоторые даже подходят потрогать или сфотографироваться: для них я как оживший персонаж маньхуа из-за своих разноцветных галстуков, асимметрично выстриженной седины и серой радужки с темным ободком, из-за которого глаза кажутся еще светлее.

Одно из мероприятий, на которое мы попадаем буквально сразу после перелета, – вручение премии «Россия – Китай. Литературная дипломатия». Выбор лауреатов как будто не самый очевидный: третье место – за перевод с русского «Мастера и Маргариты», второе – переводчику стихотворений Марины Цветаевой, первая премия идет переводчику пьес Алексея Арбузова. Но перед церемонией называют и работы финалистов: при всем разножанровом подходе там и классики, и современники – Виктор Пелевин и Евгений Водолазкин. Последний популярен в Китае, его романы есть не только у специалистов, но и продаются в обычных книжных. «Лавра» и «Авиатора» я позже увижу на выкладке в отделе зарубежки.

В книжный магазин мы, кстати, заходим случайно, когда по дороге в отель хотим купить воды

и перекусить. Ничем не примечательный снаружи торговый центр (крохотный по местным меркам, что-то похожее можно встретить на конечных станциях метро в Москве) внутри кажется декорацией к боевику 1990-х: павильончики с вывесками из гибкого неона и плакатами, вперемешку агитки и акции со скидками, массажные салоны широкого профиля, игровые автоматы, лавочки со сладостями и прочие, невыясненного назначения. Из-за тяжелых полупрозрачных полимерных полос, завешивающих вход вместо вертящихся или раздвижных дверей, кажется, что внутри не торговые площадки, а склад с небрежно разбросанными палетами и ящиками, в которых на льду лежат рыбьи туши, и посреди всего этого шаткий стол, за которым триады в кожаных куртках в 30-градусную жару и очках-авиаторах играют в го. Но пока воображение наслаивает кадры один другого завиральнее, как будто из фильмов Эндрю Лау, мы поднимаемся на третий этаж и оказываемся в разветвленном книжном – самом обыкновенном, сетевом, с девушками и парнями, читающими прямо на полу или примостившись на подоконниках и стремянках, с нишами для сувенирки, холодильником с газировкой, отделом нобелевских лауреатов (там же можно купить муляж нобелевской медали и портрет любимого писателя), художкой и нонфиком, детской и зарубежной прозой. С одного из стеллажей – внезапно знакомый взгляд, и хочется поежиться, как на уроке литературы в десятом классе: Достоевский и сейчас, спустя 30 лет, как бы спрашивает, добра ли я, духовна ли. А в комиксовом облачке рядом с портретом цитата из «Записок из подполья»: «Человек только свое горе любит считать, а счастья своего не считает. А счел бы как должно, так и увидел бы, что на всякую долю его запасено».

К слову, о счастье. В большинстве китайские коллеги независимо от возраста и пола ненатужно излучают открытую миру радость, близкую к той, что обычно исходит от детей. Они могут выглядеть взволнованными, напряженными из-за плотного графика или идущих не туда организационных моментов, могут на миг замереть, словно сверяясь с внутренним инерционным механизмом. Но при этом всегда доброжелательны, экспрессивны, легко шутят, задают умные вопросы, рассказывают о чем-то как будто личном, то щебеча, то похохатывая. Ты понимаешь, что эта брызжущая смехом и радушием экстравертность и близко не подпускает к пониманию пресловутого национального характера или тому, чтобы опровергнуть либо подтвердить стереотипы, но сложно противостоять этому обаянию, которому немало добавляет искренний интерес к твоему делу, на некоторое время ставшему общим. Слависты, знакомясь, называют себя русскими именами: Соня, Маша, Лиза, Олег, Леня, Борис. Сначала порываешься сказать, мол, я хоть и лаовай, но запомнить, кто Хунбо, кто Синь, кто Мэнлянь, в состоянии. Но нам уже рассказали, что после детского имени, в числе прочего отгоняющего злых духов, у китайца перед взрослым появляется «сюэмин» – наречение, данное ему учителем.

«Наши» китайцы учат русский безотрывно от сопряженной с языком культуры, которую они постигают всеми доступными способами: читают книги и социальные сети («Из вашего канала я узнаю о финалистах нового сезона, а какой у вас прогноз, кого посоветуете? Я уже дочитала финалистов позапрошлого и прошлого года, каких нашла», – говорит обалдевшей мне редактор Лиза); Борис пишет диссертацию о братьях Стругацких и признается, что прочитал все взрослые тексты Веркина, поэтому вызывается переводить нашу с Эдуардом

дискуссию о современной фантастике и замечает, что нашел в «Сороке на виселице» параллели с поэмой «Москва – Петушки» (Веничка, Веничка, не все-то медленно и неправильно?); Маша задает Анне Баснер точные и остроумные вопросы про петербургский текст, второкурсники-чтецы болтают с поэтом и эссеистом Василием Нацентовым, сыпля цитатами.

Даже если и происходит все это в рамках исследовательских программ Пекинского педагогического университета и работы в журнале «Русская литература и искусство», после нескольких часов в кампусе мы еще несколько дней обсуждаем с коллегами то, как сильно погружены в наш родной контекст сотрудники китайского «толстяка» и кафедры китайского вуза. Собираясь в аэропорт, я смотрю в окно на олимпийскую обзорную башню. Впервые за пять дней смог рассеялся и на горизонте проступили далекие горы. Думаю о том, что само бросается в глаза, к чему надо присмотреться, а о чем приходится лишь догадываться в этой прелестной сияющей стране. Обещаю себе вернуться.

Иллюстрация: Тимофей Яржомбек

Ася Шевченко

29 сентября:

Асбьёрнсен П.К. Норвежские народные сказки / Петер Кристен Асбьёрнсен, Йорген Му; сост. Елена Рачинская; пер. с норв. под общ. ред. Елены Рачинской; ил. Дарьи Антоновой. М.: ИД «Городец», 2026. 232 с.: ил. (Скандинавская линия «НордБук»).

Аннотация: В эту книгу вошли лучшие образцы норвежского фольклора, записанные Петером Кристеном Асбьёрнсеном и Йоргеном Му – легендарными собирателями народных сказок и преданий, которых называют норвежскими братьями Гримм. Волшебные и бытовые сказки, легенды о троллях, хюльдрах и скрытом народце, истории о хитроумном Аскеладде, древние поверья горных хуторов и пастбищ открывают читателю живой мир суровой северной природы, народных верований и векового уклада жизни.

Особую ценность изданию придаёт впервые публикуемый на русском языке полный перевод «Оленьей охоты в Рондских горах» – одного из самых необычных произведений норвежской литературы XIX века, соединившего черты народной былички, путевого очерка и охотничьего рассказа, многие мотивы которого нашли позднее свое отражение в драматической поэме Хенрика Ибсена «Пер Гюнт».

Сборник подготовлен Е. Рачинской – исследователем норвежского фольклора, автором-составителем энциклопедии «В стране троллей. Кто есть кто в норвежском фольклоре».

Николай Подосокорский

Я прочитал “Анафем” Стивенсона до середины и должен как-то самому себе объяснить парадокс этого произведения.

Какие же в “Анафеме” плохие диалоги!

Описания там, по большей части, хорошие и интересные. Они дают картинку, мизансцену, а иногда – очень редко! – даже драматургию, но диалоги...

У Стивенсона есть два режима. В первом режиме он пишет диалоги “в лоб”, за которые любого сценариста погонят рваными тряпками. Во втором режиме он силится создавать диалоги с подтекстом, совершенно не понимая, что подтекст без тщательного и аккуратного контекста не работает.

Контекст в диалогах – не свойство диалога, а свойство системы, в которую диалог погружен.

Контекст состоит из мотиваций и характеров персонажей, из их целей, из доступной персонажам информации, о которой также должен знать и читатель. Когда какое-нибудь из этих звеньев упущено, диалог превращается в алогичную мешанину реплик.

В “Анафеме” можно найти какие угодно диалоги с какими угодно отсутствующими звеньями.

Знаете, какое самое страшное слово для математиков? “Очевидно”. После “очевидно, что...” следует гигантский скачок, пропускающий важнейшее рассуждение, которое ни разу не очевидно и требует доказательства. Вот и у Стивенсона так же. Разрывы в логике нельзя объяснить ничем, кроме диалоговой беспомощности автора.

А корневая проблема – что персонажи вообще все одинаковые. Они даже не картонки, они просто болванки, одна больше, другая меньше. Ну разве что автор выдал им трусы разных цветов, сиречь каких-нибудь внешних особенностей. Один – хорош в рукопашном бою, другая красивая, третий – взрослый мужик. С таким подходом у вас, конечно, ни мотиваций, ни устремлений, ни желаний не будет. Где нет индивидуальности, там и хорошим диалогам неоткуда взяться.

Был один диалог – разговор главного героя с оппонентом с трансляцией на весь мир. И начиналось прекрасно! Стивенсон случайно дал нужную информацию и интонацию перед диалогом, из которой мы видели локальные желания оппонентов. И подтекст стал ясен без всякой атрибуции. Но после нескольких реплик Стивенсон потерял диалоговое прозрение и снова скатился в прямолинейность и чрезмерное “объяснялово”.

А парадокс в том, что книга-то хорошая, на голову выше этой вашей “Ложной слепоты” Уоттса. Стивенсон умеет строить прекрасные инженерные и философские системы. Он даже нормально работает с драматургией. Читать его интересно, хоть и нелегко.

Но диалоги и никакие персонажи все портят. И нет, здесь нет совпадения формы и содержания. Персонажи так генерично говорят не потому, что каждый – философ, ученый, знаток. И не потому, что Стивенсон не хочет их оживлять. Он хочет, пыжится, но может. Чувствуется, что ему надо написать много и быстро. А хорошие диалоги его бы сильно замедлили, и он бы не нафигачил такой объемный талмуд.

Александр Гранин

30 сентября:

Индеец Острый Глаз наконец заметил то, что лежит на поверхности, но чего почти никто не видит: планета Хайн (Hain), давшая название Хайнскому циклу Урсулы Ле Гуин, и французское слово «ненависть», la haine, отличаются на немое «е». Произносятся они по-французски чуть по-разному, конечно. Но это не может быть совпадением по двум причинам: во-первых, Ле Гуин была французским филологом, училась французскому, учила французскому, жила во Франции и так далее. Во-вторых, у нескольких протагонистов романов Хайнского цикла имена означают «любовь» на разных языках.

В-третьих, я стал и искать и нашел статью Le Guin’s «Aberrant» Opus: Escaping the Trap of Discontent французского фантаста Жерара Клейна, вышедшую на английском в 1977-м в журнале Science Fiction Studies. Клейн тоже всё заметил. И, более того, сделал попытку обосновать. По его словам, дело в диалектике (на которой Ле Гуин в значительной степени основывала тексты, хотя для нее это был скорее даосский принцип инь-ян): в основе

любого общества, даже самого утопического – как в «Тех, кто уходит из Омеласа», – лежит самоотрицание, то есть...

...фундаментальная несправедливость. Не потому что человечество плохо (метафизически), но потому что любое общество, как и язык, функционирует на базе системы противоположностей и стремится внутри себя воссоздавать и вечно длить разность, включая разность между тем, что субъективно воспринимается как добро и зло.

Я не уверен, что это вот прямо так для Ле Гуин, хотя, конечно, в даосизме (или буддизме) конструкты «добро» и «зло» субъективны – но сводимы к объективному, не очень выразимому абсолютным языком, пониманию. Конкретно про Хайн Клейн пишет подробнее так:

Вина хайнцев – воспоминание о ненависти, которую они изначально выпустили в мир. Хайнцы... некогда обусловили дифференциацию человечества [это основа цикла: разные существа на разных планетах – продукты хайнской генетической модификации] и в *сложном процессе, на который Ле Гуин лишь намекает, породили ненависть для других, для тех разных существ, кого сотворили, кто и был ими. Затем они совершили невероятные преступления, которые позднее, когда они смогли вынести разность и вновь столкнулись с теми же объектами, превратили в вину. Однако, дифференцируя человечество, они сделали возможным, гораздо позднее, знание или осознание, то есть любовь, но ценой неослабевающего страдания, которое снова и снова воспроизводит первоначальные отход и распознавание. Хайнцы уничтожили силой ненависти скорлупу пре-этического Эдема, в который войти невозможно, и они могут только вечно раскаиваться.*

Опять же, не уверен, что всё это вычитывается у Ле Гуин. Но важнее всего то, что у Клейна дальше, и это у Ле Гуин вычитывается:

Все или почти все работы Ле Гуин описывают... кризис и условия возникновения этики в точном смысле. Более того, для Ле Гуин человек – этическое животное еще и в том смысле, что у него есть коллективная возможность изобретать социальное поведение и экспериментировать с ним так же, как с научными областями. История для Ле Гуин – не серия более-менее славных событий, но у истории есть вот это направление. ***История производит этику так же, как производит язык****, и, так же, как в области языка, каждый индивид действует в этической сфере без необходимости знать все элементы и их взаимодействия, но, на любом данном этапе, как если бы он о них знал.* Истинная история бессознательна. Неотклоняемое и недостигаемое владычество истории лежит в прояснении [*просветлении? elucidation*] этого бессознательного.

(Про выделенное болдом: господи, нашелся человек, который формулирует это ровно, ровно так же, как я, с точностью до запятой. Надо будет почитать Жерара Клейна, вот что.)

Я это написал не потому, что согласен с каждым словом; но тут есть пища для размышлений. Одно то, что у Ле Гуин были вот эта игра в Ненависть – Любовь и она никогда о ней не говорила, насколько я знаю, уже дает читателю полномочия искать ключи и трактовать их. У Клейна есть еще полезные наблюдения, скажем, про Анаррес и Уррас: Анаррес он трактует как «вещь» (res, латынь) анархистов – тут понятно, даже без «вещи» Анаррес отсылает к анархии, – а вот Уррас как СССР (URSS по-французски!) + США/USA. И, да, так оно и есть, Уррас – слепок с Земли времен Холодной войны. И даже если Клейн нащупал концепцию Хайна не совсем верно, стоит

подумать, какой она могла быть и что там с ненавистью – и любовью.

И ведь выйдет ничуть не хуже «Дюны». Где тоже ключевое – концепция истории, по сути-то. Производящей этику и так далее.

Николай Караев

«Пепельная тетрадь», Оксана Ветловская

С творчеством Оксаны Ветловской, как выяснилось, я познакомилась ещё до «Пепельной тетради» – когда читала тексты для отбора в «Самую страшную книгу 2027». Её рассказ «По следу огненному» очень меня зацепил, и я сразу занесла его в финальный топ, тогда не зная автора (тексты нам давали анонимно).

И вот теперь прочла авторский сборник Оксаны под названием «Пепельная тетрадь», в нём 9 рассказов и повесть, и это тот **случай, когда мне в той или иной степени понравились абсолютно все тексты**, я не пропустила ни одного. Во многом это заслуга именно авторского стиля. **Пишет Ветловская плотно, глубоко и с вниманиям к деталям**, при этом умеет работать с совершенно разными контекстами и сеттингами: тут тебе и нацисты, и пришельцы, и демоны, и даже сам дьявол.

Сразу обращу ваше внимание, что *это не зубодробительный, жесткий хоррор*. Пугающее здесь базируется на исторических обстоятельствах и человеческих слабостях плюс замешано на мистике. Герои – всегда либо очень одаренные, либо глубоко увлеченные люди, которым предстоит сделать сложный выбор.

Выделю **3 рассказа, которые впечатлили больше всего**.

На первом месте однозначно **«Отчаяние соглядатая»** (не могу отделаться от мысли, что в этом названии есть что-то *Король-и-Шутовское*). Голодный писатель заключает сделку с дьяволом, чтобы написать шедевр. Казалось бы – чего тут удивительного? Но что если наш герой мог бы оказаться реальным писателем, которого мы все знаем? И его ждёт тяжелый выбор – написать свой шедевр или лично вмешаться в сюжет ради спасения невинной души.

Дальше сразу два рассказа делят второе место: **«Имаго»** (робкий энтомолог Женя едет на Алтай искать ~~себя~~ гигантских бабочек) и **«Отдел особого хранения»** (книжный червь Зоя заведует таинственным отделом в библиотеке, где *живут* переродившиеся книги). Эти истории понравились от и до, по всем параметрам.

А самый страшный рассказ для меня – **«Закон равноценного обмена»** (сеттинг нацистского лагеря, где принимают роды). Тема сама по себе жуткая, а я ещё и родила в этом году, так что сами понимаете... Не вошел он в личный топ из-за концовки, как и заглавный рассказ «Пепельная тетрадь». Это моя по сути **единственная и очень субъективная претензия к сборнику – в некоторые истории я настолько погрузилась, что мне не хватило ещё каких-то кульминационных событий в самом конце**, я не была готова, что сейчас всё кончится.

Повесть **«Хорошая партия»** сперва не слишком увлекла (космическая тема, перестроечный период), но с середины я очень прониклась и даже поймала ощущение некоторой **кинематографичности происходящего**. Вообще истории Ветловской легко визуализируются: во-первых, за счет её, не побоюсь этого слова, *роскошного* авторского стиля, во-вторых, **потому что она ещё и иллюстратор и оформила сборник своими иллюстрациями**, включая обложку. Я даже пожалела, что читала в электроном виде, а не в бумаге, поэтому иллюстрации разглядывала только на экране смартфона.

Резюмирую: даже если вы не слишком интересуетесь хоррором, сборник «Пепельная тетрадь» вполне может открыть для вас какие-то новые горизонты в этом направлении, но без урона для психики. В первую очередь это талантливо написанные истории о человеческой природе, и некоторые из них выходят за рамки жанра.

Александра Прохорова

Джордж Р.Р. Мартин «Пир стервятников»

У цикла *«Песнь льда и огня»* есть одна особенность, которая отличает его от большинства масштабных фэнтези-саг: Джордж Мартин никогда не был заинтересован только в битвах, королях и великих свершениях. Его гораздо больше интересует то, что происходит после победы. Что остается от страны, когда армии расходятся? Кто собирает осколки разрушенного мира? И самое главное – кому достается власть, когда лучшие люди уже погибли?

«Пир стервятников» – книга именно об этом. Это, пожалуй, самый неоднозначный роман цикла: он лишен привычного размаха предыдущих частей, в нем почти нет масштабных сражений, а многие любимые герои остаются за пределами повествования. Вместо этого Мартин создает не хронику войны, а тяжелое послевоенное исследование мира, который пытается существовать после разрушительной войны.

Само название романа довольно точно отражает тему всего цикла. Стервятники здесь – это не только отдельные персонажи, которые наживаются на чужих бедах. Это целая система людей, приходящих туда, где уже пролилась кровь. Одни делят земли, другие укрепляют власть, третьи ищут выгоду в хаосе. В мире Мартина война заканчивается не тогда, когда последний меч убран в ножны. Настоящие

последствия начинают проявляться позже – когда приходится жить среди разрушенных замков, голодающих деревень и сломанных судеб.

Главная особенность «Пира стервятников» – изменение масштаба истории. Если предыдущие романы были похожи на огромную шахматную партию, где двигались десятки фигур, то здесь камера приближается к отдельным людям. Мартин показывает в первую очередь тех, кто оказался рядом с вершиной власти: женщин, вынужденных бороться за выживание в мире мужчин; правителей, которые пытаются удержать остатки влияния; обычных людей, ставших заложниками чужих амбиций.

Особенно интересно наблюдать за тем, как автор работает с темой власти. В большинстве фэнтези власть представляется как награда: кто победил – тот правит. У Мартина все сложнее. Получение трона или титула не означает победы. Иногда это всего лишь новая форма наказания. Человек, добившийся желаемого, внезапно обнаруживает, что управлять страной гораздо труднее, чем завоевать ее.

Одной из центральных фигур романа становится Серсея Ланнистер. В предыдущих книгах она часто воспринималась как опасный, но второстепенный игрок – женщина, стоящая за спинами более сильных мужчин. В «Пире стервятников» она получает возможность действовать самостоятельно и раскрывается совершенно иначе. Мартин показывает человека, который искренне считает себя гениальным политиком, хотя почти каждое ее решение приближает катастрофу.

В этом заключается мастерство автора: он не делает Серсею карикатурным злодеем. Ее ошибки растут из сложного характера, страхов и неправильного понимания окружающих. Она уверена, что все вокруг строят заговоры против нее, и поэтому сама начинает создавать врагов. Ее сюжетная линия становится своеобразным исследованием самообмана: иногда человек разрушает собственный мир не потому, что ему не хватает силы, а потому, что он слишком уверен в собственной правоте.

Не менее важна линия Бриенны Тарт. Ее путешествие внешне кажется медленным, но не лишенным привычного приключенческого драйва. Именно через нее Мартин говорит о цене рыцарских идеалов. Бриенна живет в мире, где честь часто оказывается пустым словом, а обещания нарушаются при первой возможности. Однако она продолжает верить в то, что правильно поступать важно даже тогда, когда это не приносит выгоды.

В этом есть один из главных парадоксов цикла: Мартин постоянно показывает жестокость мира, но не утверждает, что добро бессмысленно. Напротив, на фоне цинизма особенно ярко выделяются люди, которые пытаются сохранить человечность. Они могут проигрывать, ошибаться и страдать, но именно они не позволяют миру окончательно превратиться в борьбу хищников.

Отдельного внимания заслуживает атмосфера романа. «Пир стервятников» – одна из самых мрачных книг цикла не из-за количества насилия, а из-за ощущения усталости. Здесь нет романтики войны. Нет ощущения великого приключения. Есть последствия. Разоренные земли, люди, потерявшие семьи, солдаты, которые больше не знают, ради чего сражались. Мартин показывает войну не глазами героев, идущих к славе, а глазами тех, кто остается после них.

При этом у романа есть очевидная проблема. После грандиозных событий *«Бури мечей»* ожидаешь продолжения с тем же темпом и масштабом. Вместо этого получаешь более камерную историю, где отсутствуют некоторые ключевые персонажи. Такой прием требует терпения: «Пир стервятников» не пытается постоянно удивлять сюжетными поворотами, он медленно перестраивает мир перед следующими событиями.

Но если принять замысел книги, она начинает работать совершенно иначе. Это именно роман о последствиях. Мартин словно задает вопрос: что происходит с государством, когда исчезают фигуры, определявшие ход истории? Оказывается, мир не останавливается после смерти королей и побед полководцев. На их месте появляются новые игроки – часто менее достойные и гораздо более опасные.

Стиль Мартина в этой книге особенно хорош именно в деталях. Он умеет создавать ощущение живого мира через мелочи: разговоры на постоялых дворах, политические намеки, бытовые сцены, внутренние размышления героев. Вестерос в исполнении Мартина предстает перед нами абсолютно реальным местом.

Роман не дает простого удовольствия от новых битв и побед, зато предлагает нечто более редкое – ощущение настоящего исторического процесса.

В истории редко бывает так, что после падения одного короля сразу появляется достойный наследник и наступает справедливость. Чаще наступает время стервятников – тех, кто приходит делить остатки прошлого. Это Мартин и показывает лучше всего: великие события меняют мир, но настоящая история начинается тогда, когда заканчиваются песни о героях.

Итог: «Пир стервятников» – это роман, который сложно оценивать по привычным меркам. В нем меньше событий, чем в предыдущих книгах цикла, меньше масштабных сражений и меньше ощущения стремительного движения вперед. В этой паузе Джордж Мартин и показывает то, что часто остается за кадром в историях о войнах и великих героях. Это книга о последствиях. О мире, который пытается выжить после войны. О людях, которые приходят на место погибших и пытаются занять освободившиеся позиции. О том, что власть сама по себе не делает человека сильнее, а победа не всегда означает спасение.

Жанр: Эпическое фэнтези

Оценка: 10/10

Алексей Севериан

Культурные итоги 2026Q3

В истекшем квартале я был и малокультурен, и секторально ограничен. Все еще надеюсь, что временно.

Шкала десятибалльная.

Книги

В перечень не включены тексты, которые я читал как бета-ридер и блербодатель.

5 баллов

«Начнем с Высоцкого, или Путешествие в СССР...», Андрей Молчанов

6 баллов

«Дверь смерти», Рекс Стаут

7 баллов

«Цветов не посылать», Рекс Стаут

8 баллов

«Тринадцатая сказка», Диана Сеттерфилд

9 баллов

«Если вы меня слышите. Книга первая», Елена Михалкова

10 баллов

Рассказы и повести об оперативнике агентства «Континентал»/»The Continental Op», Дэшил Хэммет

Полное собрание сочинений в 33 томах, том 27 (1985-1986). Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Кино

-

(Сам в шоке)

Сериалы

Пилотные серии

Сигнал (2026) — 6

Полные сезоны (первые, если не указано иное)

7 баллов

Менеджер Ким (2026, 김부장)

8 баллов

«Доктор Кто» (2005, Doctor Who, 10 серий первого сезона после перезапуска)

«Вдовья бухта» (2026, Widow's Bay)

«Призрачная башня» (2018, The Looming Tower)

«Королевство» (1994-1997, Riget, сезоны 1-2)

Шамиль Идиатуллин

«Супергерои для грустных», Иван Бевз
(«Азбука.Голоса», 2026, 18+)

Хочешь назад в 2003-й? Присаживайся, включай телевизор. Вот телепрограмма на сегодня – это наш телепорт:

9:00 «Том и Джерри», м/ф

Отведи на минуту глаза от экрана – видишь, на ковре сидит мальчик с печатной машинкой «Эрика»? И он только что напечатал: «*я теперь все могуч. я точно буду писателем*». Это Ваня Бевз из рассказа **«Капитан Флэш Форвард»**. Первая история кажется автобиографической, друг-супергерой – воображаемым, а волшебные часы, которые могут перематывать время вперед – метафорой взросления, которое не остановить. Но внутри каждого из нас все еще живет ребенок, который верит в мечту.

Часы Флэш Форварда все еще у нас, поэтому время вперед! Переключай на СТС:

14:30 «Тайны Смоллвиля», т/с

Сериал уже смотрит Женечка Сафронова из рассказа **«Супермен и Женечка»** – она прибежала из школы, съела солянку и живет мечтой учиться в Смолвилль-Хай... И вот с Женечкой (а не с нами, как жаль!) с экрана говорит Кларк Кент: «*Я всегда был настоящим, как Робинзон Крузо, как Шерлок Холмс, как Винни Пух. Ты воспринимаешь меня, следовательно я существую*». Женечка получает силу. Что сделает с ней 12-летняя девочка из Дзержинска? Попытается помогать людям. Пожалуй, это самый добрый рассказ в сборнике, он о силе и ответственности. И о том, как же важно все-таки оставаться обычным человеком, даже если твоя ролевая модель – Супермен, и ты привыкла многое брать на себя.

18:00 «Джонни Мнемоник», х/ф

Помнишь историю Джонни? Забудь. У нас есть **Коля Мнемоник**, из одноименного рассказа, который помнит тысячу разных вещей – все чит-коды компьютерных игр и рекорды из книги Гиннеса, но забывает важное: день рождения девушки или имя друга. Рассказ о маленьком человеке, который совершенно не вписывается в современный мир, наполнен печальным юмором. И финал у него совершенно головокружительный.

А теперь выключи телевизор, а то кинескоп посадишь.

Сборник рассказов «Супергерои для грустных» доводит ностальгию до абсурда, смешивает суровую реальность с образами из нулевых – получается сначала трогательно и смешно, а потом горько и страшно. Хотя приметы собственного детства в рассказах найдет каждый. Они как разбросанные по тексту конфеты «Берти Боттс» – может попасться и сладкий «Баунти», и горький привкус любимого клипа Evanescence, и амбре «Балтики №9». А есть такие отсылки, от которых хочется плакать – сразу в сердце бьют (не скажу, о чем речь, но вы будете читать и сами поймете).

Один из ключевых приемов «Супергероев для грустных» – это ожившие мифы нулевых, образы из детства, которые обретают плоть, кровь и влияние.

Иногда это добрая сила, как Кларк Кент из телевизора, иногда злая – как монстры в рассказе «Разочарованная». Но мысль о том, что массовая культура начала XXI века сделала нас теми, кто мы есть, теперь не выходит из головы.

В нулевые казалось, что нет ничего невозможного. Каждая любимая нами история была о том, что каждому под силу изменить мир. Но мы выросли. Оказалось, что нам порой не под силу справиться с собой. Иван Бевз пишет об этой потерянности, беспомощности, усталости. Супергероев будто и нет, а суперзлодеи тут как тут («*Низкая зарплата, депрессия и импотенция*», как в рассказе **«Человек, но паук»**).

Сборник мне понравился – мне все время было интересно, хотя порой я чувствовала и горечь, и недоумение. Автор щедро отсыпает героям суперсил и необычных обстоятельств, но зачастую обделяет их любовью и счастливыми шансами. Кое-кому все-таки везет, но это скорее исключение. Рекомендую книгу всем, кто не боится хоррора, абсурда, черного юмора, безнадежности с весельем пополам. Если вы миллениал – равнодушными точно не останетесь.

Даша Кельн

Steven James Morris

© Источники:

RocketMan: https://t.me/RocketMan_kosmodrom
Александр Гранин: Внутри сингулярности, https://t.me/singularity_within
Александра Прохорова: Винишко под книжку, https://t.me/culturehedonism
Алексей Ионов: Замок Маклауда, https://t.me/castle_macleod
Алексей Пак: Пацанские полки, https://t.me/boy_shelfs
Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair
Анастасия Шевченко: Заметки панк-редактора, https://t.me/UmiGame
Антон Нелихов: Минутка этнографии, https://t.me/minutka_entnography
Ася Михеева: Shean, https://t.me/ursa_magna
БВИ: Братия по Разуму: https://t.me/bratrazum
Василий Владимирский: speculative_fiction, https://t.me/SpeculativeFiction
Вертер де Гёте: Фантастика, хоррор, комиксы и другие удовольствия, https://t.me/horrorfantastcom
Вика Рипа: Еврейка у микрофона, https://t.me/urfavjewishgirl
Владимир Бабков: Игра слов, https://t.me/igraslov_vb
Владимир Березин: березин, https://t.me/berezin
Владимир Обручев: Книги лучше..., https://t.me/bigboss_books
Генри Лайон Олди: Oldie World, https://t.me/oldieworld
Дарья Бобылёва: Ход грибной королевы, https://t.me/inomirj
Даша Кельн: Бесконечные истории, https://t.me/keln_chitaet
Дмитрий Волчек: Митин журнал, https://t.me/mitin_zhurnal
Дмитрий Злотницкий: Фантастика с Дмитрием Злотницким, https://t.me/zlo_i_sff
Дэвид Лангфорд: Ansible, https://news.ansible.uk/
Жанна Пояркова: Heresy Hub, https://t.me/heresy_hub
Инар Искендирова: Так говорил Лем, https://t.me/lemtalking
К.А.Терина: Непонятная, но милая дичь, https://t.me/anyret_a_k
Константин Сонин: https://www.facebook.com/konstantin.sonin
Макс Фрай: Ловец книг, https://t.me/lovez_knig
Марина Аницкая: какая реальность, такой и реализм, https://t.me/radio_amarinn
Марина Бернацкая: Marina Bernackaya, https://t.me/tamango15
Мир фантастики: https://t.me/mirf_ru
Наталия Осояну: magie bizarre, https://t.me/magie_bizarre
Николай Караев: Звездные маяки капитана Норта, https://t.me/starlighthousekeeping
Николай Подосокорский: Подосокорский, https://t.me/podosokorsky
Олег Кожин: Шкаф с кошмарами, https://t.me/kozhinoleg

Олег Ладыженский: https://www.facebook.com/oleg.ladyzhensky.1
Павел Сидоров: Сай-фай ревью, https://t.me/scifireview
Сергей Карелов: Малоизвестное интересное, https://t.me/theworldisnoteasy
Танда Луговская: Tanda_v_Telegrame, https://t.me/tanda_v_telegrame
Ульяна Бисерова: Синичкин хлеб, https://t.me/sinichkin_hleb1
Ульяна Скибина: Сказки лесной ведьмы, https://t.me/Fairy_tales_of_the_forest_witch
Шамиль Идиатуллин: Idiatullin, https://t.me/idiatullin
Юлия Евдокимовская: Заквашен на книгах, https://t.me/we_and_books
Юлия Селиванова: Книжный Проводник, https://t.me/KNprovodnik